

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ИЮЛЬ
АВГУСТ N4(142)

МОСКВА 2022

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2022. № 4. — 288 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
академик НАНУ А.А. Гриценко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия);
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург);
д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекартаев (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
И.Г. Морозов, Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина,
О.Б. Лемешонок, И.А. Ольховая, А.В. Осипова

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>
сайт: <http://www.phil.ru>
<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>
Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6.
Тираж 1000 экз. Заказ №
Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»»
тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2022

Содержание

Разверзие (Главный редактор)	7
------------------------------------	---

Раздел I. Философия хозяйства

Ю.М. Осипов

Россия в текущем межвековье: от выворачивания к выворачиванию (из века XX-го в век XXI-й)	11
--	----

А.И. Разумовский

Управление и творчество	44
-------------------------------	----

Н.Б. Шулевский, Е.С. Зотова

Школа и образование — мемориальная онтология России	55
---	----

И.В. Пшеницын

Стратегия безопасного развития России	64
---	----

О.В. Добрович

О мире, который рождается в войне	70
---	----

Раздел II. Экономическая теория

Л.А. Тутов, А.А. Измайлов

Методология научно-исследовательских программ как инструмент для решения современных проблем экономической науки	89
--	----

В.А. Ушанков

Отечественный вариант ответа на вопрос об объединении субъективных и объективных начал в экономической науке	107
--	-----

П.П. Жуликов

Человек и капитал	115
-------------------------	-----

А.Н. Баланов

Цифровизация организации как способ повышения конкурентоспособности экономики	122
--	-----

А.А. Золотухин

Эндогенная трудовая теория роста	133
--	-----

Раздел III. Актуальная философия

Ф.И. Гиренок

Слово к литераторам: о философии, о литературе, об интеллигенции	155
---	-----

Н.Б. Шулевский

Бездна: апофатическая перспектива мира и поликогнитивный концепт	160
---	-----

<i>Н.Н. Ростова</i>	
Война слов, или Как философия учреждает мир	173
<i>К.В. Молчанов</i>	
Основы нового понимания планирования, или Существо диалектического планирования	180
<i>И.Г. Морозов</i>	
Догматический аспект философии религии С. Кьеркегора	201
 Раздел IV. Рецензии и отклики	
<i>Юр. Михайлов</i>	
Сполошные измышлизмы	231
 Научная жизнь	
<i>Т.С. Сухина</i>	
Россия в разверзшейся реальности.....	268
Анонсы	281
Наши авторы	282

Contents

Splited Apart (Chief Editor).....	7
Part I. Philosophy of Economy	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Russia is Between Centuries: from Turning to Turning (from the 20-th Century to the 21-st Century)	11
<i>A.I. Razumovsky</i>	
Control and Creativity.....	44
<i>N.B. Shulevsky, E.S. Zotova</i>	
School and Education as a Memorial Ontology of Russia	55
<i>I.V. Pshenitsyn</i>	
A Strategy of Safe Development of Russia.....	64
<i>O.V. Dobrocheev</i>	
About the World that is Born in War	70
Part II. Economic Theory	
<i>L.A. Tutov, A.A. Izmailov</i>	
Methodology of Research Programs as a Tool for Solving Modern Problems Economic Science	89
<i>V.A. Ushankov</i>	
The Domestic Version of the Answer to the Question of the Unification of Subjective and Objective Principles in Economics.....	107
<i>P.P. Zhulikov</i>	
Capitalism vs Human World.....	115
<i>A.N. Balanov</i>	
Digitalization of the Organization as a Way to Increase the Competitiveness of the Economy.....	122
<i>A.A. Zolotukhin</i>	
The Endogenous Labor Growth Theory	140
Part III. Actual Philosophy	
<i>F.I. Girenok</i>	
A Word to the Writers: about Philosophy, about Literature, about the Intelligentsia	155
<i>N.B. Shulevsky</i>	
The Abyss: The Apophatic Perspective of World and the Polycognitive Concept	160

<i>N.N. Rostova</i>	
The War of Words or How Philosophy Establishes World.....	173
<i>K.V. Molchanov</i>	
Fundamentals of a New Understanding of Planning, or the Essence of Dialectical Planning.....	180
<i>I.G. Morozov</i>	
The Dogmatic Aspect of S. Kierkegaard's Philosophy of Religion	201
Part IV. Reviews and Responses	
<i>Yur. Mikhailov</i>	
Some Excessive Thoughts	231
Scientific Life	
<i>T.S. Sukhina</i>	
Russia in the Broken Reality.....	268
Anounce	281
Our Authors	284

Разверзие

Война на Украине все бытийно-историко-экзистенциальное вдруг и вскрыла, да не только вскрыла, а и обосновала, назвав все ею вскрытое своими (их) именами: Украину (не всю) — Укронией (от укров); укронацистов — бандеровскими нациками; Россию (РФ) — Россией; Запад — Западом, однако уже во многом за-пад-ным (падающим в свою собственную западню, отчего растерянным, гнусным, обманным и как всегда хищным); Восток — Востоком (хитроумным, «делотонким», потаенным, выжидающим, ждущим своего часа); остальных — остальными (замершими, если не оцепеневшими, даже и не мечущимися); мир человеческий — миром человеческим, обремененным нечеловеческим антимиром, мир человеческий старательно и зло поглощающим; добро — добром, а зло — злом; святое — святым; подлое — подлым; Родину — ценностью, глобализацию — пустотой; традицию — спасением, неоновизну — погибелью.

И саму сию войну сия война вскрыла, вдруг «сквалифицировав» ее не как войну Украины (Укронии) с Россией (РФ), или России (РФ) с Украиной (Укронией), даже не как войну между Западом и Россией, а как, знаете ли, войну мира человеческого (из глубины) с захватившим сей мир нечеловеческим антимиром, включая и войну России с анти-Россией, однако не только внешней анти-Россией, ясно обозначившейся и вышедшей открыто на поле сакральной брани, но и война (разумеется, не войновская, не войсковая) с внутренней для России (РФ) анти-Россией, которая вовсе не сводится к тем же противникам войны на Украине или даже прямым ненавистникам России как России, их деяниям, не в них и не в этом дело: сия война есть война с заселившимся в окомах России прозападным по сути и преимуществу антимиром, мало что патоисковеркавшим страну, так и готовящим ее к полному самоисчезновению.

Войновская война на Украине лишь вскрыла вредоносное присутствие повсюду и в самой России погребального для человеческого мира антимира, включая и техно-электронно-сетевую его часть, но она, ежели ничего такого россиянин не осознает и не опомнится,

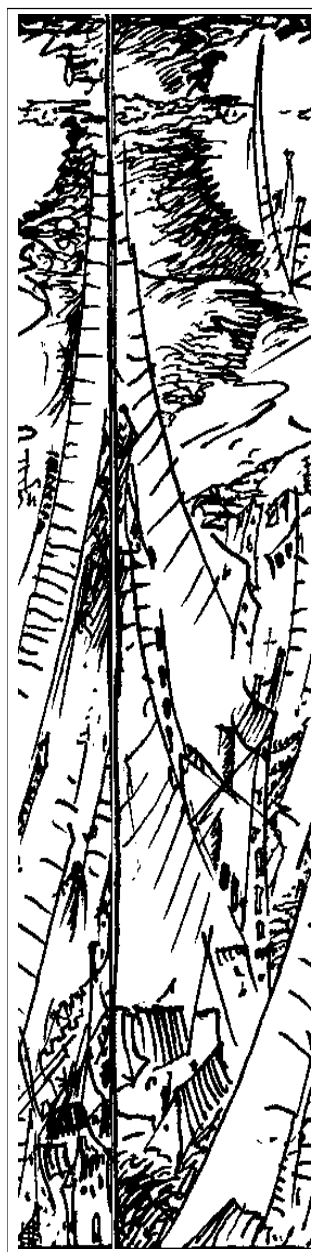
всерьез и надолго ничего не изменит, имеет шанс и сама погрузиться в антимир.

Примечательно, что наш российский верховный обратился с призывом радикально изменить антиэкзистенциальную ситуацию на Украине не к кому-нибудь, а к... украинским военным, с которыми он, наш верховный, вроде бы воюет, — к кому ж еще, спросим себя, ему нынче обращаться по столь деликатному вопросу, как не к военным, — не к деятелям же антикультуры и антинауки — этим беснующимся или мало что понимающим провозвестникам выворачивания мира человеческого в нечеловеческий антимир?

Главный редактор

I

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

**Россия в текущем межвековье:
от выворачивания к выворачиванию
(из века XX-го в век XXI-й)***

Аннотация. Принято говорить об эволюции бытия, его развитии, возвращательном движении по кругу (по спирали). Так и есть, однако существуют и иные движения — выворачивающие бытие, как правило, с последующим выворачиванием вывернутого. Очень интересная констатация с не менее интересным разбором бытийно-исторического движения с куда как более интересным его пониманием. На данный момент — почти что безостановочное переворачивание, или выворачивание, России на пути из века XX-го в XXI-й.

Ключевые слова: бытие, история, Россия, выворачивание, переворачивание, современность.

Abstract. It is customary to talk about the evolution of the being, its development, the return movement in a circle (spiral). So there are, however, there are other movements turning out the being, as a rule, with the subsequent extraction of turned out one. A very interesting statement with an equally interesting analysis of the historical movement with much more interesting understanding of it. At the moment, almost non-stop turning over or turning Russia on the way from the XX century to the XXI century.

Keywords: being, history, Russia, turning, turning over, modernity.

УДК 11; 304
ББК 65в

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Россия в текущем межвековье: от выворачивания к выворачиванию (из века XX-го в век XXI-й) // Философия хозяйства. 2022. № 4. С. 11—44.

От первого лица

Почему от *первого*? А как же еще, ежели автор нижеследующего опуса современник описываемого им хода бытия-истории, его свидетель и участник, его фиксатор, ну и в меру сил и возможностей постижатель, да не как отвлеченный любознатец, а как выходец из самого текущего времени, из его гущи, из его напряженной, не избежавшей и немалой трагичности, событийности.

Так что от первого, именно от первого, то бишь от самого себя, без посредства иных лиц и текстов, без ни на кого и ни на что ссылок, кроме разверзшейся вдруг перед ним и в нем самом реальности, да и то без на нее чеканных фактологических ссылок (кто ж знает вполне достоверно эту зыбко-уклончивую чекань?), а более всего посредством приближающихся к реальности суждений (пусть и *прокси*!) и приближающих саму реальность к разверзшемуся сознанию откровений.

Тут уместно заметить, что не только суждения и откровения по поводу реальности в той или иной степени по преимуществу *прокси*, но и сама реальность тоже ведь прокси — поди-ка улови ее в сети, да не разума своего, а самой же реальности!

Так что ниже следует не что иное, как *прокси*-текст, обращенный к *прокси*-реальности. Отчего автор, снимая шляпу перед неуловимой реальностью, остается в шляпе (*прокси*-шляпе, конечно) перед своим о реальности прокси-опусом, что избавляет автора и саму реальность от придиричвого над ними суда, обычно затеваемого щедро одаренными наукой и изрядно ею замордованными высокообразованными умами.

Интересно, что менее всего осведомленными о текущем бытии, как и менее всего его понимающими оказываются как раз современники всего вокруг происходящего, отчего и твердят упорно: «История, мол, рассудит!», хоть история, надо заметить, не очень-то утруждает себя такого рода разборками, и вовсе не потому, что ничего не знает, а потому, что знать ничего такого не хочет, переотправляя свое знание прямиком в небытие и доставляя людям самим разбираться в ни с того ни с сего происшедшем, гарантируя лишь одно — отсутствие подлинной истины (у Создателя на этот счет все изначально продумано: «Тайна, она и есть Тайна!»).

Однако не говорить о происходящем вокруг, как и о ранее происшедшем, человеку с его сознанием, разумом, когнитивом, как и с бессознанием, безумием и дуростью, никак нельзя, ибо тогда человек — не человек, да и Создатель со своей тайной — не Создатель, как и все вокруг тогда — НИЧТО!!!, а это совсем не так: вокруг все-таки НЕЧТО, пусть и вперемешку с НИЧТО, отчего тут лишь один выход: «Мыслю, значит существую, а коли существую, то... увыв... мыслю!».

Вот и вперед: мысль за мыслью, какой бы странной, заумной, глупой и страшной она ни сталась!

Заумь

Мало нам пере-ворот-ов, револ-юций (revolve — вращение), тех же воз-врат-ов с из-вращ-ениями, так нет, подавай еще и вы-ворот, да не просто вы-ворот, а, понимаешь ли, самое настоящее **выворачивание**, да ладно бы, вроде бы перевертывания, а то ведь, как говорится, до кишок, до самого низа, до крайнего края, до полного ничто, до последней черты, до насовсем.

Ничего не поделать: тут не мы — людишки — виноваты, а сама суть человеческая, само человеческое бытие, сам витально-мортиальный людской контент, сама людская история, а в общем-то — само *миросоздание*. Так уж устроен земно-космический мир, что он не может, отворачиваясь раз за разом от самого себя, не **выворачиваться** при этом — не без коллизий, катастроф, конвульсий, ну и, соответственно, затрат, потерь, жертв, разгула смерти.

Да-а, иной раз какие-нибудь бедствия, вроде эпидемий, моров, холода, зноя, пожаров, наводнений, вихрей, бурь, штормов отводят от обильно смертоносных выворачиваний земно-космического бытия, а иной раз такому вот гнусному выворачиванию очень даже спешествуют, однако выворачивание, то бишь *смена образа бытия на иной образ — частенько и противоположный, и немыслимый, и вообще невозможный* — происходит как бы и не как бы *само собой*, сопровождаясь и немалыми, а то и очень большими, даже слишком большими, бедствиями (из вышеперечисленных тоже), конечно же, с затратами, потерями, убылью, смертями.

Тут, видите ли, взаимовлиятельная под разными знаками стихийно-спонтанная взаимность!

Выворачивание!

Постепенное, пошаговое, размеренное. Такое тоже бывает, гасящее, пусть и не до конца, неопределенность, стихийность, бунташность, мерзостность, мраковость, бедственность. А бывает и другое: резкое, бессовестное, беспощадное, страшное, как раз круто-р-революционное, при этом как довольно объективно и субъективно подготовленное, даже и ожидаемое, чаемое, предвидимое, так и внезапное, неожиданное, невероятное, даже и невозможное.

В общем, всякое и по-всякому сие бывает, и баста — «неча» абстрактной классификацией заниматься: реальность все равно богаче, разнообразнее, неопределеннее, а главное — своевольнее: что и как хочет, то и творит!

Она — *реальность* — отнюдь не мертва и не тупа, она тоже с умом, душой и норовом, хотя и с безумием, пустотой и мертвечиной тоже, и способна, знаете ли, решать и действовать, причем тоже *по-своему*, экзистенцируя вместе с человеком, не исключая при этом любых своих потенций что за, что против человека, как в угоду ему, так и вопреки.

Экзистенция человека-человечества и экзистенция земно-космической реальности взаимоувязаны, взаимообусловлены и взаимифатализованы, но ровно настолько, чтобы взаимодействуя между собой, борясь между собой и согласуясь, не терять своей самости и даже не утрачивать собственного величия: то и то ведь великие мировоззренческие феномены, идущие, возможно, к конечному точно-сингулярному единению, но пока они есть как есть, они будут оставаться именно такими — стремящимися друг к другу и друг от друга отталкивающимися.

Жизнь, как и вообще бытие, как и вообще экзистенция, возможна только на условиях борческих внутри себя перемен и превращений, а для нашего случая — *выворачиваний*, однако никогда не окончательных, мало того, никогда не бессрочно устойчивых, ибо за любым *выворачиванием* рано или поздно следует новое выворачивание, но более всего уже как *выворачивание вывернутого*, на что мы и обращаем особое внимание: вывернулось бытие — замечательно, но изволь теперь вывернуться еще раз, причем вовсе не в

обратный образ (состояние, контент), а в... *иной*, не бывший ранее, зато для бытия, жизни, экзистенции на какой-то срок приемлемый.

Выворачивание вывернутого!

Телеология (целевая установка) всей этой выворачиваемости и вывовыворачиваемости бытия и т. д. хоть обычно и весьма заметна, но по сути своей не очень-то известна и понятна: к чему, куда, зачем? И уж тем более неизвестна и непонятна ее *эсхатология*, то бишь, завершение, конец, амба. Тут уж царство *Великой Неизвестности*, благодаря и вопреки которой и которому и живет человек, и думает, и ищет, и не находит, и отчаивается, и утешается, и кончается.

Кажется человеку, что хорошо бы ему все знать, но зачем ему тогда жить — не думая, не ища, не находя, не отчаиваясь, не утешаясь? Нет, не знанием вовсе, а верой в то или иное знание, а то и верой в само незнание, точнее, не верой даже в последнее, а всего лишь... *согласием* — согласием на незнание, что то же самое — на ущербное свое величие либо же величественное свое ущербие. Что ж еще остается затерянному в мироздании и зачем-то осознаниенному и мыслящему животному существу — человеку?!

Ах, да — творить! Тогда что и для чего в итоге, а-а?

Творить незнамо *что* и *зачем* — это ли не *действительный экзистенциальный героизм*, а-а?!

Работник, выходит, человек, *работник*, ну и творец, да-да, *творец* — бедолага, трудяга, искусник и... *царь*!

Иноинное

Человек натурален, он в природе и из природы, в особенности первый человек, первоначальный, может, и пред-человек, животный, зверовой, всеядный, однако вдруг обретший, получивший, принявший и кое-что *неприродное*, а потому... *иное*, а именно — сознание, а вместе с ним слово, язык, речь, в общем — *когнитив* — как разумную реализацию сознания или же осознаниенную реализацию разума, все тут одно, главное ведь, что он стал в природе, оставаясь натурорганизмом, другим относительно природы, а именно... *иным*, что и породило главную экзистенциальную коллизию человека — устремление к *иному*: от природы к неприроде; от одной неприроды к другой, еще более неприродной; от себя данного к другому себе —

вплоть до выхода из самого себя, что организменного, что идеально-духовного, что социального.

Иное не просто вошло в человека (оказалось в нем, возникло в нем), но и захватило его, причем настолько сильно и целостно, что сделало его не просто *иносуществом* в земно-космическом пространстве (обиталище), а превратило прямо-таки в одержимое иным ино-существо, что означало экзистенциальное устремление (потенцию) человека к *иному*, к переменам, к новизне, а в более обобщенном и точном выражении — к *иноиному*!

Внутреннее сингулярного пошиба устремление, с одной стороны, и внешний, чуть ли не безграничный, экзистенциальный пространственно-временной земно-космический массив-континуум — с другой.

Вот вам, господа, и завязочка с неразвязочкой: движение от чего-то данного существующего к чему-то иному, берущемуся через посредство иного, а в итоге — *иноинобытийность*!

Однако это не все с иным, ибо иное в виде сознания с его словом, речью, разумом не только не рассталось с тем запевным иным — ИНЫМ!, от которого и произошло, а осталось с ним в генезисно-функциональной связи, причем не только не в однонаправленной (оттуда в сюда), а в противодейственной (туда-сюда), ибо человеческое иное, сочетавшись с животностью и в ней засев, получило тем самым и право на кое-какую, пусть и не полную, свободу от запевного первоинного (иначе не проживешь!), отчего и связь тут обоих иных, и их взаимодействие, и взаимозависимость, и противодействие с бунташностью, и давиловка, и сопротивление, и покорность, и изворотливость, в общем, настоящее во всех возможных проявлениях и каверзах *иноинобытие*!

И выходит некий *круговорот Иного в Мироздании*, включая и земное *миросоздание*, включая и человека, тот самый круговорот, он же *иноиноворот*, в котором мало что задействовано субъективное человеческое иное, так еще и объективное относительно человека, то бишь внешнее иное, да мало что какое-то там далекое и напрочь человеку неизвестное, так ведь еще и близкое здешнее, тутошнее, не дающее человеку покоя, требующее перемен, еще их и немало определяющее, разумеется, неопределенно определяющее.

Вот и поживи устроительно и правильно, еще и покойно, на Земле в союзе с Космосом, и порадуйся, и поблаженствуй, — не тут-то было, не тут-то есть и, надо полагать, не тут-то и будет: **иноино-беспокойство** — не просто сила, но и то ли роковая, то ли, наоборот, банальная, чуть ли при этом не сакральная, кутерьма!

Иноиновыворачивание

Вывернуться нутром (изнанкой, задником) вверх, чтобы подменить таковым на время и, как правило, в беспощадной схватке ставшее почему-то и зачем-то устаревшим, ненужным, надоевшим, а то и ненавистным, все еще существующее *лицо* (лицо бытующей реальности), а если иначе и неявнее сказать, то выпустить из-под контроля и дать волю преисподней в своем собственном, чисто преисподненском, абрисе.

В каком же? Мало что в ужасном, гнусном, подлом, главное — в разрушительном, чтоб сокрушить все или почти все бытующее, убрать его с глаз долой, можно сказать, что и съесть, во всяком случае — схаотизировать для начала, потом обезднить, наконец и изничтожить.

Все этакое есть не что иное, как **выворот**, обычно называемый переворотом, реформированием, революцией, а изысканнее всего — преобразованием. Иной раз и действительно преобразованием, растянутым обычно на долгое время, почти что по ходу и незаметным, обнаруживающим себя истинного лишь в итоге. Однако все равно там и там выворачивание: в одном каком-то разе бесцеремонное и беспощадное, в другом же — чуть ли не вежливо-деликатное.

Да, бытие вращается, двигаясь по кругу, возвращаясь к прежнему себе обновленным, но при этом бытие идет вперед, пусть и кружась, и спираясь, да так идет, что кружась и спираясь, к какому-то прежнему все-таки не возвращаясь, то бишь бытие окончательно и бесповоротно всегда изменяется — вполне себе и качественно, отчего выходит, что оно *развивается*, меняет свой образ, преобразуется, — и как-то неохотно при этом замечается, что временами и местами оно воистину выворачивается, да не одним заходом, зачерпывая на срок что-то иное из спасительного *небытия*, а двумя, чтобы вполне жизнестойко обновиться, выворачивая вывернутое, и тогда уж понадежнее уйти в сторону от небытия.

Ах, это Иное — негативное и позитивное; то тут, понимаешь ли, разбрасывание камней, то, видишь ли, собирание камней, то, видишь ли, заходясь всего лишь по новой, то, понимаешь ли, действуя в новинку, уже явно по-новому. И как тут, ежели хочешь радикально меняться, обойтись без сначала грубого выворачивания текущей реальности, а затем без крутого выворачивания уже ранее вывернутой реальности?

Как показывает история — *никак, никак не обойтись*, разумеется, *там*, где вдруг возрастает *потребность* в радикальном обновлении бытия, либо же там, где возрастает потребность догнать ушедшую вперед новизну, как и освободить себя от нагрянувшей вдруг и не вдруг новизны, в общем — так или иначе качественно измениться.

Хочешь быть, умеи *иноиновыворачиваться*, а вот как это делать, решается многим, включая и рок, и удачу, и обстоятельства, и Иное, и Неизвестность, ну и Преисподнюю с Небесами тоже: миг — и нету, миг за мигом — и есть, — и там, и там потребность: смерти и жизни, жизни и смерти, чего-то и чьей-то смерти, чего-то и кого-то жизни!

Так вот!

Апокалиптика

Легко сказать: *выворачивание*, труднее, но тоже можно сказать: *выворачивание вывернутого*, можно еще и добавить: *апокалиптика*, пусть и в единении с *апостатикой* (антиапокалиптикой), но ведь за всем этим *потребность* — потребность жизни и смерти, новой жизни и новой смерти, чего-то ухода и чего-то прихода, чьего-то поражения и чьей-то победы!

Заковыка тут, пожалуй что, еще и страшная!

Так вот и бытийствуем — *апокалиптически*, но и *апостатически* тоже!

А может ли быть по-другому? Нет, не может! К другому, а точнее — к *иному*, может быть лишь одно неувядаемое *стремление*.

Вот, к примеру, та же Западная Европа, она же и попросту Европа, оснащенная христианской цивилизацией, давшая правила, но не оковы, а еще и давшая, как раз наряду с правилами и им не вопреки, *волю*, эта самая Европа, наследница Антики, Рима и Карфагена, поубавив и подправив христианство, уже давно

господствовавшее в Европе, не убоившись и весьма отпрянуть от него навстречу антихристу и атеизму, двинулась, если не ринулась, выработав в себе потребность возвышения человека (разумеется, способного на это, не только над самим собой и природой, но и перед Богом тоже, даже и перед Христом), двинулась-таки по пути демиургического *пересотворения данного человеку мира и самого этого человека*, достигнув на рубеже XX и XXI вв. безоговорочного доминирования, если не победы, стремительно создававшегося ею искусственного мира над естественным (на пути от природы к *неприроде*) и изрядно обыскусственного человека над человеком, в целом еще естественным (по пути, как вдруг выяснилось, от человека к *постчеловеку*).

Таковым стало бегство Европы от бытийной апокалиптики и, между прочим, бегство совершенно при этом апокалиптическое: с бедами, войнами, революциями, реками пролитой людской крови, но что интересно: достигнув небывалых материально-технических производственно-потребительских успехов, Европа, теперь уже Большая Европа вкупе с США и новыми своими сателлитами, не только не вырвалась из объятий апокалиптики, но, кажется, отдалась им сполна, занявшись, как это ни странно звучит в момент ее почти полного победного торжества над бытующим земно-космическим очеловеченным миром... *самоликвидацией*, причем для земно-космического очеловеченного мира вовсе в целом не безобидной, наоборот, очень даже рискованной, пожалуй что, и коварно-убойно-рискованной!

Непрерывно, время от времени ожесточенно выворачиваясь из самой себя, не минуя и выворачивания вывернутого, Европы вывернула по-европейски (конечно, по колониально-европейски) и весь зёмно-космический мир, в ходе чего весьма досталось и двинувшейся навстречу Европе, пусть и не без внешнего побуждения и внутреннего насилия, Руси-России, причем досталось как от Европы, так и от отрицавшей Европу европейской же заговорно-повстанчески-диктатурной анти-Европы, конечно же, вперемешку с европейской внешней и проевропейской внутренней анти-Россией.

Апокалиптическое выворачивание Руси-России ради ее европеизации, не минувшее ни выворачиваний с их смутами, бунтами, войнами и насилиями, с переворотами и революциями, ни,

разумеется, выворачивание вывернутого (и почти все это тяжело, зло, коварно!), что по-своему и ознаменовало русо-российскую историческую апокалиптику по меньшей мере с момента Великой Смуты рубежа XVI—XVII вв., причем с борьбой как за Европу, так и против Европы; что говорить, трясло Русь-Россию ахово — что изнутри, что извне, и изменялась невольно под давлением Русь-Россия, и тяжело-стойчески себя сохраняла, лелея эпохальную *апокалиптическую недосказанность*: то ли так, то ли не так бытовала, выкручиваясь, Русь-Россия, все как-то было у нее наперекосах между собой исконной и навязавшейся и навязанной ей Европой, не становясь ни полноценной Русью-Россией, ни полноценной Европой, а некой промежуточной, нескомпонованной, недогибридной сутью, если не жутью: «ни туды и ни сюды», — и что интересно: до сих пор трясет Россию между собою и Европой (Востоком Русь-Россия никогда всерьез быть не собиралась, хоть и была и есть там — на Востоке, хоть и испытала, да и сейчас испытывает, восточное, вовсе при этом не искусительное, как от Европы, влияние).

Жизнь людская, конечно, везде идет — хорошо ли, плохо ли, в покое ли, в тряске ли, плодотворно ли, тщетно ли, — что в Европе идет, что в Азии, что в России, но вот так идет: *апокалиптически*, хоть и *апокастатически* тоже, и бытие людское все выворачивается и выворачивается, изворачиваясь, а иначе ни жизни, ни бытия, а один бесконечный мертвый сезон.

А теперь позволим себе приблизиться к себе, к нашим окомам и временам, ну и к бытийно-историческим событиям текущего времени. И хотя все в бытии-истории восходит (или нисходит) к прошлому, включая и давнее, и незапамятное, и чуть ли вообще никогда не бывшее — на той же Земле, ограничим свой размыслительный дивертисмент XX и XXI вв., поставив в центр нашего ментального эксперимента Россию — как идеальное Нечто и метаидеальное Ничто, что еще нам остается, если не это?

Между Нечто'м и Ничто

Да, Россия это явное *Нечто* — кто станет возражать, да и что с таким Нечтом может сравниться, но Россия при этом и какое-то *Ничто* — кто и что может сказать определенного о России, разве

лишь в ответ на вопрос об этом выпучить свои умные глаза и развести свои холеные руки?

Монстр загадочный, эта Россия, да и только!

Такая-сякая, а ведь есть она, бытует, да еще *как* есть и *как* бытует, мало что телом своим необъятным распростерлась на полмира, так еще и будучи самой по себе целым миром, конечно же, для остального человечества... э-э... миром, скажем помягче, непригожим, чуть ли вообще не нужным, да вот мало что всю существующим миром, так еще и занозисто существующим, а главное, непонятно *как* и *для чего* существующим: ни сам он — сей мир, ни его глашатаи и противники не знают довольно ни того, *как* он существует, ни того, *для чего* существует, ибо существует он явно не для себя, хотя и не для всех на Земле скопом, а вот существует же, выворачиваясь, переворачиваясь, изворачиваясь, меняя не одну только свою личину, а и нутро тоже, хоть и не вполне и не до конца, становясь иным и оставаясь все тем же, разумеется, все тем же монстром — непонятным, необъяснимым, загадочным! Монстром, несущим в себе и на себе несусветное что-то, и что-то для земного мира де даже опасное, во всяком случае что-то чуждое всему *этому* миру, хотя ни этого *что-то*, ни его возможной значимости для зёмного мира никто толком при всех обо всем этом умных, не очень умных и совершенно неумных толках не знает, как не знает ничего подобного, повторяем, и сама Россия.

Тайна!

Да ладно бы одна какая-то большая — монструозная — Тайна, а то ведь за что ни возьмись из российского везде одни лишь непонятки: от тайны к тайне через тайну!

Вот, к слову, почему Россия периодически вдруг, истово из себя выворачиваясь, отказывает себе в самой себе, обращаясь в Ничто, ради какого-то извнешнего, — как давненько повелось, более всего европейского, Нечто, — которое страна деланно на себя натягивает, чтобы через срок его — это Нечто — либо в себе не без усердия переварить, либо напрочь отбросить, чтобы... э-э... вернуться к себе самой, в полной же полноте все-таки никогда не возвращаясь?

Поди-ка, пойми ее, эту Россию!

Однако сии выворотные и вовсе не безобидные мероприятия с завидно-незавидной регулярностью повторяются, потрясая страну,

ее народонаселение, разделяя и по-новому собирая страну и ее народонаселение, обновляясь качественно, причем, особо заметим, прямо-таки как в сказке — умирая и воскресая, однако ровно для того, чтобы вновь умереть и вновь воскреснуть!

Вот и XX в. ознаменовался для России крутыми, почти что даже сказочными, обновленческими пертурбациями.

Побыла, побыла 200 лет Российская империя, совсем не худо развиваясь экономо-техно-культурно-интеллектуально на переходе из века XIX-го в век XX-й, да вот... бац! — аккурат в 1917 г. и нет Российской империи, а на месте ее большая дыра из Ничто, лихорадочно заделываемая очередным европроектом — сначала с февраля 1917-го так называемым «буржуазным» (капиталистическим, либерально-демократическим, насквозь евроэкономическим), а потом, уже с октября того же 1917-го, так называемым «социалистическим», быстро превратившимся в советский, большевистский, чуть ли не пролетарский.

Вывернулась тогда «Расея», ох, как круто вывернулась — аж до ненаглядной своей преисподней!

Разворошилась, заметалась, пустилась в бега, охаоснилась, распалась и разделилась, ожесточилась, передралась, окровавилась.

А все почему?

Да из-за Европы, будь она неладна, из-за Европы — как эталона, примера, возбудителя и возмутителя, однако разной Европы и по-разному воспринимавшейся в России, по-разному и разной входившей в Россию, как и по-разному и разной вторгавшейся в Россию через возникшую вдруг в ходе революции 1917-го обширную дыру.

О чем тут речь?

Одно дело Европа как Европа — примерная, привлекательная, соблазнительная, в особенности для русских европеоидов с их неутолимимым желанием европеизации России, это как минимум, а то и вообще замещения России Европой — это уже как максимум.

Однако в Европе за XIX в. подросла и все более набирала силу не что-нибудь, а... анти-Европа, та самая — сначала социалистическая, коммунистическая, а потом и фашистская, в общем — *революционная*, мало того — *мировреволюционная*. В Европе нашлись и выросли силы, желавшие заменить текущую тогда Европу на *иную* Европу, причем такую, что от текшей Европы не осталось бы и следа.

Что касается россиян, включая как русских, так и инородцев, то одной частью их влекла и завлекала Европа как Европа, а вот другой частью — уже не так Европа, как *анти-Европа*, что и подтвердили революционные пертурбации 1917 г.: сначала революционный феврализм — за Европу как Европу, а потом и революционный октябризм — уже за всемирного-де пошиба анти-Европу. И поскольку тогда победил октябризм, то, выворачивая донельзя Россию, революция выставила вперед действительно и проективно не что иное, как *анти-Россию*, создав на месте и вместо России не что-нибудь, а... вдумайся, читатель!.. *Союз Советских Социалистических Республик (СССР)*, не бывший по сути... э-э... вновь задумайся, читатель!.. ни союзом, ни республик, а потом выяснилось, что и не советских, и не социалистических, однако рухнувший в подошедший момент в одночасье, правда, в подготовленное объективно и субъективно одночасье — аккурат в 1991 г, причем не где-нибудь, а в таежном Беловежье, как-то при этом нелепо и даже комично.

СССР (He) СССР

А как заманчиво возбуждительно у революционных октябристобольшевиков все начиналось! Новый мир, новая жизнь, новая история! И все это под идейно-загадочным и много чего обещавшим зонтиком в четыре магические буквы — СССР! Это с идейно-утопической стороны, а вот с реально-фактической все это эсэсэсэровское пошло и шло как-то не так: оказалось вдруг, что без старого, осужденного и вроде бы уже отброшенного мира, как и столь же старой, осужденной и вроде бы навсегда отброшенной России никак было не обойтись, что и заставило Ильича крепко задуматься, немало расстроиться, даже и круто обидеться (на того же Маркса), да так сильно, что в общем-то не отличавшийся нездоровьем Ильич вдруг заболел вполне и неизлечимо, почитал напоследок заказанную им «Историю масонства» (!), захирел и, не скрывая отчаяния, ушел из этого мира, оставшись в нем по внезапному порыву его не на шутку озаботившихся соратников мавзолейным памятником — что Утопии, в которую поверил и которой служил, что Неудаче, которую потерпел и которую не смог перенести, что Отчаянию, которое вдруг испытал и которое его так и не отпустило. Стал мавзолеем и памятником

самому СССР, да не с 1991 г, а прямо тогда, когда и был сооружен, только об этом тогда никто не знал и не думал.

Неча гадать, чтобы было, если б Ильич остался еще жить и работать, может, и совершенно уже *иным* Ильичом, как и гадать, что стало бы при Ильиче с тем же СССР. Главное тут было то, что революционное, по Ильичу, выворачивание России не привело к ожидавшимся тогда результатам и потребовало не чего-нибудь, а нового, тоже не менее революционного, выворачивания страны, социума, хозяйства — в той или иной степени обратного, что и было частично сделано еще при действовавшем во власти Ильиче, включая прежде всего нэп (новую экономическую политику).

Так что вывернуть-то приговоренный объект было можно, как и он сам мог вдруг вывернуться, но важно было не забыть вновь вывернуть объект или самому же объекту вывернуться в обратном направлении, хотя и уже в обновленном образе.

Слава богу, тогда догадались, пусть и по итогам кровопролитных контр-р-революционных восстаний, развернуть ситуацию от р-революционной гибели к пост-не-, если не анти-, революционной жизни!

Однако от Утопии насовсем тогда не отказались — как путевой идеи, как символа новизны и борьбы за нее, как и попросту идеологического прикрытия: СССР как магическое созвездие остался в образе своем мифотворном, укрепился, обзавелся новой конституцией, даже оснастился, заметим, идейно-политическим шармом.

Это все было внешне, по поверхности, на словах, идейно, а вот по внутреннему содержанию оказалось по итогам уже сталинского выворачивания с рубежа 1920—1930-х гг. вовсе не СССР'ом, а скрытой про-, а в чем-то на деле и недо-, но все-таки скорее российской, чем антироссийской, империей.

Ничего себе: вот вам и пролетарская революция, и социализм с коммунизмом, и К. Маркс с В.И. Лениным, и марксизм с ленинизмом, и вообще мировая революция!

По верху царствует Утопия, а в глуби-то совсем иная Реальность, правда, немало отличная от Российской империи, ничего не скажешь: без помещиков и дворян, без купцов и буржуев, без (почти без) Церкви и священства, без протестной интеллигенции и

бунташного студенчества, без бастующего пролетариата, но зато с трудолюбивым и дисциплинированным рабочим классом, без крестьянства, но зато с колхозами и колхозниками, без солдат, офицеров и генералов, но зато с красноармейцами, командирами и военачальниками, без царя — ЦАРЯ!, но зато с вождем — ВОЖДЕМ!, без аристократии и чиновничества, но зато с партией, партийцами и госслужащими, а еще и с классической и тянувшейся к классике новой культурой, облаченной в творческие союзы, и т. д., и т. п., в общем, при всем немалом отличии от российской имперской реальности сталинская реальность как-то уж о-очень смахивала на свою предшественницу, ибо пришлось сталинской реальности выпрыгивать прямо из прерывной бездны, обращая возникшее из революции несусветное Ничто в какое-то сеюсветное Нечто.

Окончательно все стало ясно со сталинской пророссийской, и лишь частично прорусской, империей по итогам ее победы в Великой войне 1941—1945 гг.: ни у кого уже тогда не было сомнений как в возрождении в окомах дореволюционной России в чем-то прежней, а в чем-то новой — уже сталинской, если под Сталиным понимать в данном случае исторический державный символ, а не конкретную личность, — так и в том, что эта новая империя встряла в бытие-историю под именем, знаком и покровом магического четырехбуквия — СССР!

И смирился ум человеческий, зная, что СССР только символ, что суть под этим символом иная, что СССР не СССР вовсе, но что было ему — уму человеческому — делать, коли так все в реалиях обычно свершается и на этот раз так же свершилось: имя-миф лишь сошлось с реальной реальностью, а эта реальность не отвергла вовсе имени-мифа, да и многое ли вообще в реальности совпадает со своими наименованиями, да и что тут особенно судить, коли у СССР столько вывернулось в итоге побед?!

СССР: величие, тщета и ущерб!

Да, Сталину (не как просто человеку, а как субъекту-символу) удалось благодаря жесткому и деятельному сталинизму построить... нет, не Новую Россию, нет... скорее, Новую Страну на месте России, но все-таки не вместо России, а построить эту Новую Страну даже вместе с Россией — глубинной, конечно, Россией, страну,

поименованную красиво, привлекательно, по-своему и загадочно, даже изящно — СССР!, однако, как свидетельствуют состояние, поведение и реплики Сталина-человека в последние годы его жизни, вождь не избежал, находясь вроде бы в зените личной и державной славы, ставши бесспорно великим лидером великой страны, да что страны — полумира, а в некотором плане и всего тогдашнего мира, не избежал-таки вполне себе коварно давившего его беспокойства, даже и немалой угнетенности, навевавшихся не только и не столько нараставшим нездоровьем и чуть ли не маниакальной подозрительностью в адрес окружавшего его, скажем так, сорабничества, сколько невеселыми думами относительно судьбы своего детища — СССР, осознавая, что в возникшей и продолжающей быть, пусть и победной, конфигурации ему — СССР — без существенных перемен долго не просуществовать.

Доказать вполне сие психо-ментальное состояние Сталина, может, и невозможно, а вот и пренебречь данной версией никак нельзя: что-то подобное случилось как раз с Лениным, что-то этакое не миновало и Сталина, пусть и не совсем отчаянное, как у Ленина, но вовсе и не такое уж безобидно отвлеченное.

Сталин довольно понимал, что его — сталинский, вполне себе армейско-диктато-мобилизационный, хоть для того момента необходимый и эффективный — режим бытия великой страны не мог долее продолжаться, а проективных идей, а главное — деятельских сил у Сталина на новое пересотворение страны у него явно уже не было. Понимание было, а потребного проекта и нужных деяний быть уже не могло. Драма тут пострашнее, чем это случилось с Лениным, ибо Ильич был травмирован неудачным началом Проекта, в который он зачем-то по-кабинетному уверовал, а вот Сталин был убиваем осознанием не чего-нибудь, а *конца* своего собственного проекта, пусть еще только подступавшего конца, но все-таки конца, как и самим его — этого конца — тяжким осознанием. Недаром же Сталин раздраженно бросил в ответ на бурную овацию в его честь, устроенную делегатами XIX съезда ВКП(б): «Чему аплодируете?».

Да, сталинский проект нуждался в крутых переменах, да вот в каких? Сталин, уйдя из жизни, как и когда-то Петр Великий, да и как Ленин, не оставил явного и достойного великих деяний преемника, да и не мог, как и Петр, как и Ильич, этого сделать: *кого?* Так что

сотканный в виде новой цивилизации сталинизм был оставлен Сталиным на поруки истории и на руки не то что не новых сталиных, а так... временщиков, что-то пытавшихся вроде бы изменить, да все как-то либо заезжая не в ту степь, либо с испугом отпрядывая от чего-то ими начатого, либо ничего такого вовсе не предпринимая, отчего и доведя дело, пользуясь от безысходности услугами ими сохранявшегося, но все более хиревшего сталинизма, мало что до краха сталинизма, так ведь еще и до краха самого СССР, любовно выпестованного не без жестокой боевитости Сталиным.

Автору этих строк довелось быть свидетелем всего бывшего и случившегося со сталинским СССР, хотя и было сему свидетелю аккурат 9 лет от роду в дни ухода великого вождя — СТАЛИНА, когда врезалось в память мальчишке из московских Хамовников на всю жизнь: «Как будем жить-то без Сталина, как?», — это из причитаний на московских коммунальных кухнях женщин перед хмурыми взглядами мужчин, да и не зря причитавших: жизнь хоть и шла, да как-то... не так, не то что не по-сталински, а попросту без ясного проекта, надежного руля и верно направляемого ветрила.

Да, автор этих строк был когда-то, как и подавляющее большинство сверстников, вполне себе сталинцем, видел неоднократно Сталина на трибуне Мавзолея или на стадионе «Динамо» (может, иной раз и не самого Джугашвили, а его двойника, — кто знает?), был октябренок, пионером, комсомольцем, ответственным комсомольским работником, в 24 года, еще студентом, стал коммунистом, то бишь пребывал немалую часть жизни в контексте сталинской цивилизации и был ее — этой цивилизации — вполне себе верным участником, мало того, ничего плохого не видел в социальной сути сей цивилизации, ее нацеленности на труд, творчество, служение, а главное — на общность всех людей страны, на товарищество, на взаимность.

Сталинцем был, а вот сталинистом не был, более того, взрослея и набираясь опыта, стоял за перемены в сей цивилизации, за что были тогда и многие из окружавших его сограждан-товарищей, а со временем он стал осознавать, уже будучи профессиональным обществоведом, что перемены сии должны быть, мягко выражаясь, значительными, причем настолько, что стране надо было переходить к какому-то иному себя обустройству и к какой-то иной роли в мировом

сообществе. Да, был настроен критически к бытовавшему остаточному позднему сталинскому строю, но никогда не был против родной страны, ее корней, ее народа, хоть и не был настолько слеп, чтобы рисовать какую-то благостную о родной стране картинку.

С пониманием воспринял андроповский переделочный выплеск, оставшийся, правда, непроясненным в смысло-стратегических намерениях эпизодом, как и позитивно поначалу воспринял идею *перестройки* — ПЕРЕСТРОЙКИ!, шаг за шагом втягиваясь в ее осуществление, опять же не столько в запрограммированное, сколько просто самопотекшее, что к рубежу 1980—1990-х уже вдруг обнажившее тот прискорбный факт, что дело шло не к перестройке страны — СССР, а к ее *ликвидации*!

Хоть и трудно было в это поверить, но не принимать это — ЭТО! — во внимание, в особенности после факта отказа на заседании Верховного Совета действовавшего тогда председателя правительства стать президентом СССР, сменив на этом посту главного «перестройщика», а фактически уже и главного погубителя страны, было уже нельзя. Дальнейшие события 1991 г. лишь все *это* ликвидационное подтвердили: СССР был тогда волево, хоть и трусливо, порешен и отправлен в небытие!

Вот уж грянул выверт так выверт, правда, вовсе не случайный, не скоропостижный, не моментный, а, знаете ли, давненько, очень давненько, вызревавший. Даже старательно взращивавшийся, а в какое-то пиковое время, как раз «перестроечное», аки румяный пирожок из печи Бабы-яги, вдруг и вывалившийся.

Да-а, выверт сей оказался знатным, да ладно что предательски-подлым — чего не бывает среди человеков, этих звероподобных божеских-де тварей, — да вот был он, этот самый выверт, и результатом вполне себе тайного и вполне себе осознанного прото-примпрозападного заговора, устроенного с участием англосаксов не только ради устранения остаточного сталинизма (совето-социализма, того же СССР), но и вассального, если не вполне себе колониального, присовокупления освобожденной от СССР и советизма-социализма страны к Западу — не более и не менее!

Невозможная возможность

Отстранив угрозу сжигания страны в топке мировой революции, как и поглощения страны р-революционным антимиром, Сталин взнуздал своей железной дланью страну, ее люд, подавив р-революционное безобразие и разную уголовную нечисть, обернул страну к самой себе, своей истории, своему настоящему и своему будущему, загнал страну, ее люд на **Великую стройку**, не гнушаясь ни насилием, ни лишениями, ни «дружбой» с иностранным капиталом и «ихним» предпринимательством, ни рукоемким ГУЛАГом с его рабским трудом, ни понуждением к служению общему делу разного рода спецов, ни идейно-идеологическими, пусть и немало утопически надуманными нововведениями, ни обращением к славной отечественной истории и великой культурной классике, ни побуждением к техническому и культурному в неоклассической манере текущему творчеству и т. д., и т. п., — и что важно: одержал-таки величайшую в историческом контексте победу, переделав страну, укрепив ее, одержав победу в Великой войне, создав и оставив после себя новую, весьма и оригинальную, хоть и «тяжкую» для многих цивилизацию — *государственно-народно-трудо-социально-товарищескую*!

Факт, как и фактом стало, что цивилизация сия, оттеснив, взяв под контроль или хотя бы локализовав животно-зверо-бесовское начало в человеке, не смогла, да и не могла, несмотря на все свои недюжинные потуги, контрольные ухищрения и стратегические старания, достаточно по масштабу и качеству преобразовать человека, вынужденно оставляя, пусть и в тени, в тиши, на краю, в дебрях экзистенции, начало животно-зверо-бесовское: *человеческий проект*, несмотря на свои громадные усилия и беспрецедентные победы, так и не осилил *природы человеческой*, хоть и дал возможность многим массам и многому числу творцов побыть на свете и реализоваться не кем-нибудь, а ЛЮДЬМИ!

Сталин отвернул страну от ее архи-анти-миро-р-революционного выворачивания и, тяжело вывернув революцией вывернутое, осуществил трудное, но продуктивное выворачивание страны к самой себе в образе новой, немало и российской по духу и алгоритмике цивилизации.

Однако бытие зёмное, как и история человеческая, не терпят в силу своей порочной изначальности (дух, сознание, разум тут в плену у материи, бессознания, безумия!) ничего из социально благоустроенного и обращенного во благо вообще человека, как и не терпят самого аскетически и разумно благоустроенного человека, не потерпели они и сталинской устроительной инициативы, мирно-продуктивного горения которой хватило на плюс-минус четверть века, да и то с нараставшим день ото дня сего его горения — угасанием.

Сталинская цивилизация, построенная на служении, дисциплине, контроле, ограничениях и запретах, в общем — на армейского образца этатизме, на диктате, причем вовсе не антинародном, а, скорее, наоборот, весьма и народном, что как раз было очень даже немаловажно, не преобразованная вовремя, верно и надежно стала разъедаться (именно разъедаться!) сразу или же вскоре по уходу Сталина, пусть поначалу и не очень заметно, но зато и действительно, что делалось как осознанно, так и и не очень, а то и вообще бессознательно, но... *делалось!*

Снизу делалось, изнутри, из людской среды, пусть и как-то само собой, обыденно, по-мещански, хоть это вроде бы не поощрялось, сдерживалось, даже и преследовалось, но делалось, как и делалось сверху, от самой власти, не отличавшейся ни умом, ни стратегическим видением, ни реконструктивной волей, и делалось как неосознанно, так и, увы, вполне осознанно, но так же это делалось (поощрялось) оттуда, из-за рубежа, от противника, причем не так милитарно, как идейно, через «правдивую информацию», через культуру в смеси с антикультурой, через образчики раскованного бытия, стереотипы иного — свободного-де и оттого привлекательного — поведения, в общем, через тот или иной соблазн, что, кстати, хорошо работало, весьма и эффективно.

Сталинская цивилизация как бы сама перерождалась, что в известной мере и было, однако не без деятельного или бездеятельного попустительства сверху, как и не без вовсе не слабого влияния извне, как раз со стороны той самой заграницы, которая ведь «всегда поможет».

Разъеденная, ослабленная и достаточно вольно или невольно дискредитированная, да уже и изрядно поднадоевшая, как в свое время та же Российская империя во главе с невольным и безвольным

царем-самодержцем, сталинская цивилизация подверглась не без заговорного побуждения и юридической, что называется, ликвидации, — и, что особенно примечательно, как-то уж слишком обыденно, нелепо и смехотворно.

От великого исторического до тривиально ничтожного, конечно, не один бывает шаг, как и от великого до смешного, тут, знаете ли, эпоха, пусть и по историческим меркам краткая, но вот где она — великая, надежная историческая гарантия для всего великого исторического, — кроме, разумеется, гарантии его тривиально обидного конца, где?!

Кажущееся обычно невозможным не просто в реальности случается, а все невозможное как раз в реальности по преимуществу и случается, переходя из разряда невозможного сначала в разряд (не)возможного, а затем уж и в разряд непосредственно возможного.

Даже чаявший революцию в России и на нее вроде бы без устали работавший Владимир Ульянов-Ленин («профессиональный революционер», каково!) проглядел саму революцию как факт, ибо революцию вызвали к факту не «революционеры» вовсе, а... генералы, заставившие царя отречься, выбив, того и не желая, самодержавный клин армейским клином, взбаламутив страну и взбудоражив антицарскую политэлиту, поспешившую перехватить ставшую вдруг неприкажной после отказа царя брата взойти на колебавшийся самодержавный престол.

Вот и у нас в 1991 г. нашлись свои генералы, правда, не войсковые, а... свадебные (вроде «малиновских») — сначала одна кучка («путчисты»), затем другая («заговорщики»), — и дело было сделано: невозможное, став вдруг (не)возможным, обратилось во мгновение беловежского ока в реальную возможность, причем как по линии бытийной объектности, так и по линии обыденной субъектности — тут уж все одно!

Возможная (не) возможность

Да, невозможное (казавшееся невозможным), пройдя через (не)возможное, стало вдруг в 1991 г. возможным... нет, не развал и даже не распад СССР, а попросту его... постыдно робкая *отмена* (мог бы кто-нибудь представить себе такое даже в том же еще 1990 г.!). Однако *это* произошло и произошло аки (не)возможный

выверт: бац! — и нет СССР со всем его остаточным сталинизмом, с его условным советизмом и недореальным социализмом!

Да, СССР был одним предательским махом разрушен, однако, надо заметить, что СССР разрушился в немалой степени и сам, точнее, был разрушен той реальностью, в которой оказался быть и которая, шаг за шагом его исподтишка отрицая, в конце концов его напрочь и отвергла.

Можно ли было сохранить СССР? Вопрос, что называется, риторический, но ответ тут таков: может, и можно, но вот кому это было тогда под силу и как, а поскольку некому было, да и вообще поздновато уже было, а потому делать это надо было очень и очень волево, чуть ли не по-сталински, то сохранить не преобразованный вовремя и радикально СССР (может, уже и не-совсем-СССР!) было нельзя, что и подтвердило все тогда происшедшее как с СССР, ставшим вдруг бывшим, так и с РСФСР, тоже ставшей в единый миг бывшей, однако в отличие от СССР продолжавшей себя экзистенциально-исторически уже как сколок от СССР в виде Российской Федерации.

А что же произошло дальше? Нет, уважаемые господа, вовсе не братание с Западом (с США прежде всего), вовсе нет, а почти-что-капитуляция перед Западом, во всяком случае сдача перед ним всех ново-«независимых» псевдогосударств (кроме, конечно, Белоруссии), та самая сдача, которая не только открыла (не)возможную возможность почти-что-оккупационной вестернизации (не)-зависимых стран-осколков, но и (Sic!) под ее — вестернизации — прикрытием, с ее поддержкой и даже с гарантией от нее провести (не)мыслимое — так называемую **Реформу** (по сути-то ведь *революцию*!), да мало что прозападную (про-колониально-про-западную), так еще и аморально-грабительски-присвоительную в интересах и в пользу как *своих* (несторонников прежде всего СССР, его отрицателей, противников, врагов, погубителей, ему изменников, да вот не только — и просто нелюдей тоже, включая и откровенных бесов, в особенности из болотной сферы искусств), так и в пользу *пришлых*, как раз по преимуществу с Запада, что известных деловых гигантов, что обыкновенных жуликов.

Отвержению, обгаживанию и осмеянию подверглись тогда не только СССР, Сталин с его сталинизмом, советизм с социализмом,

не только Россия с ее неистребимой русскостью, но и, что особенно занятно, всякая вообще «людскость», человечность, гуманность, товарищество, моральность, честность, искренность, трудолюбивость, аскетизм, не говоря уже об экзистенциальных традициях и той же культовой классике, особенно советской (сталинской тож!).

Зато в моду и дело пошли хапужность, наглость, хваткость, мошенство, пошлость, шумность, гамность, безрассудность, ложь, обман, глумливость, в общем — весь арсенал *преисподненского антимира*!

Беловежский выворот дал ход, с одной стороны, **в**ворачиванию в бывший СССР отъявленного западнизма в его наихудшем имперо-колониальном варианте, а с другой — **вы**ворачиванию той же страны под ничего уже не говорившем грифом РФ до самых, что называется, кишок, до дна, до бездны, однако с устройением в этой стране (в РФ, стало быть)... э-э... чего даже капитализмом не назовешь, а вот *инфернализмом*, пожалуй что, и можно, да и нужно было назвать — устройство ни того, ни другого, ни даже третьего из известного, а чего-то и впрямь (не)известного, как бы и (не)реального, настолько при этом уродливого, что и имени сему не подберешь, однако тогда все-таки бывшего, вполне себе и реально бывшего, с одной стороны, под сенью, опекой, с поддержкой и участием Запада (с колониальной за это платой со стороны РФ, разумеется), а с другой (внимание, читатель!) — с невольным, хоть и естественным пособительством еще не растерянной вполне и до конца *традицией* — что глубинной и давней (археокультурной), что обретенной совсем недавно, как раз той, от которой так решительно на словах и на деле отпрянула инфернальная новизна — социал-советско-сталинской (чего в бытии-истории не бывает!).

Зацепившись в страхе за Запад и невольно, не без страха и вынужденно опираясь на традицию (и ее носителей — ЛЮДЕЙ!), возникшее по итогам коварной перестроечной проделки и вывороченное наизнанку правление смогло, подавив запоздалое сопротивление 1993 г. (уже и от своих тоже!) бесцеремонно начатому «реформированию», а фактически выворачиванию страны по начертанной на тот момент услужливым Западом (США прежде всего) неоколониальной «дорожной карте» (ликвидация планирования и госуправления хозяйственной жизнью, освобождение частной бизнес-инициативы,

денег, их текущей стоимости, цен, инфляции, границ, миграции товаров, капиталов, людей, ускоренная приватизация, она же «прихватизация», предприятий, расхват и распродажа всего и вся, из могущего быть проданным за рубежом, образование бешеных частных капиталов, бойкого олигархата, частных (конечно же — нечестных) банков и т. д., и т. п., ну и media-информо-культурная, вполне себе и inferнальная, бесовская, бешеная, а потому и задиристо антикультурная, античеловеческая, как и антироссийская, не говоря об антирусскости, революция, а также, что уже вершилось само собой, великая аморально-криминальная революция с разгулом коррупции, воровства, бандитизма, мздоимства и т.п. примечательных вещей). Да, это был бросок в бездну — БЕЗДНУ!, в ней тряское, турбулентное, вывороченное и вымороженное пребывание с очень немалым шансом в ней навсегда и сгинуть — как в порыве к новой де жизни, небывало свободной и много чего небывало хорошего сулившей, так и попросту от самой этой новой жизни, не выдержав предложенных ею возможностей и мытарств, — и это касалось не только отдельных особей, семей, групп, сообществ, страт, но и самой страны, могшей в одночасье развалиться и быть колониально проглоченной по кускам любвеобильным относительно земно-космических пространств, властных ресурсов и дешевого труда цветовавшим нарочито яркими и жутко ароматными цветами от лукавого добра и милейшего зла, охочим до всего чужого, вполне уже перезрелым, гниющим и гнетущим Западом, да и, заметим, Востоком, и Югом тоже.

И тут, господа ученые, не ведающие ничего, кроме усвоенных ими сизмальства масонских о реальности побасенок, нельзя не обратиться к тому, что обыкновенно называется *чудом* — ЧУДОМ!, конечно же, ученой братией никак не признаваемым, разве лишь иной раз про себя да с каким-нибудь близким пособником в моменты вынужденных признательных срывов (все тут ведь на краях, на краях, да и на крови, пожалуй, тоже!)

Чудеса, да и только!

Чуда бывают разные, есть среди них и социо-историко-экзистентные, касающиеся обществ, стран, государств, народов, их судеб, причем чуда как темные и весьма злые, так и светлые и чуть ли не добрые.

Темное и злое чудо, к примеру, — театрализованный крах СССР в угоду своему главному и исконному противнику — Западу, еще и к его радости, и к его выгоде, а наряду с этим крахом и крах на территории СССР ренесансно-просвещенческой (европейской тож) цивилизации, включая соответствующие ей государственность и гражданственность, а еще крах человечности и человека, в общем — явный *приступ бездной инфернальности*, плотно захватившей умственно, психически и поведенчески почти все правление с немалой частью и активного населения.

Оказалось, что все вокруг, включая культуру, институты и самих людей, совсем не то, каким еще недавно представлялось — достойным, а вполне себе темное, злое, хищное, мертвящее, ужасающее. Вот-те на: бац! — и чудо сие свершилось, причем для его бенефициаров вовсе не такое уж и плохое, совсем даже наоборот — хорошее, правильное и (Sic!)... *справедливое!*

Вот так!

Однако этим чудом дело тогда не ограничилось: явилось и другое чудо — *иное*, совсем противоположного свойства, а именно, если и не очень светлое, и не очень доброе, однако для судеб страны, народа, государства, цивилизации весьма и весьма позитивное, и выразилось оно в чудесном (иначе не скажешь!) уцелевании страны, государства, цивилизации, народа, пусть и объединенными, изъеденными, потрепанными, обескураженными, умученными, но... *уцелевшими!*

Да, инфернал действовал устремленно, активно, нагло изощренно, лживо, изобретательно, даже моментами изящно, но при этом и сопротивление ему было не такое уж слабое, причем и весьма осознанное, субъектное, даже и институциональное, как стихийное, бытованное, самособойное, так и обстоятельственное, а моментами и попросту — героическое. Запад многое раскусил в России и ее людях, да вот не все, промахнулся-таки, как промахнулись в итоге с Западом, его шикарным благодетельством ему наивные симпатизаторы, его явные и неявные сторонники, к нему вовсе не храбрые перебежчики, да и сами бенефициары того чуда — как раз *чудовищного чуда!* — тоже ведь промахнулись с Россией и ее «людьми», что, правда, стало окончательно ясно несколько позже, хотя, пожалуй что, пока и не до конца.

Тут ведь надо непременно уразуметь кое-что непреложное: сама Россия не то что *тайна* — ТАЙНА!, но и *чудо* — ЧУДО!, и сама Россия прежде всего автор и актор происходящих с ней чудес — то она к Бездне вприпрыжку, то внезапно к Небу, и тоже с подскоком, отчего и сама Россия — *(не)возможная (не)возможность*, когда «Да» и «Нет» тут как бы в равном положении и значении. Что тут поделаешь, ежели сидит издавна в России усердно отрицающая ее *анти-Россия*, не только не дает России покоя, но и ставит ее время от времени на край бытия, толкая в бездну, а потом получив от России по своим заслугам, не перестает удивляться в очередной раз возродившейся вдруг почти что из праха России, правда, всегда как-то ловко, хоть и не без труда, потерь и крови, изменившейся при этом ровно настолько, чтобы оставаться Россией, мало того, и с уже давненько ставшей органичной ей анти-Россией во чреве своем!

Любопытно все это, не правда ли, однако еще любопытнее не что иное, как новый (очередной в российском бытии-истории) *выворотный кульбит* в стиле *выворачивания вывороченного*, каждый осуществляется *step by step*, ни кем иным, как *post (non) post*-перестроенно-реформенной Россией (как Российской Федерацией, конечно).

Есть тут отправное мгновение (не секундное, конечно, но и не сильно протяженное) — смена правления, ознаменованная добровольным (!) уходом одного высшего в РФ лица и приходом другого, причем в алгоритме, прямо скажем, весьма ловкой, чуть ли не красивой комбинации: без нервов, без шума, без народных демонстраций, и ежели под залпы, то лишь в пределах возобновившейся северокавказской войны, закончившейся, особо заметим, тоже не без по-своему красивой комбинации — достойной для одних — тех — и для себя тоже!

Р-раз, и пошла в ход новая для российской стороны эпоха — вставания, стабилизации, возрождения, однако уже не какой-то там прежней страны, а обновленной, переделанной, реконструированной, не отказывающейся в целом от достигнутого в 1980—1990-е, а его — это достигнутое — пусть и не в целом, продолжавшая, совершенствовавшая, разумеется, не без оценочного перебора полученного состояния и его нелицеприятной коррекцией.

Да, это было явное выворачивание, даже и выворачивание вывернутого, но ровно такое, чтобы выворотню скорректировать и утвердить ранее вывороченное, не возвращаясь далеко и в целом назад, а продвигаясь вперед на основе и в рамках вновь вывороченного, при этом все еще цепляясь за Запад, но и не отрицая насовсем своих традиций, не покидая американизированного глобализма и даже считаясь на срок с чуть ли не вассальной от него зависимостью (аккурат поначалу не где-нибудь, а в ряду G8), не пренебрегая и благими отношениями с не-Западом, включая вскорости возникший БРИК (затем уже и БРИКС), в общем, продвигаясь по новому экзистенцтреку не то что в обнимку с ее лукавыми обстоятельствами, что было неизбежно, а потому и понятно, но и, можно сказать, продвигаясь прямо-таки в Неизвестность, разве лишь рассчитывая на ее внезапную благосклонность.

Выкарабкивание из бездны уродливым, но целым, в бездном смятении выворачиваясь по линии ранее вывороченного, идя не куда-нибудь во вполне себе предусмотренное или хотя бы где-то и как-то на горизонте провидимое, а в самую что ни на есть безбрежную Неизвестность, полагаясь лишь на никому неведомое вполне Провидение, причем себя же бытующего немало отрицая и не очень-то доверяя внешнему контексту — чем тут было не чудо, а-а?

Да-а, вот и третье по счету чудо в ряду чуд, совершившихся маниакально с момента театрально-разбойного крушения СССР, — чудо обновленного воссоздания, но не СССР, тем более уж не России, а всего лишь страны, охваченной возникшей в 1990-е, пусть и просеивавшейся, новизной — много вестернизированной, немало антироссийской, мало-мало традиционной.

Однако удалось-таки, и удалось, повторяем, как вполне себе *чудо* — ЧУДО!, что вообще-то не раз бывало в бытии-истории Отчизны: разорение с превращением, как и оно же превращение с разорением, как и покорение с разорением, или же разорение с покорением, а потом освобождение с неустроением, или неустроение с освобождением, как и устроение с подавлением, или же подавление с устроением, а тут, понимаешь ли, возрождение с *перерождением* (от СССР и России к не-СССР и к не-России), или же перерождение (как раз то самое, о чем выше в скобках) с *возрождением*, а все-таки *чудо* — ЧУДО!, давшее шанс не только выпрыгнуть из бездны,

запрыгнув в Неизвестность, но и допрыгать... э-э... до чего-то и впрямь особенного и великого да при этом еще и... *своего*!

Ино-странно-шествие

Кого выпрыг и куда? Ясно, что страны, называвшейся Российской Федерацией, к какой-то *иной*, чем прежде, стране, да еще и *по-иному*: без социальных потрясений и спровоцированных рывков, даже и вкрадчиво, отрекшись от «лихоманки» бурных 1990-х, но скрепляя и закрепляя важнейшие как фундаментальные, так и надстроечные обретения славных 1990-х: что капитал-экономические — само собой, глобализованные, что культо-культурные, исходно и актуально по преимуществу тоже не свои, а либо уже ранее взятые извне и освоенные, либо лихорадочно только что привнесённые.

Так вот, все вроде бы и пошло-поехало в РФ с появлением на рубеже XX и XXI вв. обновленного правления раздрызганной страной и более всего с физическим воскрешением населения и воссоздания его среды обитания. Страна тогда, что называется, задышала, хоть и полу- или недо- вывернувшись (о полном выворачивании вывернутого даже и речи не шло), оставив позади аномальное, хоть и на редкость свободное (*воля!*), бытийное состояние 1990-х, но зато и оставив в целом в сохранности, вовсе и не выворачиваясь, благообретенное в 1990-х устройство бытия, вполне и без слов оправданное: хозяева (естественно, новые) наверху; массы (естественно, трудящиеся, не слишком трудящиеся и вовсе не трудящиеся) внизу; расчетливо услужливые, но немало эгоистичные и весьма безразличные ко всему на свете, кроме самих себя, управляющие, менеджеры по преимуществу при этом малоэффективные, а также разного рода спецы, профессионалы, знатоки, в меру удачливые, как и не в меру все более связываемые по рукам и ногам всякими безумно, но зато охотно заимствованными на Западе регламентами. В общем, все как обычно: и «демократия» тут, как и везде, с густым замесом плутократии, и столь важный для новых верхов новейший деспотизм, как раз финансово-административно-цифро-электронный, вовсе на вид и не грозный, даже улыбчивый и чуть ли не стыдливый, весьма и произвольный (произвольный), но зато для верхов очень даже эффективный.

Не состоялось, обращаем еще раз внимание, в полном смысле слова никакого полного выворота, а был лишь выгодный для устроительно-правлящих верхов *полу-недо-выворот*, нет, не косметический вовсе, а, скажем так, благообразненский по наружности и верхуугоденский по функционалу.

Однако... верхи наши вдруг осознали кое-что для себя экстраординарное, а именно, что им не только нет достойного места в западных верхах, кроме разве как в прихожих, и это несмотря на G8, оказавшейся лишь лукавой ловушкой-подкидышем, как и осознали наши верхи, что им вкупе с РФ отведена сугубо вассально-колониальная роль в западном клубке высшей знати и в клубе избранных наций, что они — все эти наши верхи — не более чем нанятые Западом управляющие его — западного — большого имения, лишь называвшегося до поры РФ, отчего и явилась на свет в 2007 г. претенциозная, если не попросту демаршевая, пусть и вежливо произнесенная речь лидера РФ в Мюнхене — аки заява на иные, так сказать, партнерские отношения, аки заява на суверенность (!) выпестованной Западом и от него вовсе не отпрыдывавшей постперестроечной РФ.

И что же? А ничего, точнее, кое-что получили ответкой от Запада, мало что недоуменные упреки, так еще и кое-какие выпорочные репрессии, а главное — сначала не очень выраженную, а потом все более рисуночную, гибридно-гуманитарную войну с укреплением позиций НАТО вблизи рубежей России, включая натовскую вестернизацию Украины, оживление и расширение антироссийской кольцевой «Анаконды», включая создание и действие микробиологических лабораторий по границам РФ, беспардонную санкционно-конкурентную технолого-экологическую битву с РФ, с российским бизнесом, поощрение внутрироссийского прозападного и антироссийского «гражданского лобби», яростную информационную против РФ русофобскую буффонаду, — и все это от Запада в качестве попытки либо по-хозяйски «образумить» зарвавшееся российское правление, либо, коли оно не образумливается, то и убрать его с глаз долой, заменив на честное прозападно-вассальное, а то и вообще убрать Россию с зёмной карты, расчленив ее и по частям к себе присовокупив.

Ну а после киевского майданного наци-переворота, крымского чуда-прыжка РФ, донбасского восстания против киевского наци-

украинства, сирийских с благоносным участием РФ событий мир земный получил не что иное, как вполне себе горячую на территории Европы в ее украинском анклав *войну* — ВОЙНУ!, причем хоть и по внешнему факту между Украиной и РФ (можно сказать, что и между РФ и Украиной), а на деле-то войну Запада (США, англосаксов, того же ЕС) не так даже против РФ, как против все того же, против чего весьма было даже и само на тот момент РФ-правление, а именно — против *России!*

Тут-то российское, хоть и в культо-бытийном плане — все еще прозападное правление и сообразило, что перед ним очень сложная и очень коварная угроза-риск: мало что от Запада, что стало понятным, но и от самих же себя, остававшихся *без надежного тыла*, которым как раз и была, как всегда, *глубинная Россия*, как раз та самая, которая, оказавшись в основном в нави по итогам 1990-х, не только не перестала быть Россией, но еще и каким-то неведомо чудесным образом оставалась, пусть и лишь весомой в РФ-яви тенью (о-о, эти парадоксы Бытия-Истории — весомой тенью, надо же!), как оставалась она в том же СССР, все более при этом обращаясь во все более весомую реальность, как раз все более при Сталине.

И пришлось нашим вестернизированным и оглобализованным правящим верхам обратиться не только беглым взором к этой самой глубинной России, разумеется, не для того, чтобы окончательно и бесповоротно вытащить ее из нави в явь, а лишь для того, чтобы использовать ее теневой образ в воссоздании для себя более или менее надежного, невольно становившегося все более по духу и норову пророссийским *тыла*, мало того, *цитадели*, а вовсе не какой-то там «крепостцы», что верхам, да и всей стране, очень даже пригодились, когда мировая реальность вдруг откровенчески *разверзлась* и предстала *совсем другой*, мало что открыто военной (боевой), так еще и неприкрыто злобно-лживой со стороны Запада в адрес уже не так РФ, как собственно России, но при этом реальность предстала и вполне себе оправданно-разоблачительной, как и оборонительно-контрнеступательной, но уже со стороны не так РФ, как собственно России, в адрес не на шутку оборзевшего истерически Запада.

Изворотливый паллиатив: выход или невыход?

Какой-токой еще вдруг паллиатив? Как раз тот самый, какому доводится следовать нынешнему российскому правлению, а под его эгидой и РФ с сидящими в ней Россией и анти-Россией, когда вождь-деленный для российских западников Запад покровительственно и образцово угнездился в РФ и при этом самозабвенно с РФ-Россией воюет, стремясь ее уже не так подчинить, как уничтожить, в то же время, когда вестернизированная и оглобализованная РФ, сопротивляясь, вынужденно бьется за себя с немало ее только что очаровавшим и заколдовавшим Западом, стремясь не так избавиться от сего очарования и колдовства, как попросту остаться на Земле, уцелеть, выжить, не выдавливая из себя насовсем Запад, столь страшной изменнической ценой его в себя впустившая, вобравшая и им теперь насквозь пропитанная, мало того, там — на Западе, еще и частью своей западнической не без удовлетворения бытующая, стремясь там — на Западе, остаться навсегда, хоть и там же навсегда, судя по всему, сгинуть, отчего получается в общем-то черт знает что: война на полях Украины не так с квазинатовской Украиной, хоть это и имеет свое неизбежное место, как с развернувшимся против РФ-России Западом, но... (Sic!)... не так *против* наглого Запада, как... *за себя*, однако за себя все-таки... *западническую*, хотя при этом и себя целостную, суверенную, великодержавную!

Если для Запада сия им желательная война есть война не на жизнь, а на смерть — РФ-России, конечно — не себя же, хоть и неукротимо загнивающего, но все равно непревзойденного-де и даже чуть ли не вечного, то для РФ-России сия вынужденная война не на смерть как раз — себя, а за жизнь — как раз себя, однако какой же себя в итоге?

Каверзный вопрос, недопустимый в приличном интересобращении, а для внутристранового ракурса попросту и попусту провокационный!

Что ж, кто знает ответ на сей подлый вопрос, пусть и ответит, хотя бы для себя, не для ученой же братии стараться, все равно не поймет, да и спорить непременно будет, хотя бы изуверски наоборотно.

Автор сего опуса, конечно же, ничего такого не знает, ничего такого от ведущих на Украине странную войну с Западом отечественных верхов он не слышал, отчего может только малость порассуждать, да и то не как всезнающий эксперт, а всего лишь как ничего вообще не знающий, кроме, пожалуй, самого незнания, кое-как мудрствующий гуманитарий, правда, мало что русак, так еще и верный гражданин РФ.

Итак, за что сражаемся, друзья?

Ежели за Россию, как нас уверяют, взбодрившиеся вдруг медиа-комментаторы, то тогда за какую же Россию: за *их* — ее владетелей, или за *нашу* — ее коренных насельников?

Ежели за *их*, то бишь за ту, которая уже *есть* — одно дело, пожалуй что, и гиблое, ибо противоречиво тупиковое: воевать с Западом за весьма уже протухшую от западнизма прозападную по контенту Россию — это ли не провально исторический абсурд, господа? А ежели воевать за *нашу* Россию, то надо, господа верховники, существенно *все* в стране менять, как и самим столь же существенно меняться, достигая вместо уже устроенной и полюбившейся владетелям вестернизированной страны, вовсе и не оригинальной, социо-экзистенциальной иерархии (о которой мы тут малость кое-что сказали выше), кстати, смешанной европо-азиатской, достигая в итоге другой иерархии — *соборной*, сочетающей единение всех с их же — этих всех — разнообразием, однако на условиях... нет, не «свободы, равенства и братства» (увольте, господа!), а всего лишь возможности личного *выбора*, уважения личностного *достоинства* и неукоснительного полагания общественной *взаимности*!

А иначе ни войны не выиграть, ни страны не сохранить, ни будущего не отстоять, в общем — можно вдруг и без страны остаться, ибо дело тут не в одной только войне России с Западом, но и в войне за Россию в самой России, которая, надо заметить, куда сложнее, труднее и страшнее войны с этим треклятым Западом (черт бы с ним, с Западом, нам бы Россию воскресить — как *Российскую Россию*, а не какую-то там еще!).

Главное тут в том, что ничего иного — ни проекта, ни пути, ни решения — нет: либо Россия по сути своей российская, либо ее вообще нет, а экзистенциально-геостратегический паллиатив меж западнизмом и местным европо-азиатским этатизмом (деспотизмом)

Россию не спасет, да и кому она вообще нужна — этакая странная *не*Россия, кроме, конечно, ее пространства и ее ресурсов, даже и части ее нынешних насельников, разумеется, в роли чьих-то рабов?

Думать надо, думать, а думать-то уже и некогда, а потому действовать надо, разумеется, не безумно — как раз в направлении к России — что думать, что действовать, а она — Россия — не подведет!

Resume

Война на то и война, чтобы все обычно сокрытое, скрываемое, задушиваемое и замазываемое вдруг обнажить, что и делает нынешняя укро-российская-де война, обнажающая обычно прикрытую пустыми словами, тупым молчанием и лукавыми недоговорками гнусную реальность — что нашенскую, что любую «ихнюю», что вообще всеобщую, а реальность-то, она вот какая, не то что не такая, какой обычно представлена и представляется, а, увы, совсем другая, но это еще не все, она крайне неприглядная, это мягко говоря, и другой она, то бишь хотя бы приглядной, к сожалению или нет, вряд ли когда станет, что, конечно, не значит, что за реальность как все-таки приемлемую для все-еще-человека реальность надо бороться, пусть даже и «войновски», при этом не в басню бороться, а в правду, немало при этом *выворачивая вывернутое* — как раз в направлении от антимировской тьмы, охватившей вывороченный ею мир, включая, заметим, и Россию, к мировскому, конечно же, экзистенциальному, свету, что как раз нынешняя, сама-то тьмою еще всецело распятая, Россия, хочет ли она этого или не хочет, как хотят ли этого ее правители и насельники или не хотят, вынужденно, но при этом и сакрально, и делает!

Одержать локальную победу над заблудшей Украиной, как и отбиться от блудливого Запада можно, хоть и трудно, главное — отбиться от сидящей в России *анти*-России и одержать России победу над самой собой — тоже ведь немало заблудшей, да вовсе не только в западные златолюбивые кущи, а и в свою собственную закулисную преисподнюю, откуда выход только один — через *преображение*, — вот на это текущие ныне обстоятельства и происходящие на глазах происшествия, включая и «войновские», и работают!

Да сбудется!

А.И. РАЗУМОВСКИЙ

Управление и творчество*

Аннотация. В эссе, в общем плане управления, рассматриваются проблематика и аспекты человеческого творчества как явления, процесса и фундамента не только жизнедеятельности человека, а обеспечительного факта самого жизнеустройства в контексте бесконечности жизни. Обсуждается проблема рассмотрения феномена творчества в четырех смыслах. В сопоставлении творчества и окружающей реальности обнаруживается явление антитворчества. Исследуются контексты творчества и антитворчества. Делается вывод об увядании творческих сил человечества и соответствующем ему росте безответственности.

Ключевые слова: творческий процесс, творение, бесконечность, случайность, антитворчество, технология, смысл, ответственность.

Abstract. The article, in general terms of control, considers the problems and aspects of human creativity as a phenomenon, process and foundation not only of human life activity, but the securing fact of life itself in the context of the infinity of life. The problem of considering the phenomenon of creativity in four senses is discussed. The phenomenon of anti-creation is revealed in the comparison of creativity and surrounding reality. The contexts of creativity and anti-creation are investigated. The conclusion about the withering of the creative forces of humanity and the corresponding growth of irresponsibility is made.

Keywords: creative process, infinity, chance, anti-creativity, technology, meaning, responsibility.

УДК 111
ББК 65в

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Разумовский А.И. Управление и творчество // Философия хозяйства. 2022. № 4. С. 44—55.

Введение

Процесс созидания объекта, придание ему бытийности, извлечение его из отсутствия, наделение его особым импульсом (действительностью) и статусом «свойственности» я определяю как творчество. Результатом становится творение. Творчество — отнюдь не реализация нового, не только это, напротив — это сама деятельность, сама жизнь, движение, определенность и явление. «Творчество всегда единично» — утверждал Ж. Делез [2]. Мне важно не только с этим согласиться, но подчеркнуть, что творение всегда уникально, а мир — бесконечно разнообразен и в этом предельно прекрасен. Не менее значимо указать на онтологически связующие грани между творением как результатом и творением как действием, созиданием, наделением, выражением, устремлением.

Прежде всего, следует рассмотреть некоторые аспекты творчества в контексте его результатов. Многие из них удивительным образом житейски мелки и сужены. Важно проследить соотношенность понятий и силу их образов, чтобы осознать невероятную емкость, значимость и мощь того, что скрывается за этим, ставшим (к сожалению) обыденным термином — творчество. Затем сделать попытку объединения смысловых и эпистемологических смыслов творчества и прочих бытующих с ним рядом идей и понятий. Наконец — приоткрыть дверь разграничениям и различиям элементов контекста творчества. Кроме этого, важно рассмотреть препятствия на пути творчества — эту часть я назвал: антитворчество. И, подытоживая эссе, сформулировать несколько соотносимых с творчеством практически значимых выводов.

Иллюзия и реальность

К несчастью, многие представления о реальности, о жизни, о путях ее постижения не просто поверхностны, а ошибочны и слепы. Неверное понимание своих жизненных путей провоцирует людей на самые неблагоприятные и тщетные поступки, оценки и выводы. Во многом шаблонные суждения отвлекают умы от поиска правды и терпеливых размышлений и создают порой непреодолимые препятствия к возвращению ко своему благу.

Представление творчества как производства «нового» является расхожим и естественным настолько, что к этому часто

добавляют наречие «всегда»: творчество — это *всегда* сотворение *нового*. Хотя такие максимы, как: всегда/никогда, везде/нигде и им подобные, лишь уверяют собеседников в ограниченности взгляда оппонента. Бытует также мнение о творчестве как о деятельном художественном или мыслительном проявлении: рисовать картину, петь песню, сочинять сценарий, писать статью, решать задачу.

Представляется естественным, что с творчеством неразрывно связано воображение, причем в самом широком смысле: образы, картины, словесные, музыкальные или числовые ассоциации, воспоминания и прочие игры памяти и сознания. Можно высказать робкое предположение, что творческий акт включает воображение в соединении с инсайтом.

Интересно также отметить то, как близко, почти до равенства, ставят рядом с творчеством интуицию. Так, великий математик А. Пуанкаре заметил: «Интересная вещь! Если мы перечитаем сочинения древних, у нас явится склонность причислить всех их к интуитивистам <...> однако природа всегда остается одной и той же; маловероятно, что она только в нашу эпоху начала создавать расположенные к логике умы» [4].

Осмысленный охват творчества

Как можно в полноте осмыслить творчество? Для этого существует несколько путей: рассмотреть творчество как результат; взглянуть на творчество через призму процесса; выразить творчество посредством смысла; сопоставить творчество и бытийность.

Результат — это постепенное, поэтапное видоизменение объекта, которое при этом не исключает скачкообразных переходов.

Творчество как процесс включает исследование деятельности, поведения и поступков, а также реакций, оглядки, проверки и ответственности.

Творчество в контексте смысла — это ответы на вопросы: «зачем» и «почему», а также рассмотрение дихотомии: нас создают — мы создаем.

Бытийность и творчество суть две координатные линейно независимые оси, одно дополняет другое и одновременно не обходится без него. Как существование и отсутствие: смерть — как качество жизни.

Рассмотрим подробнее творчество, глядя на результат. Постепенное видоизменение объекта — это почти физический подход к познанию. Здесь любое изменение физически соответствует перемене энергетических полей — магнитного, гравитационного... Иначе говоря, изменение — это переток, преобразование энергии объекта. Под объектом я понимаю собственно объект в окружении своих контекстов. Таким образом, если объект возникает — он снабжается энергией. Если он преобразуется — его энергия изменяется. Если исчезает, энергия переходит в иное состояние. Иными словами, физически результат всегда соотнобразуется с энергетическими преобразованиями.

Когда я говорю о результате, то всегда имею в виду множество отдельных, связанных локальных результатов. Во-первых, составляющих последовательность, а во-вторых, побочных, или контекстных.

Аналогично рассуждая, процесс творчества представляет собой множество деятельных и ситуативных процессов. Процессы без результата — это их синхронизация и взаимодействие: мотивация, внешняя и внутренняя, стимуляция, наложение процессов с вызовом резонанса или, напротив, ограничителя творчества.

Важно отметить, что процессуальность творчества представляет собой область, совершенно скрытую от любого взора, наблюдения и рациональных экспериментов. Оказывается возможной лишь игра догадок и робких объяснений, за которыми часто не стоит никакой науки, а всего лишь некие интерпретации. Вдобавок, такие интерпретации подбираются так, чтобы выглядеть адекватно в собственных глазах, а не сумбурно. Так процесс творчества зачастую соотносят с эволюцией (поскольку это очень привлекательная идея), с постепенным развитием разума и сознания [1; 5; 16]. Но это все равно, что утверждать, что у птиц при эволюции постепенно отрастают крылья и клюв.

Два существенных вопроса определяют содержание предмета: зачем и почему. Первый вопрос стремится приоткрыть будущее, второй — глядит в прошлое. Ответы на них в совокупности определяют смысл, который наличествует всегда, даже в кажущихся странными вопросах: зачем идет дождь или почему я забыл очки. Если вообразить смысл как ковер, то станет легко и удобно представить его на ткацком станке творчества. Здесь мы сможем увидеть не просто

результат, но разнообразие, собранное в особом порядке и местах, при этом образующее пестрый содержательный узор. Выплетая осмысленность поведения, производится невидимое творчество смысла.

Бытийность творчества продолжает разговор о его осмысленности. Бытийность раскрывается как творчество максимальной, бесконечной полноты, без возможности всякого сужения, упрощения и сетования на случайность возникновения и происхождения. Вот, например, как описывает творение Ф. Лейбниц: «...всякое сотворенное бытие — а следовательно, и сотворенная монада — подвержено изменению и <...> это изменение в каждой монаде непрерывно» [3]. Беспрерывность, бесконечность, безграничность — вот что характеризует всякое творчество, хотя видимость его результатов зачастую весьма скудна и обманчива. Иногда говорят о сотворенной бесконечности в контексте человеческой жизни [7; 8].

Однако соотнесение творчества со случайностью в литературе нередки. Например, в работе [15] утверждается, что креативность улучшается после применения прямой стимуляции постоянным и переменным током в зоне префронтальной коры. В такой формулировке видится не только случайность творчества, но и возможность его измерить — существуют тесты творческого мышления Торранса [12]. Также сегодня существует так называемый «новый взгляд» на человеческую ошибку в эргономике, когда утверждается, что поиск причины неудачи иллюзорен, и что такой вещи, как причина аварии, не существует [10]. Исподволь автор подводит к мысли о случайности ошибки, а следом и к отсутствию ответственности.

Вообще говоря, ссылки на случайность вполне способны отрицать если не само творчество, то его знаковую, определяющую жизненную роль. Указание на случайность возникновения или проявления, т. е. упрощение статуса творчества, совершенно естественным образом превращает его в привычное нам обиходно-досуговое занятие. Для полноты такой картины мысленно вообразим, например, руководителя крупного предприятия, вдруг внезапно превращающегося в трехлетнего ребенка, рисующего за начальственным столом акварелью оранжевое небо.

Бытийность творчества вдохновляет также предполагать его бесконечную жизнеспособность, гибкость, гуттаперчевость поведения.

Итак, жизненность и творчество неразрывно связаны, первое вытекает из второго, а второе исполняется первым. Таким образом, жизнь — не случайна, а выткана, сотворена.

Если обратить взгляд на конкретную личность, пристально, то удастся заметить существенное отличие ее внешних (а тем более внутренних) поведенческих проявлений, от строя иной личности, даже родственной. Из этого можно заключить, что творчество в отношении жизни всегда индивидуально и обособлено. Выходит при этом различный результат. А деятельность самой личности, существо которой разнится от другой, также станет сугубо иной. Здесь важно подчеркнуть, что отличия оказываются творческими, проявляющимися в результате творческого замысла — как внешнего по отношению к личности источника, так и ее собственного.

Различия результатов творческой деятельности говорят о неизведанных истоках творчества, о том, что начало, инициализация, точка отсчета творческого, акта гнездится где-то в недостижимых окрестностях самой индивидуальности, ее особенностях, характере, ее воодушевлении или малодушии. Невозможно даже с осторожностью прикоснуться мыслью к этой исходной искре, осязаемому дунению, попытке поступка. Подтверждения этой таинственности отчасти находятся в примерах мгновений удивительных творческих откровений. Таблица Д.И. Менделеева возникла у химика в сознании во время сна. Подобным же образом Ф. Кекуле изобрел формулу бензола. А А. Пуанкаре придавал творчеству деятельную разумную основу: «Разум пользуется своей творческой силой только тогда, когда опыт принуждает его к этому» [4].

Что говорят о бытийности творчества те, кто рассматривал его как жизнеутверждающий фактор [9; 14]? Они отвечают на вопрос «зачем» — хоть и в узких рамках человеческой психологии или управления. Ответ на этот вопрос способен приоткрыть глаза на творчество всеобъемлющее — перманентное, исчезающее, нерукотворное, памятное, истинное, надежное и достоверное. Тогда творчество вмиг превращается в нерушимую скалу, непреодолимый смерч, непобедимую победу. Вопрос «зачем», кроме всего

остального, чрезвычайно полезен с практической стороны. Задавая его последовательно, можно, постепенно углубляясь, «доискиваться» до самых корней существа вещей и идей, буквально – «зреть в корень» по заветам Козьмы Пруtkова. Именно вопрос «зачем» следует признать основным вопросом философии. Кроме этого, задавать этот вопрос полезно, ища и разглядывая туманное будущее и, таким образом, обуздывая — в ограниченном смысле — время. Базис «зачем» позволит установить Творчество на твердое основание действительности, придаст ему целостность и расширит горизонты смысла.

Антитворчество

Однако повседневно мы можем наблюдать вокруг себя вовсе не творческую среду и воздух. Вообразим на мгновение, что существует нечто, способное блокировать творческую статью. Мы легко (хотя и задумавшись) это нечто обнаружим: технология и ее приспешники.

Технические устройства и технология в широком смысле опираются на точно регламентированную последовательность действий или рационально выраженных событий, соединенных с откликом на них. Неявно в технологических решениях присутствует составляющая убежденности в их правоте, порядке, важности, выгоде и ценности. Но главная убежденность заключается в том, что технологический порядок лучше нетехнологического. Кто будет спорить сегодня, что трактор лучше лопаты, а компьютер лучше счет? Но это — превалирующая позитивность технологии лишь с позиции более высокой скорости достижения заданной цели, или — с другой стороны — удобства деятельности. Вопрос качества конечного результата словно вытекает из этого комфорта как само собой лучшее. Отметим, что предполагаемый комфорт — телесный, а не творческий. Их следует различать.

Кроме того, обращает на себя внимание также «замещаемый» элемент. Такое замещение производится при создании в технологии автоматизированной детали или процесса, каждый из которых способен получить эффект быстроты или телесного комфорта. При его использовании рутинная долговременная деятельность замещается эффективной скоростной автоматической работой определенного или предполагаемого механизма с конечным выигрышем по

скорости и комфорту. Работа неконвейерного, нерутинного свойства, где скорость достижения результата не столь критична, не может принципиально быть технологически ускорена без возникновения побочных неожиданных проблем.

Мыслительную деятельность человека невозможно преобразовать в технологичную или алгоритмическую. Однако в литературе можно встретить рациональное представление о мышлении человека как о деятельности, имеющей счетный характер. Как говорил Т. Гоббс, «мышление есть лишь расчет». Подобная позиция также прослеживается в работах Декарта, Локка, Юма, Буля, Виттгенштейна и Карнапа. В книге Карнапа «The Logical Structure of the World» [6] определена явно заданная вычислительная процедура для извлечения знаний из результатов элементарных опытов.

Интересно отметить, что Т. Гоббс отрицал также и бесконечность как реальность, что косвенно подтверждает прежде мной высказанную мысль о соединенности творчества и бесконечности. Таким образом, технология — как расчет, процедура, алгоритм — противоположна творчеству, соотносима со свободой мысли, эмоцией, чувством, интуицией и вообще с иррациональной содержательностью.

Антитворческий контекст

Далее обсудим творчество в окружении антитворчества. Действительно, современный человек всю свою жизнь пребывает в среде, уровень технологий которой постоянно повышается. В результате образуются новые контексты, а вместе с ними обратные реакции, изменения поведения и неожиданные последствия. Частные оценки такой пертурбации среды сводятся к положительному улучшению комфорта, исключительно телесного комфорта. Кроме того, появляются новые термины, описывающие жизнь: искусственный интеллект, умные дома, дигитализация, квантовые вычисления, большие данные и т. д.

Технологические решения могут входить в конфликт с творческим участием, приостанавливая его или блокируя частично. Но что это значит с точки зрения результата творчества и его бытийного существования? Вот какие итоги, выраженные наглядно, можно получить: недостаточно или лишь выборочно выполненная работа;

разорванное время отклика на событие; не должным образом обработанный сигнал. А ведь хорошо известно, что большинство дел, не доведенных до конца, имеют статус несовершенных, бессмысленных.

Таким образом, технологии могут существовать совместно с творчеством или без реального ущерба для него только при условии подчиненности технологии творческому «Я» человека. Технология не должна диктовать свои требования или ставить человека перед фактом ее неминуемого использования. Оглядываясь вокруг, мы во все не наблюдаем подобных отношений, наоборот, картина — обратная! С каждым новым днем в эту технологическую воронку все сильнее затягивает человеческое творчество, а с ним и интеллект, и индивидуальность, и его опыт. Мы видим, как технологические установки берутся за верное правило, которому с рабской готовностью следуют без оглядки. Чувствуется, как технологические агрегаты заполняют сознание индивида и его свободу, и его время, и силы.

Можно ли это реально изменить? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо задаться другим: насколько творчество неотъемлемо от человека, насколько его наличие и сущность определяют фундаментальную причину существования человека в мире? Здесь есть еще более важный аспект: можно ли управлять балансом отношений технологии и творчества, интегрируя одно с другим? Можно ли видеть или устанавливать свои пределы и условия взаимодействия творчества и технологии, следить за выгодой их сочетания? Вызывает наивное удивление, что эти вопросы почти не возникают сегодня, не ощущается их жизненная важность, не чувствуется ценность их объединенных усилий.

В своей примечательной статье «Технологии без человеческой ответственности» Д. Джонсон [11] ставит под сомнение технологическое развитие вне человеческого контроля. Автор заключает: «Есть веские причины, по которым нам придется сопротивляться любому будущему, где люди не несут ответственности за технологии, играющие важную роль в нашей жизни». Иначе говоря, технологии ведут к росту безответственности.

В бизнес-среде издавна ведутся исследования влияния внешних воздействий на модерирование творчества в организациях. Ученые ищут пути мотивации людей для стимулирования их творчества. И хотя множественные результаты таких исследований пестрят

позитивными оценками возможности управления творчеством, все-таки иногда в них проговаривается, что «...информация в различных условиях как помогала, так и мешала полезности творческого результата» [13]. Иными словами, «оседлать» творчество ученым до сих пор не удалось. Но это знаковый показатель сегодняшней науки: стремление оправдать собственные представления на базисе игнорирования фундаментальных представлений о природе творчества. Например: «соотнося вознаграждение с творчеством, люди в большей степени оказываются способны направлять свои когнитивные усилия на творчество» [17]. Подобные пассажи заставляют усомниться в целостности и ценности такого исследования.

Наблюдая творчество в контексте бытия человека, его творческих всходов и плодов, его деятельности и ее влияния на мир можно с легкостью убедиться в следующем:

- Творчество играет решающую роль в мировом жизнеустройстве;
- Творчество определяет поведение Человека и его самооценку;
- Творчество руководит мотивацией, а не наоборот, как пытаются заставить нас думать современные исследователи социальных отношений;
- Творчество заставляет отвечать за свои поступки и мысли, тем самым способствуя возможному исправлению неминуемых ошибок и неудач.

Заключение

Оглядываясь в прошлое, озираясь по сторонам, вглядываясь в живую и неживую природу, мы видим и слышим творчество и творение — действие и результат, желание и цель. Мы наблюдаем неотъемлемость одного от другого, восхищаемся поразительным порядком — от причин к последствиям, от контекста к содержанию, от простоты к красоте. Если только широко-широко раскрыть глаза, то те, кому это удастся, будут способны узреть, как творчески выплывается ткань жизненного смысла, и что это нескончаемый, нефатальный деятельный процесс.

Литература

1. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: КАНОН-пресс, 1998.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия / Пер с фр. СПб.: Алтейя, 1998.
3. Лейбниц Г.В. Соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. 734 с.
4. Пуанкаре А. О науке. М., 1983. 560 с.
5. Campbell D.T. Blind variation and selective retentions in creative thought as in other knowledge processes // *Psychological Review*. 1960. No. 67 (6). P. 380—400.
6. Carnap R. The logical structure of the world: and, pseudoproblems in philosophy. Open Court Publishing, 2003.
7. Castro M. C. The basic human inner being as the place of encounter with divinity // *Pensamiento*. 2003. No. 9 (223). P. 3—28.
8. Castro M.C. Infinitud y problema del mal. En diálogo con A. Torres Queiruga // *Estudios Eclesiásticos*. 2013. No. 88 (344). P. 143—173.
9. De Bloom, J., Vaziri, H., Tay, L., & Kujanpää, M. An identity-based integrative needs model of crafting: Crafting within and across life domains // *Journal of Applied Psychology*. 2020. No. 105 (12). P. 1423—1446.
10. Dekker S.W. Accidents are normal and human error does not exist: a new look at the creation of occupational safety // *International journal of occupational safety and ergonomics*. 2003. No. 9 (2). P. 211—218.
11. Johnson D.G. Technology with no human responsibility? // *Journal of Business Ethics*. 2015. No. 127 (4). P. 707—715.
12. Kim K.H. Can we trust creativity tests? A review of the Torrance Tests of Creative Thinking (TTCT) // *Creativity research journal*. 2006. No. 18 (1). P. 3—14.
13. Montag-Smit T., Maertz Jr C.P. Searching outside the box in creative problem solving: The role of creative thinking skills and domain knowledge // *Journal of Business Research*. 2017. No. 81. P. 1—10.
14. Op den Kamp E.M., Bakker A.B., Tims M., Demerouti E. Proactive vitality management and creative work performance: The role of self insight and social support // *The Journal of Creative Behavior*. 2020. No. 54 (2). P. 323—336.

15. Peña J., Sampedro A., Ibarretxe-Bilbao N., Zubiaurre-Elorza L., Ojeda N. Improvement in creativity after transcranial random noise stimulation (tRNS) over the left dorsolateral prefrontal cortex. // *Scientific reports*. 2019. No. 9 (1). P. 1—9.

16. Simonton D.K. Creativity as blind variation and selective retention: Is the creative process Darwinian? // *Psychological Inquiry*. 1999. No. 10 (4). P. 309—328.

17. Sue-Chan C., Hempel P.S. The creativity-performance relationship: How rewarding creativity moderates the expression of creativity // *Human Resource Management*. 2016. No. 55 (4). P. 637—653.

References

1. Bergson A. *Tvorcheskaya evolyuciya*. M.: KANON-press, 1998.

2. Delyoz ZH., Gvattari F. *CHto takoe filosofiya / Per s fr*. SPb.: Altejya, 1998.

3. Lejbnic G.V. *Soch.: v 4 t. T. 3*. M.: Mysl', 1984. 734 s.

4. Puankare A. *O nauke*. M., 1983. 560 s.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ, Е.С. ЗОТОВА

Школа и образование — мемориальная онтология России*

Аннотация. Социокультурная и демографическая неустроенность России обусловлена плохим состоянием школы и образования. В.И. Ленин в 1918 г., через три месяца после революции, созвал Всероссийский съезд учителей, где заявил, что лишь трудовая политехническая школа оградит нас от войн, ликвидирует социальный гнёт, послужит основным средством гуманизации труда, строительства социализма. А.С. Макаренко творил школу в качестве

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шулевский Н.Б., Зотова Е.С. Школа и образование — мемориальная онтология России // *Философия хозяйства*. 2022. № 4. С. 55—63.

самовозрождающейся нормы общества. И сама эволюция превращает социум в школу. Н.Н. Моисеев утверждает, что учитель, а не политик, не военный, не инженер, становится центральной фигурой сохранения человека. Школа и образование — это родовая память, которая несет в себе миры, еще не помысленные, не осознанные, невообразимые, разрешающие неразрешимое. Пробуждение и актуализация родовой памяти России укрепляют ее ум, волю, подсказывают решения, предохраняющие от бед. Однако наш мир совершает против школы и образования постоянное преступление, вызывающее к возмездию. И бумеранг школы и образования не дремлет!

Ключевые слова: школа, образование, память, человечность.

Abstract. The socio-cultural and demographic disorder of Russia is due to the poor state of school and education. V.I. Lenin in 1918 in three months after the revolution, convened the All-Russian Congress of Teachers, where he stated that only a labor polytechnic school would protect us from wars, eliminate social oppression, serve as the main means of humanizing labor and of building socialism. A.S. Makarenko created the school as a spontaneous norm of a society. And the evolution itself turns the society into a school. N. N. Moiseev claims that the teacher and not the politician, not the military, not the engineer, becomes the central figure of saving a human. School and Education are a generic memory that carries worlds that are not yet thought, not realized, unimaginable, resolving the insoluble. The awakening and the actualization of the tribal memory of Russia strengthen its mind, will, suggest solutions that protect against troubles. However, our world commits a constant crime against school and education, calling for the retribution. And the boomerang of school and education is not asleep!

Keywords: school, education, memory, humanity.

УДК 111
ББК 65в

Школа¹ и образование — первоначала, архетипы социального мира и человека, хранящие в себе тайну их творящей онтологии. Мифо-фольклорный золотой век, христианский Рай были первыми сакральными школами, совершенным образованием, в котором работали уникальные образовательные технологии, позволяющие людям тех времен прямо и непосредственно обретать целостное знание о мире и человеке посредством смыслового общения с познаваемыми реалиями. Но люди не смогли сдать сакральный экзамен по мироведению, перепутали или ошибочно признали, что все позволяющее и беспредельное абстрактное знание выше, лучше и полезнее, чем директивные смыслы, т. е. впали в грех и были отправлены на «передачу» до Второго Пришествия Учителя. После изгнания из Рая, люди получили в дар школу и образование, которые стали в человеке *памятью*, идеальным прообразом, путеводной картой, смысловой навигацией человеческой жизни, вечным императивом движения человека к своей идентичности, к своему исходному, подлинному и конечному бытию. Помнится, вспоминается все значимое, а самым значимым является норма жизни, которая послужила истоком и основанием мифологемы Рая.

Сегодня школа и образование служат основными креативными, парадигмальными факторами преодоления кризиса человеческого мира, конструктивными органами преображения России в суверенный жизненный и техноинформационный социум. Сама учеба, образование служат демиургами *образа* человечности, телеологическим перводвигателем ее родовой памяти. Посему школу и образование нужно воспринимать не в утилитарном плане, не как частные

¹ Школа и образование, видимо, не только социальные, но и космологические феномены. Не только человек, но и все вещи «учатся», проходят фазы «образования», прежде, чем станут полноценными обитателями бытия. Все вещи испытываются трудом, учебой и знанием. В субстанциальном плане термины «школа» и «образование» — синонимы. Школа — институциональный центр, перводвигатель образования, которое составляет смысловой центр школы. Не случайно университеты, факультеты называют себя школами. Например, университет «Высшая школа экономики», факультеты МГУ: «Высшая школа телевидения», «Высшая школа бизнеса», «Московская школа экономики» и др. Любая сфера человеческой деятельности стремится создать школу, гарантирующую воспроизводство творящей жизни. Говорят о научных, философских, технических школах, о школе жизни. Все стремится стать школой...

институты социума, а нужно видеть в них альфу и омегу общества и человека, их адекватный бытийный образ, основное орудие устройства справедливого социума, ибо по своей сути, функциям, целям, смыслам, творящим силам они представляют «первоклеточку» общества и человечности. И не общество имеет школу, а школа имеет общество, выступая источником и хранителем спасительной мудрости социума. В физическом плане школа — институциональный атрибут социума, а в метафизическом плане социум — атрибут идеальной субстанции, работающей в школе. В Древнем Египте школа была эзотерическим институтом, куда даже фараоны допускались в виде исключения.

Учителя все народы издревле рассматривали в качестве мудреца, знающего причины, законы, цели, смыслы бытия, человека. И не просто знающего, но и умеющего учить, передавать азы мудрости другим людям. Сократ отличал мудреца от многознаек, ученых, поэтов именно тем, что только мудрецы умеют учить, порождать новые познавательные умения. Учителство есть корень мудрости, владеющей тайнами превращения, коммуникации знаний, умножения их смысловой субстанции.

Именно школа и образование объединили людей в социум на основе учебных умений. Прашкола предшествует семье, которая, по словам Дж. Вико, возникла из знания божества, брачных и похоронных ритуалов, превративших природную связь полов в социальную микрообщину. Школа открыла, создала феномен самообразования, ставший первым учителем пророков, народов, веры, ума и сознания.

Материализм — одностороннее учение. Выводя человечность, общество, его институты, идеологии из труда, он не заметил того, что даже самому простому труду все же предшествуют какая-то учеба и знания, получаемые от учителя. Изобретение, изготовление орудий, сохранение подобных умений — это уже полноценная, хотя не всегда институциональная школа. И не труд создал человека и человечность, а школа и образование, возникшие вместе с людьми, создали творящий труд. Вначале была школа, действующая посредством *посвящения*, которое представляет краткий спецкурс жизни, включающий в себя умения пользоваться своим умом, сознанием, своей человечностью.

Классовое общество исказило человекотворческую суть школы и образования, превратив их в орудия эксплуатации и власти богатства. Просвещение завершило искажение школы и образования, сделав школу из органа смыслового света атеистическим опиумом, оправдывая это извращение нуждой во всеобщей грамотности и в подготовке рабочих.

В СССР школа и образование частично заговорили своим голосом. Советская школа благодаря социалистической идеологии, а отчасти и вопреки ей, взрастила людей, которые быстро освоили достижения мировой науки, создали уникальные научно-конструкторские школы, осуществившие прорыв человечества в космос. Советская школа воспитала героическую человечность, которая одолела профессиональный еврофашизм Европы. Живым памятником, смысловым откровением школы в советской цивилизации стала педагогическая поэма А.С. Макаренко, превратившего школу в эталон оптимального социума. Школа-коммуна *учителя* в течение нескольких лет совершила рывок от неграмотности к производству высокотехнологичной продукции мировой значимости, дав классический стандарт решения проблем и будущей школы.

В inferнальные 1980—1990 гг. либерально-криминальное разрушение СССР вернуло школу «на круги своя», и ее подлинная суть ушла в навь; школа стала скатываться в серость, формируя людей, неспособных познавать и понимать самих себя, решать проблемы своего бытия.

Но спонтанная эволюция бытия работает на школу и образование, подрывая власть богатства. Для Пифагора школа и образование были посвящением в мудрость, которая-то и создала чудо — человечность. Но эллинские либералы того времени уничтожили школу Пифагора, ее создателя, до смерти испугавшись царившей в ней справедливой человечности. Военные школы Древнего Рима создали уникальную государственность — империю, спасавшую народы от кровавых междоусобиц. Христианские школы-общины быстро превратились в университеты, создавшие несколько цивилизаций. Средневековый строй был несправедливым, но университеты стали ростками справедливости, ибо допускали к образованию умы всех сословий. Школы иезуитов взрастили евронауку, положившую начало промышленному обществу. Трудовая политехническая школа СССР

создала уникальную цивилизацию, основные творческие алгоритмы которой еще послужат России в ее Endkampf с гидрой inferнального фашизма.

Сегодня смысловым центром, целостной, живой клеточкой России, институтом невозможных техноинноваций может быть только школа, еще и еще раз — школа. Ибо истоком невозможного являются школа и дети; школа — это метафизический институт, посредством которого идет великая смысловая война за реальность чуда, за превращение невозможного в бытие. Поэтому школе немедленно нужно дать все наилучшее, что имеется в обществе, начиная от кадров и кончая оплатой учителей! Основные усилия и капиталы, высшие блага и достижения общества нужно направлять на возрождение и формирование социотворной школы, которая только и сможет породить субъекта жизненных и экологических технологий. Школа — это не часть общества, а его первобытие, его оригинал, а *образ-ование* есть *жизнетворный образ* смысла. Общество же — это креативный образ и субстанциальное подобие школы, ее творение. Поэтому нужно возрождение школы, охватывающей своей нравственной целостностью науку, технику, военное дело, религию. По сути, любая школа есть живой институциональный организм фантазии, творящей из смысловой материи новые виды бытия. И только школа породит такие формы сознания и ума, которые смогут преобразить Россию в новую реальность. И спасется лишь тот, кто спасает детей, школу, образование [3]!

Но положение современной школы в России катастрофическое, а истязания детей невообразимы и неопишуты. Превращение детей в экспериментальный материал начинается в застенках медицины. В школе продолжается уродование детей, их растление через антиобучение (ЕГЭ) и антивоспитание. Процветают рынки детей, детская проституция и заброшенность. Социум обречен, если власть и СМИ будут гнать школу, презирать образование, поощряя лишь обогащение. Давно известна криминальная сущность денег, ибо они воруют жизнь, а жизнь отвечает им взаимностью. Людей принуждают работать не столько, сколько нужно для жизни, а сколько требуют деньги. В современной России масса детей не имеют доступа к полноценной культуре и образованию, потребляя «гаджетные» знания и антикультуру. Этот «мыслящий протопролетариат» не

приемлет наличный социум, его управленцев. Но именно чистые умы детей могут стать движущей силой социального обновления России. Именно эти изгои демократии могут создать грядущие технологии спасения, ибо денежная паранойя губит творческие силы людей. Эпикур прав: недостаток необходимого возмещается изобилием понимания. Новая реальность России придет из фантазии наших детей и образования.

Все современные проблемы России имеют одну и ту же причину — ужасающее материальное, культурное, кадровое состояние школы, образования, учителей. Школу и образование увечит беспредельная алчность, порождающая искусственный примитив учебных программ. Сегодня школа, учителя, образование находятся в жалком состоянии по сравнению с торгово-развлекательными центрами, не обучая, а отучая детей от знаний. Идет скрытая гибридная война со школой, превращающая ее в полукриминальное сообщество с вооруженными надзирателями. А ведь нет другого способа, помимо учебно-образовательного воспитания, породить, сохранить человечность, покончить с античеловеческой жизнью.

В.И. Ленин, сразу же после революции, в январе 1918 г., созвал Всероссийский съезд учителей, на котором сказал самые вещи свои слова: «Необходимо приложить все силы, энергию и знания, чтобы возможно скорее возвести здание нашей трудовой школы, которая одна лишь сумеет оградить нас в будущем от всяких мировых столкновений и боен, подобно той, что продолжается уже пятый год. ...Именно школа станет для нас основным средством ликвидации классового строя и эксплуатации, спасением общества от одичания, средством построения социализма» [1, 608, 609]. Революционеры же превратили школу в служанку партии, а Ленин получил в «награду» отравленные пули. Ведь если школа — это «ВСЕ», то что тогда делать революционерам?

Творчески-спасительная, судьбоносная роль школы и образования возрастает в силу умножения технической мощи людей и угрозы экологической катастрофы. И современная эволюция человечества превращает школу и образование в свои интегральные телеологические факторы, а экологическое спасение людей сегодня целиком зависит от качества, состояния и культурно-материального обеспечения образовательных институтов общества. И эволюция

неотвратно превращает социум в единую школу, а признание ее субстанциально-субъектного статуса сегодня становится единственным условием самосохранения человечества. Это утверждение — абсолютная первоаксиома истории, ее видимо-невидимый перводвигатель. И абсолютно прав академик Н.Н. Моисеев, утверждая, что «именно учитель, а не политик, военный или даже инженер, становится постепенно центральной фигурой “истории людей”». Сегодня от учителя, в первую очередь, зависит не только судьба цивилизации, но и сохранение человека на планете. ...Вот почему учитель — центральная фигура системы “УЧИТЕЛЬ”, а тот, кто передает эстафету знаний и культуры (особенно в минуты роковые), превращается в центральный персонаж разворачивающейся человеческой драмы» [2; 119].

Сегодня люди приближаются к опасной отметке истощения ресурсов Земли, а неотвратимый рост как необходимых, так и ненужных потребностей грозит неизвестной катастрофой. Возможно ли спасительное разрешение противоречия между ограниченными ресурсами Земли и безграничными потребностями людей? «На этот вопрос хотелось бы со всей определенностью ответить, что выход есть, и главным действующим лицом в его реализации будет УЧИТЕЛЬ! Только система “УЧИТЕЛЬ” предлагает ту систему знаний и нравов, без которых вывести человека из грядущего и очень близкого кризиса кажется абсолютно невозможным» [2; 119].

Изуверской провокацией, инфернальным преступлением против детей, молодежи, человека стал болонский проект, который на системно-институциональном уровне разрушает смыслотворческую роль школы, усердно отучая детей и молодежь от прирожденного умения пользоваться своим умом и сознанием, превращая их в изгоев демократии, находящих утешение в гаджетном опиуме и виртуальном дурмане. Болонская модель образования несовместима не только с национальными школами, она противоречит самой человечности, разрушая ее.

Школа и образование создают человеческий мир, который еще никто не может представить. Помыслить никем не мыслимое, осознать никем не создаваемое, почувствовать никем не чувствуемое, вообразить никем не воображаемое, симпровизировать не импровизуемое, познать непознаваемое, решать неразрешимости,

конструировать неконструируемое, совершить невозможное — вот чем живы школа и образование, что их всегда сохраняло. Уже сознание этих невозможностей, стремление к ним расширяет ум, укрепляет волю, подсказывает верные решения, гарантирует от гибельных ошибок.

Такова задача, миссия, провиденциальное назначение школы и образования! Современное общество совершает постоянное преступление против школы и детей; и эти преступления не могут оставаться без возмездия. Страдания матерей, замученных и страдающих детей уже достигли престолов Правды, готовящей спецтрибуналы для свершения кары над поруганным образованием и школой. И если экономика будет продолжать производить массу ненужных вещей, значит, будут чахнуть школа и образование, не будут создаваться смыслы и ценности, делающие людей людьми. Однако бумеранг школы и образования уже стартовал!

Литература

1. *Ленин В.И.* О воспитании и образовании. М.: Политиздат, 1973.
2. *Моисеев Н.Н.* Труды по вопросам современного образования. М.: МНЭПУ, 2012.
3. *Шулевский Н.Б.* Метаисторическая трансформация России // *Философия хозяйства*. 2011. № 1 (73). С. 115—128.

References

1. *Lenin V.I.* O vospitanii i obrazovanii. M.: Politizdat, 1973.
2. *Moiseev N.N.* Trudy po voprosam sovremennogo obrazovaniya. M.: MNEPU, 2012.
3. *SHulevskij N.B.* Metaistoricheskaya transformaciya Rossii // *Filosofiya hozyajstva*. 2011. № 1 (73). S. 115—128.

И.В. ПШЕНИЦЫН

Стратегия безопасного развития России*

Аннотация. Анализируются условия долгосрочного устойчивого развития России, гарантирующего ее безопасность. Утверждается, что сбережение народа России и развитие человеческого потенциала возможны только при народнохозяйственном развитии страны, исключающем рынки земли и рабочей силы.

Ключевые слова: народ, духовные скрепы, народнохозяйственный уклад, качество жизни народа, власть земли, сбережение народа, российские ценности, жизнь.

Abstract. Conditions of long-term sustainable development of Russia, guaranteeing its safety, are analyzed. It is stated that Russian's narod saving and development of human potential are possible only in narodnokhozyaystvennoe development of the country, exclusive land and labour markets.

Keywords: narod, spiritual bonds, narodnokhozyaystvenniy uklad, narod's quality of life, land power, narod saving, the Russian values, life.

УДК 111
ББК 65в

Проводимая на Украине специальная военная операция является необходимой ответной мерой в исторической борьбе с Западом за существование России как единой страны. Вновь, в который уже раз, проявляется коренная ментальная противоположность нашего народа цивилизованному Западу. В условиях обострившейся необходимости самоидентификации народа России особенно важен прошлогодний Указ Президента РФ № 400 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», где утверждается, что для устойчивости развития России необходимо концентрировать усилия и ресурсы на сбережении народа и развитии человеческого потенциала.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Пшеницын И.В. Стратегия безопасного развития России // Философия хозяйства. 2022. № 4. С. 64—70.

Следует отметить, что в предыдущем варианте стратегии национальной безопасности 2015 г. такого приоритета как «сбережение народа и развитие человеческого потенциала» не было. Преемственность в обеспечении единства страны безусловно сохраняется, но появление нового первого приоритета говорит о существенных сдвигах в понимании государственной властью угроз долгосрочному устойчивому развитию России.

В соответствии с новым приоритетом важнейшим вопросом стратегии безопасного развития страны приходит понимание специфических особенностей народа, на сбережение которого она нацелена, и понимание человеческого потенциала, развитие которого связывается со сбережением народа.

Как правило, сбережение народа и развитие человеческого потенциала ограничивают естественным приростом населения и социально-экономическим развитием гражданского общества, однако народ характеризует связь ушедших и живущих поколений, духовные скрепы между ними, что проявляется в соблюдении народных традиций, в важности соответствующих этим традициям потребностей людей в народнохозяйственном жизненном укладе.

Народ характеризуют присущие его образу жизни *традиционные* духовно-нравственные ценности. Защита этих ценностей в стратегии безопасности не связана со сбережением народа. Получается, что российские духовно-нравственные ценности являются не продуктом жизнедеятельности, порождающей определенный образ жизни, а идеологическим приобретением, приходящим извне. В действительности же наши российские духовно-нравственные ценности формировались в самом народе, в его жизненном хозяйственном укладе. Соблюдение народнохозяйственного уклада гарантирует сбережение народа, укрепление непосредственного духовного единства ушедших и живущих поколений.

Таким образом важнейшая проблема сбережения народа России и развития человеческого потенциала заключается в сохранении духовных скреп между поколениями, т. е. в предотвращении отчуждения между ними. Если, как сейчас модно говорить, вызовы времени, стремительный экономический прогресс порождают отчуждение поколений, то для соблюдения наших традиций необходимо преодолевать отчуждение. Для этого следует различать факторы,

сближающие поколения, и факторы, порождающие и усиливающие отчуждение между ними.

К сожалению, многие ученые и политики в России видят решение проблемы нарастающего отчуждения поколений не в следовании традиционному укладу жизни народа в современных условиях, а в воспитании молодежи через создание государственной идеологии, пропагандирующей наши духовно-нравственные ценности. Президент как гарант Конституции так проблему отчуждения поколений не рассматривает, поскольку для создания государственной идеологии необходимо изменить основной закон страны, ее запрещающий. Однако обострение информационной идеологической войны с Западом убеждает многих патриотов России в неизбежности такого изменения.

Между тем, борьба с антизападным патриотизмом в условиях разжигаемой странами НАТО войны уводит от главной научной проблемы, от самоидентификации народа России. Иницируемое Западом обострение противостояния с ним ведет к идеологическому превращению России в некий «анти-Запад», что препятствует научному пониманию глубинной коренной России и продолжает социально-экономическое развитие страны, развитие задом наперед, грозящее ее распадом.

Если ограничиваться тем, что Запад как христианская цивилизация имеет общие с нами духовно-нравственные ценности, то народ России, отстаивая традиционные общечеловеческие ценности, борется не за российские, а за подлинные европейские ценности, против их искажения современным Западом. В такой интерпретации Россия видится европейской страной, подлинным Западом, который борется с перерождающимся современным Западом. Таким образом, идеологическая борьба ведется за традиционные христианские либеральные общечеловеческие ценности, которые хоть и выделяются как православные, но остаются, по существу, только христианскими, привнесенными.

По сути утверждается, что определяющая наш менталитет вера пришла к нам через Киев и Византию с Запада. Вспоминается известная формула: «Москва – третий Рим»; конечно, не первый, а только «третий», но, все равно, Москва есть какой-никакой, но Рим, западная христианская цивилизация. Такова суть идеологической интерпретации войны с Западом в рамках христианской цивилизации:

русская цивилизация приходит к нам с Запада, из Руси, в результате колонизации глубинной России. Русская христианская цивилизация России как реальный исторический процесс придания ей государственности извне уводит в сторону, скрывает самобытность народа России, его ментально иную, чем в странах Запада, особенную мирскую хозяйственную природу.

С традиционной нецивилизованной жизнью народа глубинной России миром, в принципе исключая отношения господства между людьми, ведет свою многовековую колониальную войну западная цивилизация. Корень противостояния России и Запада в том, что народ действительно живет, а не просто существует, только миром, исключая *либеральные, основанные на отчуждении от земли*, от Родины отношения господства, которые присущи европейской цивилизации как общественно-экономической формации. В сфере идеологии это противостояние оформилось как борьба патриотов и либералов-глобалистов.

Ключевую роль в противостоянии России и Запада играет потребность народа в жизни на земле, по сути отличающая патриотов от либералов, борющихся за свободу от чуждой им земли. Для народа, который в отличие от населения и гражданского общества един с землей как новорожденный с матерью, земля — это родная природа, его родина-мать не на сознательном вербальном теоретическом уровне, а на уровне подсознания, бескорыстной любви.

Сохранять такое отношение к земле, сберегать себя народ может только живя на земле в тесном деятельном хозяйственном контакте с родной природой. Никакой государственной идеологией, реформированием системы образования это единство не создается, а без единства с родной землей народ сберечь нельзя, именно поэтому народ — не просто население или гражданское общество. Для самосбережения народа России принципиально важно жить, трудиться в родной природе, вести народное хозяйство. В комфортной, но мертвой среде мегаполиса.

Экономический городской способ существования основан на отчуждении от земли, на эксплуатации ее как фактора производства. Землю используют как территорию для строительства и размещения средств городского существования, включая производящие кислород зеленые насаждения, поля сельхозкультур, фермы и т. д.

Поскольку в стратегии безопасности России отсутствует неэкономический — народнохозяйственный — подход, то фундаментом для дальнейшего развития страны признаются лежащие в основе государственности «российские духовно-нравственные идеалы, культурно-исторические ценности и талант народа». Экономика, гораздо более развитая на Западе, не может быть основой российской государственности, а понятия хозяйства, специфического для глубинной России, в науке и в стратегии нет.

Таким образом в фундаменте развития страны не оказалось ничего материального. Народнохозяйственный уклад, связывающий поколения с матерью-землей, является фундаментом развития России, иначе сбережение ее народа становится эфемерной, чисто идеологической проблемой.

Особенность народа России проявляется в отличии традиционных базовых потребностей нашего народа от потребностей экономического человека в странах Запада. Идеологическое кредо либеральных ученых в том, чтобы рассматривать потребности и качество жизни для изолированного, отдельного, свободного человека, собственника, поскольку очевидно, что гражданское сознание, право выбора присущи отдельному человеку. Если же нашим приоритетом заявлено сбережение народа, а в народе нет и не может быть отчуждения между людьми, их атомарного существования, то необходимо повышать не качество жизни изолированного абстрактного человека и гражданина, а *качество жизни народа миром на родной земле*.

Это различие подходов к качеству жизни особенно существенно, когда речь заходит о человеке из элиты, которая от народа отчуждена и к нему не относится. Акцентированное внимание на проблемах человека и гражданина является результатом разлагающего народ отчуждения между людьми. В народе, в миру нет отчуждения и не возникает проблема прав человека, кто более прав или у кого больше прав.

Действительная задача сбережения народа России не столько в том, чтобы права отдельного человека соблюдались, сколько в том, чтобы сберегать народ, чтобы не возникало отчуждение людей, элит, а значит, отношений собственности и правовых антинародных отношений-конфликтов. В западной цивилизации, где отчуждение людей не позволяет им жить миром, необходимо соблюдение прав человека,

хотя наличие элиты означает, что права человека не соблюдаются, раз нет мира, а есть господство элиты над людьми. Акцентированное внимание на соблюдении прав и свобод человека означает наличие угрозы сбережению народа, живущего только миром. Требуется оздоровление общества, возврат к жизни миром на природе, где нет отчуждения. Так жила российская деревня, а это проверенный многовековой исторической практикой опыт сбережения народа и накопления человеческого потенциала. В такой жизни народом рождаются самородки и богатыри, народные таланты, что и означает накопление человеческого потенциала.

Размышления об устойчивом долгосрочном развитии России, о сбережении народа России и развитии человеческого потенциала формируют понятие хозяйства как жизнедеятельности в отличие от экономики и социально-экономического развития. Народ живет в единстве с родной природой хозяйством миром. В мегаполисах народ не живет, а существует, пребывает и деградирует, поскольку разрушается накапливающая человеческий потенциал связь поколений с Родиной. Экономический способ существования не формирует потребности в детях, чему способствует пенсионное обеспечение. Отсутствие потребности обеспечить старость созданием многодетной семьи, воспитанием детей порождает демографические проблемы. Комфортное существование вне природы исключает жизнеутверждающие трудности и труд как потребность их преодоления, в результате в человеке не формируется базовая ценность «жизнь».

В приоритете жизни как главной российской ценности выражается суть крестьянского менталитета, присущего народу России, в отличие от буржуазного менталитета Запада, который повернут на правах отдельного человека. Ценность жизни народа на родной земле, что и означает народнохозяйственный уклад, совсем не то же самое, что право человека на жизнь, просто запрещающее его безнаказанно убивать. То, что человека не убивают, совсем не значит, что он живет, а не существует как биоробот, что он часть народа, который в нем живет и создает его человеческий потенциал.

Особенность России, ее народнохозяйственная крестьянская природа, проявляется в невозможности отчуждения народа от земли и создания рынка земли, а также в невозможности отчуждения поколений и создания рынка рабочей силы, где обездушенный, лишенный

духовных скреп человек торгует своей рабочей силой как собственностью. Создание рынка земли и рынка рабочей силы, присущее развитой экономике, разрушает российские духовно-нравственные ценности, разъединяет народ России и ведет к распаду страны.

Российское государство по своей народнохозяйственной природе принципиально иное, чем на Западе, поскольку в основании его лежит единство народа с землей. Власть земли в России не уничтожена властью города, идеологией. Ценность жизни как высшая российская ценность об этом свидетельствует. Возрождение деревень Нечерноземья является долгосрочной стратегией сбережения народа России и развития человеческого потенциала.

О.В. ДОБРОЧЕЕВ

О мире, который рождается в войне*

Аннотация. В статье рассматриваются причины и механизмы нынешней острой фазы глобального кризиса человечества, а также пути его преодоления.

Ключевые слова. мир, война, турбулентность, прогноз, длинные волны экономики, модель исторических тел В. Ключевского.

Abstract. The article examines the causes and mechanisms of the current acute phase of the global crisis of humanity and discusses ways to overcome it.

Keywords: peace, war, turbulence, forecast, long waves of the economy, V. Klyuchevsky's model of historical bodies.

УДК 304
ББК 65в

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Добročеев О.В. О мире, который рождается в войне // Философия хозяйства. 2022. № 4. С. 70—86.

Окончание войны Запада с Россией зависит только от глубины понимания человеком своего исторического предназначения

Когда 17 мая 2022 г, через 11 недель после начала спецоперации на Украине, элитный полк «Азов» сдался в плен, Запад запросил помощи в обеспечении мира продовольствием, а президент Турции Эрдоган воспротивился приему в НАТО Финляндии и Швеции, стало понятно, что Россия продемонстрировала на Украине сценарий анти-«Союзная сила», оригинал которой 23 года назад (которые составляют два цикла солнечной и социальной активности, по оценкам А. Чижевского) позволил американцам с союзниками по НАТО разрушить Югославию за те же 11 недель в 1999 г. и арестовать президента Милошевича. Но на сей раз 11-недельный «блицкриг» Запада, как и 80 лет назад 5-недельный германский, не удался. Агрессия пошла не по сценарию. Однако это не значит, что непредсказуемо. Поэтому, по крайней мере, что все критические события общественной жизни протекают по естественным ритмам жизни человечества в 11,5 лет А. Чижевского и 5-недельным ритмам Календаря благоприятных перемен.

Но не только по ним, а еще и по законам жизни «исторических тел» В. Ключевского, которым в последнее десятилетие удалось найти физико-математическое описание [3—5; 8; 9; 11].

Поясним основы этого способа анализа истории.

С точки зрения известных взглядов на общественную жизнь Маркса, Энгельса и Дарвина, она представляется био-социально-экономическим явлением. С точки же зрения Спинозы (а еще ранее Будды), жизнь скорее следует рассматривать феноменом мышления. К этой точке зрения смещается сегодня и вектор ее научного понимания. Особенно после того, как вначале Б. Белоусову, а потом и другим исследователям опытным путем удалось установить, что жизнь является результатом естественной гармонизации физико-химических процессов протожизни на Земле когерентными волнами Вселенной [5]. То есть является, образно говоря, одной из мелодий Вселенной, или, как этот феномен называл две с половиной тысячи лет назад Пифагор, продуктом Гармонии Небесных Сфер.

Посмотрим с помощью этого инструмента исторического анализа на перспективы войны Запада с Россией. А предварительно, отталкиваясь от опыта XX в., выясним с его помощью, как в различных

фазах развития таких стран, как США, России, Германии и ЕС, изменяется характер их поведения,

Результаты анализа, показанные на рис. 1, говорят, что США вступили во Вторую мировую войну в 1941 г. находясь на пике своей экономической мощи, вслед за которым в 1950 — 1960-х гг. у них мог начаться долговременный спад. Такое, по нашему мнению, прозорливое поведение американцев и позволило им стать единственным бенефициаром итогов Второй мировой войны.

Одновременно этот график показывает, что по волновому закону развития исторических тел США в 1961 г. могли испытать шок (как это и случилось во время Карибского кризиса), несмотря на всю свою предусмотрительность, поскольку экономическая мощь СССР к этому времени инерционно возросла. На этом высоком уровне пассионарности, продержавшемся 20 лет, СССР смог не только добиться паритета с США в военной сфере, но и успешно провести летнюю олимпиаду 1980 г.

Распад СССР, не овладевшего инструментами долгосрочного прогнозирования, последовавший через 10 лет, оказался не удивителен, поскольку его мощь стала со временем уменьшаться по волновому закону, уступив первенство США после 1991 г.

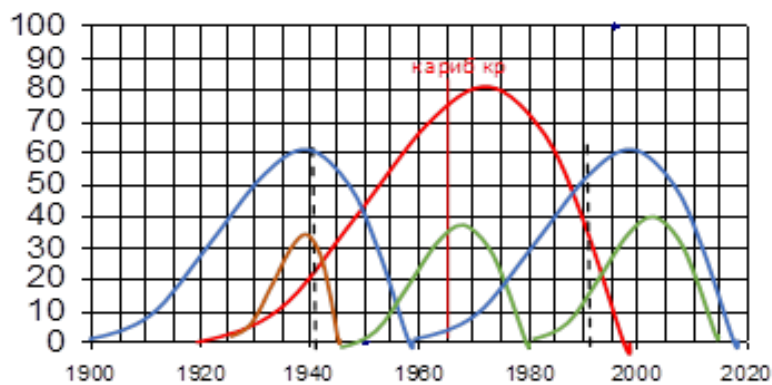

Рис. 1. Волны потенциальной экономической мощи США, России, Германии, ЕС и т. д. в XX в.

Таким же образом мы можем провести анализ поведения исторических тел Китая, ЕС, Индии, Грузии, России, Украины и США в последние десятилетия (см. рис. 2).

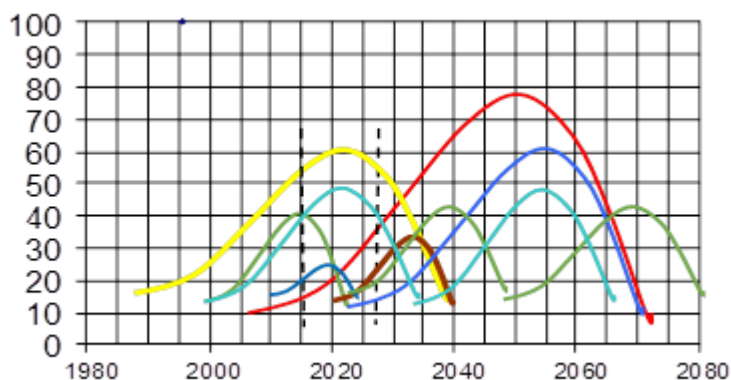

Рис. 2. Волны потенциальной экономической мощи последовательно Китая, ЕС, Индии, России, Грузии, Украины, ЕС, США, Индии и т. д. в XXI в. (вертикальными штриховыми линиями отмечены моменты военного столкновения России с Грузией в 2008 г. и Украиной в 2022 г.)

Первое, на что мы хотели бы обратить внимание на рис. 2, это две олимпиады, проведенные Китаем на границах своей 14-летней высокой экономической мощи в 2008 и 2022 гг., как это имело место и в случае СССР в 1980 г.

Второе — на то, что потенциальная экономическая мощь России в 2022 г. снова превысила американскую, правда, не столь значительно, как в 1961 г. Более того, США, будучи вооруженными знаниями волновой механики истории, заранее подготовились к этому периоду, сформировав за последние десятилетия на Украине идеологическую, физическую и военную Анти-Россию, поддерживаемую всей мощью США и НАТО. Волновая модель истории говорит, что поддержка американцами Украины до 2023 г. может носить синергетический характер в силу синхронности их волн. Такое же взаимодействие у США может сложиться и с ЕС в районе 2031 г., если ЕС примет от Украины эстафетную палочку войны. По этой причине

противостояние Запада с Россией может носить затяжной характер. Однако только если не учитывать пассионарность участников конфликта. А она, представленная на рис. 3, говорит об абсолютной превосходстве России по этому показателю до 2045 г., при его высшем уровне, провоцирующем агрессию, в этом году на Украине, в 2027 г. — в ЕС и 2035 г. — в США.

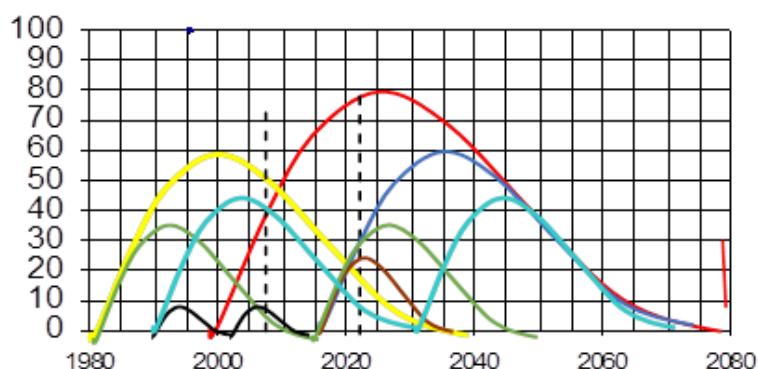

Рис. 3. Волны пассионарности Китая, ЕС, Индии, Грузии, России, Грузии, ЕС, США, Украины и т. д. в XXI в.

А войну без высокой жертвенности и изобретательности нельзя ни начать, ни поддерживать, ни выигрывать. Поэтому войну Россия может завершить и через месяц, и через более продолжительный период времени, поскольку зависят это лишь от глубины понимания всеми сторонами конфликта своего исторического предназначения.

О русском мире, родившемся во Второй мировой войне, и о силе, заключенной в нем

Русский человек, вызывающий на Западе отторжение независимо от этнической принадлежности и политических взглядов, долго формировался в XX в. Началось все с социалистической революции 1917, г. и Гражданской войны, а первый этап становления ознаменовался победой над национал-социализмом (нацизмом) в Великой Отечественной войне.

Сразу после этого, с атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, началась закалка русского мира, поскольку стало ясно, что точно таким же способом американцы смогут уничтожить и СССР (как позже выяснилось, это планировалось всего через 3 года после Хиросимы). Однако русскому миру, постигшему в 1946 г. тайны ядерной энергии и космической техники, удалось этот сценарий предотвратить. Более того, после полета Гагарина в космос и Карибского кризиса 1961 г. наступила эпоха мирного сосуществования двух сверхдержав.

Сформировавшийся таким образом русский мир просуществовал 30 лет. Причин этому две. Первая связана с волновым характером общественного развития, движущие силы которого изменяются со временем, а вторая — с ошибочным переносом представлений русских о мире как единственно возможной форме существования человека на западноевропейское сознание, в палитре которого два временных состояния общества: «собирать камни» и «разбрасывать камни». Иначе говоря — готовиться к войне и воевать.

Попытаемся в этой связи дать более широкое толкование понятия «русского мира». Исходя из современных представлений о природе жизни и разума [5], этот мир можно представить в виде пространства, наполненного жизнью. Корни такого представления восходят к русской общине, которая, как тогда говорили, жила в миру, т. е. в согласии всех ее членов между собой и окружающей природой. Из этого глубинного представления о мире вытекает, по нашему мнению, и философия русского космизма К. Циолковского. Такое толкование русского мира оказывается шире европейского — как периода отсутствия войны, или безжизненного пространства или заботы человеке об окружающей природе (экологии) — и становится интегративным, поскольку позволяет включить в него всех космонавтов и астронавтов, независимо от национальности, живущих в едином космическом пространстве (мире). Как видно на этом примере, слово «русский» является лишь прилагательным, раскрывающим его отличие от западного мира.

Если же рассматривать русский мир в исторических масштабах времени, то 30-летний фрагмент XX в. оказывается всего лишь малой частью 80-летней социалистической фазы сверхдлинной 320-летней российской волны 1920—2240-х гг., пришедшей в 1917 г. на

смену такой же по длительности волны Дома Романовых [10]. Именно таким русский мир видится в физическом измерении. Поскольку его размеры сопоставимы с Римской империей, империями Александра Македонского и Чингисхана и уступают по размерам лишь Британской империи и глобальному миру по-американски. А динамически он оказывается высокоустойчивым образованием. Это вытекает из его практически синхронной изменчивости со всем человечеством в целом. Так, революция 1917 г., приведшая к распаду Российской империи, произошла ровно через 2240 лет после распада империи А. Македонского, т. е. ровно через 16 глобальных 140-летних циклов мирового развития [3] и за 4 таких же цикла до наступления нового «времени Богов» [7]. К этому можно только добавить, что в такой же синхронности с миром (но с другими длинами собственных волн) существуют, по нашим оценкам, Индия и Саудовская Аравия.

Иным, с физической точки зрения, представляется будущее США, которые на вершине своей сверхдлинной 240-летней волны в 1991 г. стали драйвером мирового развития. Эта ограниченная по историческим меркам макросоциальная флуктуация европейцев в Северную Америку может постепенно диффузным образом раствориться среди афро- и латиноамериканцев.

Россия — поэтому — в ближайшие 20—30 лет может оказаться чуть ли не единственной страной, способной сдержать фатальный распад глобального мира по-американски.

По этой причине, и чтобы снова не оказаться, как в 1991 г., «наказанными — по словам В. Ключевского — за невыученные уроки», нам нужно искать свое незаменимое место в нарождающемся новом мире.

Поиск начнем с анализа исторических прототипов нашему времени.

Долгая дорога к Богу

Волновая модель позволяет это сделать путем рассмотрения истории в логарифмическом масштабе времени, начиная с крупных многовековых флуктуаций общественного сознания, показанных на рис. 4, и заканчивая полуторавековыми волнами научно-технического прогресса, как это показано на рис. 5.

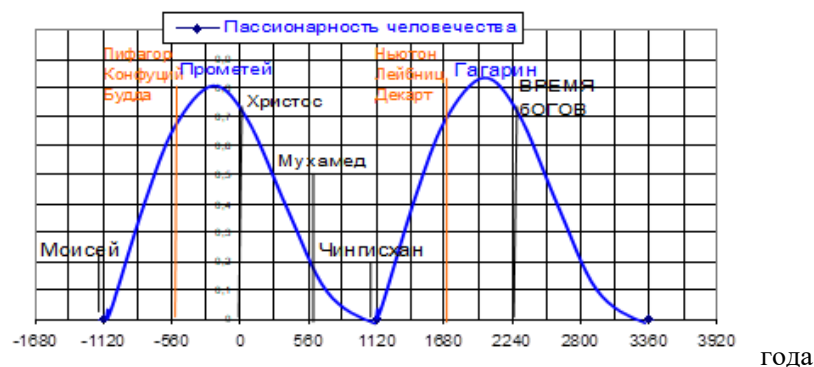

Рис. 4. Волны чередования всплесков пассионарности (жестокости) человечества и всплесков его мировоззренческих и религиозных новаций

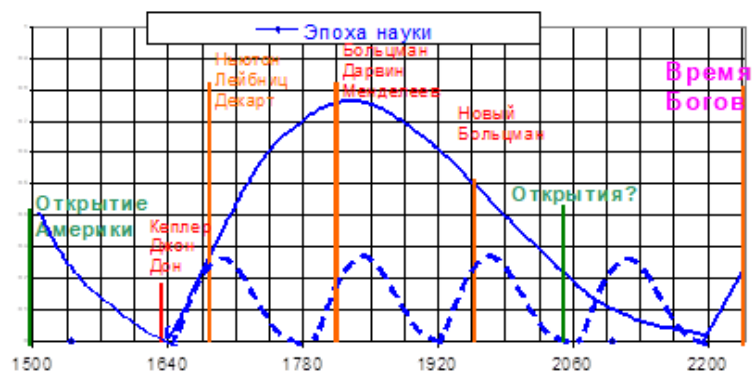

Рис. 5. 560-летняя «Волна науки», вместе со своими 140-летними гармониками

Разложенная таким образом историческая динамика показывает, что в начале XXI в. человечество оказалось в положении, качественно подобном Древней Греции в постаристотелевский период, прославившийся деревнями Содом и Гоморра и завершившийся приходом христианства.

На коротких же полуторавековых интервалах истории мы обнаруживаем подобие нашего времени становлению ньютоновской

механики и формированию статистической физики Больцмана с последующей за ней квантовой механикой. Первые плоды вызревающего в наше время нового научного и мировоззренческого переворота появятся лишь после 2031 г., а последние — в 2101 г. [1]. Но уже сегодня история человечества, представленная на рис. 4 и 5, говорит о преодолимом характере великого перехода человечества в 2240 г. к постнауке, или времени богов [7] — прежде всего, по нашему мнению, для последователей мировых религий, получивших своеобразную прививку от такого рода испытаний.

У научного мировоззрения, развивающегося в естественных ритмах истории с 1640 г. (рис. 5), тоже есть шанс найти устойчивый порядок жизни грядущего всемирного человека, только для этого ему понадобится еще не менее 200 лет творческого проникновения в законы природы, жизни и космоса.

Сделать это, однако, возможно, потому что *человек* — природное динамическое явление, физически подобное ячейке Бенара, атмосферному вихрю или долговременным когерентным гидродинамическим структурам, наподобие Гольфстрима на Земле или Большого красного пятна на Юпитере. Феномен жизни отличается от них только обилием внутренних «вихрей», или «ячеек» (сердце, почки, селезенка и т. д., вплоть до отдельного атома со всеми своими отличительными физическими особенностями).

Общим же для всех этих явлений природы является их гидродинамический характер, т. е. возможность существования лишь в вихревом циркуляционном движении всех их составляющих частей и частиц. Причем движении, инициируемом и стимулируемом «окружающей средой» и лишь за ее счет (как, например, жизнь существует на планете лишь благодаря ее гармонической стимуляции энергией ветра, тепла, влажности, а в конце концов Солнечной системы и Галактики). Потому возможность перестроения или внутреннего «фазового» перехода какого-либо природного образования на Земле или их систем диктуется не отдельной ячейкой, даже такой чудесной, как человек (или человечество), а более мощной и долговечной (многомиллионлетней), окружающей средой в целом.

Жить в неведомых нашим предкам условиях критической взаимозависимости людей не только друг от друга, но еще и искусственных плодов разума в виде вирусов, атомной энергии и прочего, по

правилам, сложившимся в эпохи рабовладения, феодализма, капитализма, социализма, империализма и его высшей стадии — глобализма, вряд ли возможно. Поэтому в поисках более устойчивых форм существования мир начинает вынужденно перестраиваться.

Перестройка мирового хозяйства в 2014 — 2084 гг.

В фазе перестройки все наши действия и поступки приобретают характер эксперимента, подобного построению советского социализма, глобального мира по-американски или первого выхода человека в космос.

Поэтому новая дорога в будущее будет изобиловать препятствиями, многие из которых заранее просчитать невозможно. Волновая модель истории позволяет в этих условиях сделать предварительные оценки моментов наибольшей неопределенности дальнейших путей развития человечества, т. е. точек бифуркации истории [3; 4; 8; 9; 11].

Рассмотрим их положение в текущей глобальной волне мирового развития, источники которой, по нашему мнению, находятся в состоянии Великой депрессии 1926—1929 гг. (см. табл. 1)

Данные табл. 1 показывают, что мир действительно, как и прогнозировал Римский клуб в 1970-х гг., подошел в 2014 — 2019-х гг. к пределам роста. В такие периоды, согласно волновой модели истории [3; 8; 4] наблюдается всплеск научных открытий, подобных — по степени революционности — марксизму или Больцмановской статистической физике. Через 1/8 часть периода глобальной волны (один шаг глобальной истории) такие открытия, как правило, инициируют промышленно-технологические перевороты [3; 1], очередной из которых мы можем ожидать в 2031 г. Его завершение, в форме новой геополитической структуры мира, наступит еще через один шаг истории, т. е. к 2050 г.

А еще шаг спустя, т. е. в районе 2066 г. драматичные события в науке и общественной жизни станут формировать последнюю 140-летнюю волну 2066—2106 гг., завершающую 560-летнюю эпоху науки.

Как это может происходить в XXI в., показывает гипотеза вихревой глобализации [2].

Таблица 1

Глобальная волна мирового развития

Фаза	Прогноз	События	Год
0	Начало глобальной волны общественного развития	Великая депрессия, Серебряный век наук и искусств	1926
1/8	Начало политической самоорганизации мира	Конференции в Тегеране, Крыму, Потсдаме	1943
1/4	Начало роста мирового хозяйства	Полет Гагарина, высадка американцев на Луну	1961 1969
3/8	Устойчивый рост	Научное сотрудничество СССР и США в космосе и Антарктиде	1978
1/2	Построение глобальной экономики	Распад СССР 1991, кризисы 1997—1998 гг. появление теории ОБС	1996
5/8	Кризис роста глобальной экономики	Госпереворот на Украине, Россия вошла в Сирию, пандемии COVID-19	2014 2019
3/4	Предел роста глобальной экономики	Исторические аналоги: начало технической революции 1891—1913, события 1751, 1471, 1191 гг.	2031
7/8	Перелом	Исторические аналоги: война в 1914 г., или открытие Америки в 1492 г.	2049
1	Начало следующей глобальной волны 2066—2206 гг.	Исторические аналоги: 1926, 1786, 1506, 1226... начало творчества, великая депрессия	2066
1+1/8	Начало новой структурной самоорганизации мира	Историческая аналогия конференций в Тегеране, Крыму, Потсдаме 1943—1945 гг.	2083
1+2/8	Начало роста мирового хозяйства	Исторический аналог: выход человечества в космос 1961 г.	2101

Вихревая логика глобализации

Предпринятые в начале XXI в. в Клубе российских ученых «Глобальный мир» попытки научного осмысления глобализации

[9, 6] привели к идее ее развития подобно вихреобразованию в атмосфере или возникновению галактических структур в космосе.

Под такую модель своеобразного геополитического вихря с центром в США подстраиваются и волнообразные колебания социально-экономической активности в различных частях мира, обозначаемые экономическими циклами Кондратьева, Кузнецца, и его упорядоченная пространственно-политическая структура, в которой к полюсу — США — примыкают вначале относительно стабильные страны Запада, объединенные в НАТО, затем более удаленная группа стран, включая Китай и Россию, и далее — остальные страны мира в порядке их политической и экономической устойчивости.

В рамках этого представления о глобальном мире как некоем социальном вихре стала понятна неизбежность его распада таким образом, что следующие зоны (вихри, соты) повышенной политической устойчивости могут возникнуть в 2000 — 2020 гг. в Китае, Единой Европе, Индии и России. Таким образом мир может претерпеть в XXI в. заключительный этап глобального перехода от эпохи «великих держав» к эпохе «глобальных держав». Глобальных — в том смысле, что, будучи политически и экономически не менее равными и влиятельными, чем великие державы прошлого, они будут равномерно распределены по всему земному шару, а их политическое влияние будет таким же глобальным, как у США.

Проводимая Россией в этих условиях специальная военная операция на Украине заставила главного военного стратега США М. Милли, выступавшего 22 мая 2022 г. перед выпускниками Военной академии в Вест-Пойнте, признать эту новую геополитическую реальность в заявлении, что Америка впервые в современной истории «столкнулась с двумя “мировыми державами” — Россией и Китаем».

Триумvirат — США, Россия и Китай — является, на наш взгляд, лишь началом формирования устойчивой геополитической структуры единого мирового хозяйства, показанного на рис. 6.

К подобного рода геоэкономической структуре мир будет тяготеть, по нашим оценкам, до 2050 г. Если глобальному человечеству удастся к этому времени консолидироваться до качества «русского» мира», тогда оно сможет совершить следующий крупный шаг в освоении жизненного пространства, подобный по масштабам открытию Нового света Колумбом. В противном случае, следующая попытка

открытия может произойти лишь в конце XXI в. О ее качестве судить рано, поскольку человечеству предстоит пережить в 2050 — 2080-х гг. драматичный период социально-политической нестабильности и научных открытий, содержание которого, в отличие от времени наступления, непредсказуемо.

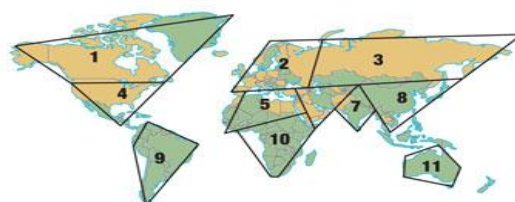
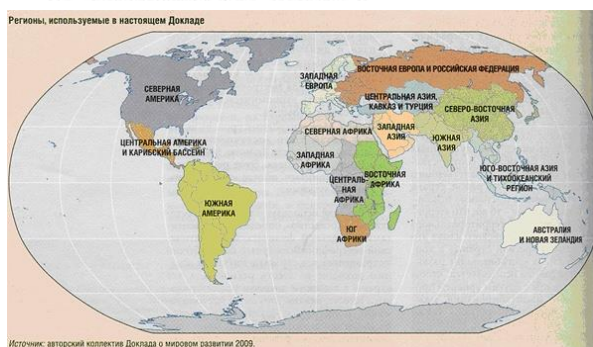

Рис. 1. Сотовый политический мир III тысячелетия:
1 – Северная Америка; 2 – Евророссия; 3 – Россия XXI
века; 4 – Америка; 5 – Северная Африка; 6 – Исламский
мир; 7 – Индия; 8 – Китай; 9 – Южная Америка;
10 – Южная Африка; 11 – Австралия

Источник: авторский коллектив Доклада о мировом развитии 2009.

Рис. 6. Проект российских ученых 2001 г. (слева)
и его правка Всемирным банком в 2009 г.

Человечество только после этой развилки сможет либо продвигаться еще на один шаг к естественной космической форме своего существования, либо продолжит социальное разложение до предельно неустойчивой степени разобщенности, описанной в модели сетевого общества Шваба и Ривкина, в которой критическим может оказаться любой малый фактор.

Именно с такой стадии дезинтеграции общества, если посмотреть на двухтысячелетнюю историю, показанную на рис. 4, может

начаться медленная (многотысячелетняя) сборка нового человечества, зачатки которого сформируются лишь в 2240 г.

Что делать?

Сначала думать, что делать в этой ситуации, в которой человечество не было, по крайней мере, пару тысяч лет, затем экспериментировать, потом снова думать и т. д. Новым моментом сегодня является только вопрос: как этот всемирный итерационный процесс организовать в распадающемся на наших глазах мире?

Если принять описанную выше концепцию исторических тел В. Ключевского вместе с ее физической моделью и первыми результатами приложения к сегодняшней ситуации, то задача несколько упрощается.

Она трансформируется в вопрос: как нам в мировом хозяйстве умудриться совместить эффективные в кризисных условиях сетевые методы регулирования прогрессом с консервативными принципами существования общества, достигшего физических пределов развития?

На наш взгляд, этим сегодня и занимается мыслящее человечество, поскольку за непонятным многим развитием конфликта на Украине и стоят два этих разных принципа миростроительства. Первый — американский — сетевого управления прогрессом. Второй — русский — консервативного *«русского мира»*.

Поясним кратко, о чем идет речь.

Сетевое управление безотносительно к практике его применения ничего не значит, как и плановое хозяйство. Обращаясь к американским корням модели сетевого общества Шваба и Ривкина, мы можем его охарактеризовать как очень эффективную систему кризисного управления растущим обществом (кратко — прогрессом), поскольку этим методом американцы за 215 лет смогли подняться до уровня единственной в мире глобальной державы [2].

Естественным в этой связи становится вопрос применения этого метода в процессах глобализации. Здесь, однако, возникает методологическая проблема его применения не к растущему обществу (как это было до сих пор), а достигшему физических пределов роста и нуждающемуся в стабилизации. Китай эту проблему решил частным, традиционным для себя, способом — инкорпорированием лишь

технологических приложений сетевой модели в свою традиционную систему циклической истории. Россия в 1991 г. тоже пошла вначале традиционным путем — модернизации хозяйства, как это было и во времена князя Владимира, и Петра I, и Ленина — Сталина. Однако первые же попытки научного осмысления такого способа модернизации, предпринятые в Клубе российских ученых «Глобальный мир», организованном под руководством академика РАН Н. Симония, привели к выводу о временности глобального мира по-американски и неизбежности со временем его ячеистой реструктуризации (см. рис. 6) [6]. На этот русский проект устойчивого мирового хозяйства через 8 лет откликнулся Всемирный банк небольшой модернизацией, показанной на рис. 6.

Таким образом, по нашему мнению, в 2009 г. американская система сетевого управления миром стала трансформироваться во всемирную сеть управления устойчивостью глобализацией, поскольку критическим элементом сетевого метода является полнота сценариев. Сегодня эту систему в своих собственных интересах вынуждены технически поддерживать США. Затем, по мере появления новых сценариев, она будет поддерживаться другими, поскольку альтернатива этому способу управления турбулентной (т. е. ограниченно определенной) очень большой системой, что научного характера, что экономического или политического, путем подключения к сети всех активных интеллектуальных ядер, не известна.

Литература

1. Батулин Ю.М., Добродеев О.В. Периодическая таблица критических событий космонавтики // Космонавтика XXI века / Под ред. Б.Е. Чертога. М.: СОФТ. 2010. С. 675—689.
2. Добродеев О.В. Вихревая логика глобализации. От эпохи великих держав — к державам глобальным // Политический класс. 2005. № 5. С. 95—100.
3. Добродеев О.В. Волновая модель истории / ИИЕТ им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, М.: ИИЕТ РАН, 2021. С. 637—643.
4. Добродеев О.В. Информационная энтропия как инструмент анализа исторической динамики // Международная конференция

Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН. 28 марта —1 апреля 2022 г. М.: ИИЕТ РАН, 2022.

5. *Доброचेёв О.В.* Математические начала философии жизни // *Философия хозяйства*. 2021. № 6. С. 22—36.

6. *Доброчеёв О.В.* Не многополюсный, а ячеистый // *Независимая газета*. 2001. 16 мая.

7. *Доброчеёв О.В.* Постнаука, или Время Богов // *Философия хозяйства*. 2006. № 6.

8. *Доброчеёв О.В.* Природоподобная модель истории или Механика проецирования прошлого в будущее // XV научно-практическая конференция «История науки и техники. Музейное дело». 8 — 9 декабря 2021, г. Москва. М., 2021.

9. *Клепач А.Н., Доброчеёв О.В.* Ансамбль экономических волн, или Турбулентная гипотеза экономики // *Философия хозяйства*. 2015. № 6.

10. *Клепач А.Н., Доброчеёв О.В.* Призрак нового человека // *Россия и идеология* / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой, Н.П. Недзвецкой. М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2020. 152 с.

11. *Клепач А.Н., Доброчеёв О.В.* Физические начала макроэкономики // *Философия хозяйства*. 2020. № 2. С. 37—49.

References

1. *Baturin YU.M., Dobrocheev O.V.* Periodicheskaya tablica kriticheskikh sobytij kosmonavtiki // *Kosmonavtika XXI veka* / Pod red. B.E. CHertoga. M.: SOFT. 2010. S. 675—689.

2. *Dobrocheev O.V.* Vihrevaya logika globalizacii. Ot epohi velikih derzhav — k derzhavam global'nym // *Politicheskij klass*. 2005. № 5. S. 95—100.

3. *Dobrocheev O.V.* Volnovaya model' istorii / IIET im. S.I. Vavilova. Godichnaya nauchnaya konferenciya, M.: IIET RAN, 2021. S. 637—643.

4. *Dobrocheev O.V.* Informacionnaya entropiya kak instrument analiza istoricheskoy dinamiki // *Mezhdunarodnaya konferenciya Rossijskogo nacional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki RAN*. 28 marta —1 aprelya 2022 g. M.: IIET RAN, 2022.

5. *Dobrocheev O.V.* Matematicheskie nachala filosofii zhizni // *Filosofiya hozyajstva*. 2021. № 6. S. 22—36.
6. *Dobrocheev O.V.* Ne mnogopolyusnyj, a yacheistyj // *Nezavisimaya gazeta*. 2001. 16 maya.
7. *Dobrocheev O.V.* Postnauka, ili Vremya Bogov // *Filosofiya hozyajstva*. 2006. № 6.
8. *Dobrocheev O.V.* Prirodopodobnaya model' istorii ili Mekhanika proecirovaniya proshlogo v budushchee // *XV nauchno-prakticheskaya konferenciya «Istoriya nauki i tekhniki. Muzejnoe delo»*. 8 — 9 dekabrya 2021, g. Moskva. M., 2021.
9. *Klepach A.N., Dobrocheev O.V.* Ansambl' ekonomicheskikh voln, ili Turbulentnaya gipoteza ekonomiki // *Filosofiya hozyajstva*. 2015. № 6.
10. *Klepach A.N., Dobrocheev O.V.* Prizrak novogo cheloveka // *Rossiya i ideologiya* / Pod red. YU.M. Osipova, E.S. Zotovoj, N.P. Nedzveckoj. M.: Ekonomicheskij fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova, 2020. 152 s.
11. *Klepach A.N., Dobrocheev O.V.* Fizicheskie nachala makroekonomiki // *Filosofiya hozyajstva*. 2020. № 2. S. 37—49.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

Л.А. ТУТОВ, А.А. ИЗМАЙЛОВ

**Методология научно-исследовательских программ
как инструмент для решения современных проблем
экономической науки***

Аннотация. В статье обосновывается роль методологии научно-исследовательских программ (далее по тексту — НИП) в решении проблем, ограничивающих развитие экономической науки на современном этапе. Проведенный анализ показал, что систематизация достижений различных научных школ экономической науки на основании методологии НИП может позволить активизировать диалог между представителями различных НИП, усилить конкуренцию между НИП в области экономики, повысить качество их взаимодействия, а также способствовать развитию междисциплинарных исследований.

В первой части исследования выделяются основные теоретические и методологические проблемы экономической науки. Во второй части проводится сравнение методологии НИП с конкурирующими подходами и раскрываются ее преимущества. В третьей части дается объяснение текущей ситуации в экономической науке с позиций методологии НИП и раскрывается роль методологии НИП в повышении качества проводимых исследований.

Ключевые слова: методология научно-исследовательских программ, неоклассическая экономическая теория, новая институциональная экономическая теория, поведенческая экономика, междисциплинарные исследования.

Abstract. The article substantiates the role of the methodology of scientific research programs (hereinafter referred to as SRP) in solving problems that constrain the development of economic science at the

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Тутов Л.А., Измайлов А.А. Методология научно-исследовательских программ как инструмент для решения современных проблем экономической науки // Философия хозяйства. 2022. № 4. С. 89—106.

present stage. The analysis showed that the systematization of the achievements of various scientific schools of economic science on the basis of the SRP methodology can make it possible to intensify the dialogue between representatives of various SRPs, increase competition between SRPs in the field of economics, improve the quality of their interaction, and also promote the development of interdisciplinary research.

The first part of the article highlights the main theoretical and methodological problems of economic science. The second part compares the SRP methodology with competing approaches and highlights its advantages. The third part provides an explanation of the current situation in economic science from the standpoint of the SRP methodology and reveals the role of the SRP methodology in improving the quality of research.

Keywords: methodology of scientific research programs, neoclassical economics, new institutional economics, behavioral economics, multidisciplinary research.

УДК 330
ББК 65.01

Введение

Применение разработанных в рамках философии науки моделей развития научного знания для объяснения ситуации в экономической науке и устранения барьеров на пути ее развития может быть крайне продуктивным.

Ряд таких моделей был разработан в 1950—1980-е гг., среди них можно выделить фальсификационизм К. Поппера, эпистемологический анархизм П. Фейерабенда, эволюционную модель развития науки С. Тулмина, парадигмальный подход Т. Куна, а также методологию научно-исследовательских программ И. Лакатоса. Последний подход, по нашему мнению, является наиболее эффективным.

Основные дискуссии о применимости данных моделей для изучения развития экономического знания проходили в еще в конце прошлого века. На сегодняшний день внимание ученых к ним снизилось в силу возросшей критики и появления новых подходов. Несмотря на это, применение «старых» моделей для объяснения развития экономической науки на современном этапе может

способствовать росту качества оценки достижений различных научных школ, а также повышению их методологического статуса.

Более того, исследователи, работы которых посвящены анализу применимости моделей философии науки в области экономики, указывают на то, что благодаря их использованию ученые-экономисты начинают искать новые способы разработки идей, а за счет этого появляются стимулы для усиления работы над получением нового научного знания [19].

Важно заметить, что за последние десятилетия в экономической науке произошли существенные изменения. Они заключаются в появлении новых научных школ, изменении характера взаимоотношений между школами, а также расширения числа проводимых междисциплинарных исследований.

Чтобы обосновать эффективность применения методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса по отношению к экономической науке необходимо в первую очередь охарактеризовать проблемное поле исследований и выявить главные теоретические и методологические проблемы, а затем на основании этого сравнить эффективность каждого из вышеуказанных подходов, выделить ключевые преимущества и ограничения методологии НИП.

Основные теоретические и методологические проблемы экономической науки

Говоря о существующих проблемах в экономической науке, в первую очередь можно выделить возникший после Великой рецессии 2007—2009 гг. кризис мейнстрима [22]. Доминирующую на протяжении длительного времени неоклассику подвергают критике за излишнюю математизацию, игнорирование ряда общественно-важных проблем и неспособность предсказать сам кризис. Здесь необходимо отметить, что не все ученые согласны с идеей существования данного кризиса, например, Р.И. Капелюшников [5, 127] говорит о том, что происходящее «трудно назвать триумфом, но трудно назвать и кризисом: это будничное рабочее состояние».

В кризисных условиях возрос статус приближенных к мейнстриму научных школ, главными из них являются поведенческая экономика и новый институционализм, наряду с этим активно развиваются неортодоксальные школы, растет число междисциплинарных

исследований. При этом зачастую между некоторыми научными школами усиливается взаимодействие.

Перейдем к более конкретному анализу процессов развития и взаимодействия научных школ на примере поведенческой экономики. Впервые идеи о совмещении экономики и психологии появились уже в середине прошлого столетия, но не получили широко распространения в силу того, что на тот момент теоретические достижения экономической науки были основаны на радикально редуционистской модели человека [2].

Со временем все же наметилось движение к синтезу, основанная на трудах Р. Талера, Д. Канемана и других ученых. «Новая поведенческая экономика» [6] привнесла попытки ограничить и ослабить использование «неограниченно рациональных» моделей. Однако борьба закончилась слиянием идей, поведенческая экономика сама стала частью мейнстрима, она тесно связана с неоклассикой и в какой-то степени ее усиливает, примером этого является интеграция поведенческих отклонений в предложенные ранее мейнстримом модели, а также расширение применения эмпирических методов [25].

В.С. Автономов и Ю.В. Автономов [2] отмечают, что сближение поведенческой экономики и неоклассического мейнстрима началось в области теорий дисконтированной полезности и ожидаемой полезности, продолжилось работами Р. Талера в области поведенческого выбора. Однако, даже несмотря на попытки представителей школы поведенческой экономики ослабить предпосылки неоклассики, теоретической основой для их построений остаются различные модификации неоклассических моделей [6]. В целом же поведенческая экономика превратилась в «полноценную часть мейнстрима экономической науки» [2], но в ее рамках продолжают развиваться в значительной степени самостоятельные направления исследований, такие как поведенческие финансы, поведенческая экономика права, поведенческая теория игр, поведенческая теория экономического развития, поведенческая теория отраслевых рынков и др.

Перейдем к новой институциональной экономической теории, которая является одной из ключевых школ экономической науки. Необходимо отметить, что значительная часть исследований этой школы проводится с привлечением инструментария неоклассики, что ограничивает конкуренцию между ними. Р.И. Капелюшников [7]

в своей критике Д. Норта говорит о том, что понимание института как «правил игры» вписывается в схему максимизации полезности индивида при заданных ограничениях, являющуюся одним из базисных постулатов неоклассики. То есть новые идеи и теории, привносимые институционалистами, могут внедряться в неоклассику и при этом не изменять ее базовые предпосылки.

Наряду с этим для НИЭТ характерна еще одна важная проблема, касающаяся качества междисциплинарных взаимодействий. Эта школа имеет тесные связи с такими областями науки, как история, право, социология, политика и др. Однако, на примере исследований Д. Норта и Д. Асемоглу Р.И. Капелюшников [8] показывает, что исторический материал для анализа роли институтов в экономическом развитии привлекается некачественно, примеры стран, не вписывающихся в объяснительные схемы ученых, игнорируются, в итоге полученные выводы оказываются верными лишь частично. Более того, проблема усугубляется высоким авторитетом Д. Норта и Д. Асемоглу, обеспечивающим значительное число их последователей.

Следующей важной проблемой, ограничивающей развитие современной экономической науки, являются отношения между неоклассикой и неортодоксальными школами. Последние на современном этапе также активно растут и развиваются, например, сегодня фиксируется максимальное число представителей австрийской школы [18]. Неортодоксальные школы создают все больше собственных журналов, тем самым увеличивая публикационную активность, и облегчая обмен знаниями. Однако в то же время большинство из этих школ сохраняют свое периферийное положение [12].

Что же касается попыток наладить диалог, то здесь ортодоксальные и неортодоксальные школы характеризуются построением противоположно направленных процессов. Согласно выводам А.А. Мальцева, некоторые ученые — представители неоклассики в условиях кризиса пытаются ухватиться за идеи неортодоксов как за спасательный круг, последние же зачастую лишь слепо критикуют мейнстрим, не погружаясь глубоко в его идеи и современные тенденции.

Но в большинстве случаев представители мейнстрима просто не обращают внимания на то, что происходит в неортодоксальных

школах [5], а представители последних предпринимают попытки изучить идеи оппонентов и погрузиться в них лишь с целью критики. В результате попытки выстроить диалог оказываются обреченными, неортодоксальные школы закрываются в «интеллектуальном гетто». Все это приводит к тому, что ученым крайне сложно дать объективную оценку достижениям конкурентов, выявить их перспективные направления исследований, и в результате устанавливаются ограничения для развития как отдельных школ, так и всей экономической науки.

Еще одной важной проблемой экономической науки является отрыв практических исследований от теоретического фундамента. Согласно Р.И. Капелюшникову [5], возможности применения экспериментальных методов в экономике на протяжении длительного времени были ограничены, что вылилось в формирование «комплекса неполноценности» перед естественными науками. Однако за последние годы ситуация в корне переменялась, эксперимент стал важным методом в таких направлениях, как макроэкономика, экономика труда и персонала, финансы и др. Однако резкий рост числа экспериментальных исследований ведет к тому, что выбор исследуемых проблем определяется методом, а не наоборот. В итоге ученые тратят ресурсы на проведение квазиэкспериментальных разработок, а экономическая теория уходит на задний план и теряется. Следствием этого является снижение качества исследований и получаемых результатов.

Подходы философии науки к развитию научного знания

Перейдем к анализу применимости подходов к развитию научного знания, разработанных в рамках философии науки, по отношению к экономической науке. В первую очередь рассмотрим подход, предложенный К. Поппером. В своих работах ученый отходит от предложенного ранее критерия верифицируемости, по его мнению, критерием научности является фальсифицируемость теории, то есть ее опровержимость, проверяемость [13].

Схема развития науки по К. Попперу представляет собой движение от решения одной научной проблемы к другой. Сначала ученые сталкиваются с какой-либо проблемой, выдвигают различные теории, направленные на ее решение, затем эти теории

фальсифицируются, после чего происходит переход к новой проблеме и ее решению, причем новая проблема и разрешающие ее новые теории являются более глубокими и сложными. Научное развитие в целом представляет собой постоянный процесс фальсификации теорий и перехода к более сложным проблемам.

При применении данного подхода к экономической теории мы сталкиваемся с противоречием, так, анализируя эффективность модели К. Поппера в области экономики Е.П. Дятел [4, 517] отмечает, «новая институциональная экономика не покусается на основы неоклассики», фактически можно утверждать, что для новых институционалистов она стала методологической и теоретической предпосылкой, именно на основе неоклассики зародилась и развивается новая институциональная экономическая теория. То есть можно утверждать, что фальсификация работает здесь далеко не всегда.

В целом же модель, предложенная К. Поппером, в первую очередь ориентирована на рост научного знания, но не на исследование его логической структуры [14]. Таким образом, данная модель не является в полной мере применимой к экономической науке, однако, исследования К. Поппера положили начало целому ряду работ, разработанных его последователями.

Одним из таких последователей является Т. Кун. Развивая идеи К. Поппера, он предложил парадигмальный подход к развитию науки [10]. Развитие науки, по его мнению, заключается в смене парадигм. Парадигма представляет собой набор общепризнанных в научном сообществе положений. В период нормальной науки парадигма способна объяснить любое явление, нормальная наука сменяется кризисом, при котором парадигма оказывается неспособной объяснить аномалии. Кун видит три сценария выхода из кризиса. При первом из них парадигма может подвергнуться корректировке и объяснить аномалию, при втором ученые-представители парадигмы могут отказаться от решения аномалии, в результате каждого из этих сценариев происходит возврат к нормальной науке. При третьем же сценарии парадигма оказывается неспособной решить возникшую проблему, тогда происходит научная революция, старая парадигма уходит за предметные рамки, возникает новая парадигма, и происходит переход к новому состоянию нормальной науки.

Доминирование на протяжении длительного времени неоклассической теории, с одной стороны, можно назвать состоянием нормальной науки, однако по словам Д. Фиби [24], происходящие процессы можно считать союзом между разными школами экономической науки. По мнению ученого, само понятие парадигмы является сомнительным, старые теории выживают благодаря синтезу с новыми школами, и именно этот синтез позволяет им не быть вытесненными.

Кроме этого, история экономической мысли говорит о том, что, во-первых, в экономической науке параллельно развиваются несколько научных школ, во-вторых, даже в случае кризиса школы могут сдавать лидирующие позиции, но при этом не исчезать полностью.

Хорошо иллюстрирует эти процессы история классической школы, которая долгое время доминировала, затем была вытеснена кейнсианцами, однако затем укрепила свои позиции, после чего произошел синтез кейнсианской и неоклассической теорий, в ходе которого сформировался мейнстрим. Но все это противоречит тезису Т. Куна о жесткости структуры парадигмы.

Наряду с этим, можно подвергнуть критике идеи Т. Куна о случайном происхождении аномалий или «головоломок». Например, И. Лакатос [11] утверждал, что полностью они никогда не исчезают, и задача ученых состоит в том, чтобы их предвидеть и затем концентрировать усилия на проведения исследований в тех областях, где аномалии могут появиться.

Еще одним исследователем, критиковавшим Т. Куна является С. Тулмин. Он отметил, что принципы рациональной организации научных разработок зависят не столько от фундаментальных научных идей, как считал Т. Кун, сколько от личных убеждений лидеров научного сообщества и коллективов ученых, руководства научных журналов.

В отличие от Т. Куна, предложившего революционную модель развития науки, С. Тулмин являлся сторонником эволюционного подхода. Основой для его модели развития науки послужила модель эволюции Ч. Дарвина. Аналогом дарвиновской популяции в области научного знания выступают различные теории из смежных областей

познания, изменчивость заключается в сдвигах в объяснительных схемах, а отбор эти сдвиги закрепляет.

Также важно отметить, что С. Тулмин, как сторонник эволюционного подхода, утверждает, что даже «самые драматические революции никогда не приводят к абсолютному разрыву с прошлым» [15, 128]. Таким образом, в отличие от Т. Куна, он выступает за преемственность в развитии научного знания.

С. Тулмин обратил свое внимание на стандарты рассуждений, предметом эпистемологии он видел проявляющуюся в научной деятельности ученого рациональность. По его словам, следует в первую очередь исследовать саму деятельность ученого как человека, а решение фундаментальных проблем развития науки возможно лишь при учете целостного исторического контекста [3].

Рациональность исследователя, состоящая из совокупности идей и методов, позволяет ученым достигать понимания, а рациональность самого знания заключается в его соответствии самим стандартам понимания. Эволюция всей науки, согласно С. Тулмину, заключается в улучшении понимания окружающего нас мира, а также во все более глубоком понимании сути исследуемых проблем. Делая акцент на эволюции понимания, ученый отказывается от оценки прогресса науки как роста знания.

Безусловно, предложенная С. Тулмином модель заслуживает внимания, однако для ее применения по отношению к экономической науке существует ряд важных ограничений. Во-первых, как мы уже отмечали ранее, в экономической науке одновременно сосуществуют множество научных школ, их статус и положение могут со временем изменяться, и, если делать акцент лишь на проблемах понимания, эта специфика может теряться и не учитываться.

Более того, трудно дать однозначную оценку роста понимания в области экономики. В последние годы усиливаются проблемы взаимопонимания между учеными, и в данном случае сложно оценить общий рост понимания. Одной из важных проблем здесь является отсутствие диалога между научными школами, даже если их усилия пересекаются в работе над одной и той же проблемой, они оказываются не в состоянии дать адекватную оценку достижениям оппонентов. Эта ситуация усугубляется тем, что разные школы могут заниматься

разными проблемами, и здесь ученым еще сложнее понять идеи представителей другой школы.

В результате все это значительно осложняет оценку прогресса экономической науки в целом, так как даже если в рамках одной школы понимание проблемы усиливается, это не транслируется на все научное сообщество. В особенности это касается достижений гетеродоксальных школ, число представителей которых относительно невелико.

Перейдем к анализу следующего подхода к оценке развития научного знания, а именно «эпистемологического анархизма» П. Фейерабенда [16]. На основании анализа истории науки ученый подвергает критике предложенные ранее кумулятивные модели ее развития. По его словам, зачастую новые теории не выводятся из старых и не являются их частными случаями. Исходя из принципов эмпиризма, он говорит о том, что успех теории основывается на фактах, опыте и экспериментально полученных результатах.

Выдвигая тезис о несоизмеримости различных теорий, ученый постулирует, что в науке не существует однозначных логических и эмпирических критериев, которые были бы применимы для объективной и принимаемой всеми противоборствующими сторонами оценки конкурирующих теорий. Разные теории используют разные термины и придают им разную смысловую нагрузку, причем, по мнению П. Фейерабенда, эта смысловая нагрузка задается самой теорией, равно как методология и предметное поле.

Таким образом, согласно П. Фейерабенду, каждая научная теория формирует собственные факты, которые оказываются несопоставимы с фактами других теорий, и в связи с этим различные теории оказываются неспособными ни подтвердить, ни опровергнуть результаты исследований конкурентов [9].

Ученый отмечает, что любая методология имеет свои ограничения, исходя из этого он формулирует принцип вседозволенности, призывает развивать любые теории и гипотезы, несовместимые с уже существующими, причем каждый человек может это делать. Главная задача науки — «делать слабое более сильным», и тем самым двигать вперед целое [16, 50].

Модель «эпистемологического анархизма» является крайне дискуссионной, многие ученые говорили о ее абсурдности. Можно

утверждать, что затруднительно применить ее к современной экономической науке. Однако в данной методологии содержатся и крайне важные положения, которые справедливы для существующей практической ситуации. Одним из них является тезис П. Фейерабенда о использовании разных терминов и разной смысловой нагрузки разными научными школами. Эта проблема крайне актуальна для экономической науки, где научные школы могут вкладывать разный смысл даже в одни и те же термины, однако предложенное ученым решение этой проблемы едва ли можно назвать эффективным. В случае масштабного бессистемного проведения исследований любым желающим не могут быть получены качественные результаты, более того, эти результаты не могут быть проверены, в итоге все это повлечет за собой формирование огромного «кома» несистематизированных и непрошедших проверку знаний. Вероятность того, что при таком подходе наука в целом будет двигаться вперед, видится крайне низкой.

Еще одна модель развития научного знания — методология научно-исследовательских программ — была разработана И. Лакатосом [11]. Согласно данной модели, развитие науки происходит за счет конкуренции научно-исследовательских программ, которые одновременно сосуществуют в одном предметном поле. Каждая из них состоит из ядра, состоящего из базовых гипотез и положений, принимаемых всеми представителями программы, и защитного пояса, то есть дополнительных фальсифицируемых гипотез, которые вырабатываются для защиты ядра от нападений конкурентов. Научно-исследовательские программы ведут между собой борьбу за лидирующую позицию, эта борьба заключается в совершении попыток разрушить защитный пояс и ядро лидирующей НИП. Если это удастся, то не сумевшая отразить удар программа уступает место лидера, однако она не исчезает, а лишь отходит на задний план, где может снова укрепить свои позиции и включиться в борьбу.

Помимо ядра и защитного пояса каждая НИП обладает позитивной и негативной эвристикой, позитивная работает на расширение защитного пояса, негативная заставляет ученых защищать ядро. Все НИП делятся на прогрессивные и вырождающиеся, у первых главную роль играет позитивная эвристика, у вторых негативная, то

есть вырождающаяся программа пытается лишь защитить свое ядро, но не разрабатывает новые теории.

Предложенная И. Лакатосом методология соответствует логике развития экономической науки, где на протяжении длительного времени сосуществуют различные научные школы. Кроме этого, на уже приведенном выше примере с классической школой можно увидеть, как одна НИП уступила позицию лидера, однако затем снова включилась в борьбу и вернулась на нее.

Отметим, что не все ученые-методологи в области экономической науки разделяют такую точку зрения. Некоторые ученые считают, что методология НИП слишком категорична. Так, В.С. Автономов [1] использует понятие «исследовательский подход» вместо исследовательской программы. Кроме этого, ученый развивает идею «неоклассического обволакивания», под которым подразумевается, что доминирующая школа может впитывать в себя идеи конкурентов, «оставаясь при этом самой собой», и становясь за счет этого сильнее.

Вернемся к методологии НИП, она позволяет рассматривать как отдельные исследовательские программы различные теории в рамках одной научной школы, что также актуально для школ экономической науки, которые внутри себя могут быть достаточно сильно разрозненными. В качестве примера здесь можно привести новую институциональную экономическую теорию, которая объединяет в себе теорию трансакционных издержек, теорию прав собственности, теорию организации, теорию контрактов и др. В условиях такой разрозненности может возникать проблема изучения достижений коллег из других направлений внутри школы, и методология НИП может внести существенный вклад в ее решение, о чем более подробно речь пойдет в следующем разделе.

В качестве недостатков данной методологии можно отметить упомянутую Д. Хэндсом ограниченность ее применения в силу слабого развития в экономике экспериментальных методов [20], однако на современном этапе данная проблема оказалась уже решенной.

Еще одним важным недостатком можно считать расплывчатость формулировок ядра и защитного пояса [17], из-за чего может возникать путаница с разграничением положений той или иной теории между ними. В качестве примера можно привести критику Д.

Хаусмана применения методологии НИП Э. Вайнтраубом для систематизации достижений неоклассической школы [21]. Последний отнес к жесткому ядру некоторые положения, которые были ранее сфальсифицированы самой неоклассикой, а также положения, принятые другими школами, например институционализмом.

Заметим, что данные недостатки представляется возможным устранить, в результате чего методология НИП предстает наиболее оптимальным подходом философии науки для объяснения развития экономической науки. Далее перейдем к анализу возможностей применения методологии НИП для решения существующих проблем, обозначенных в первой части.

Развитие экономической науки в контексте методологии научно-исследовательских программ

Первой важной проблемой при изучении развития экономической науки с позиций методологии НИП является специфика взаимодействия между неоклассикой и близкими к ней НИП. В случае с НИЭТ и поведенческой экономикой можно утверждать о синтезе этих исследовательских программ с лидирующим мейнстримом, что на первый взгляд противоречит идеям И. Лакатоса о конкуренции.

Но такое положение дел можно рассматривать как попытки вырождающейся, по мнению ряда ученых [26], неоклассики отбиться от конкурентов за счет частичной интеграции. С позиций же НИЭТ и поведенческой экономики подобные процессы можно оценивать как попытки проникнуть на поле противника и там его победить. Заметим, что подобную тактику некоторые ученые рекомендуют неортодоксальным школам [12], так как она усыпляет бдительность представителей лидирующей НИП, позволяет лучше понять их идеи, и за счет этого повысить качество исследований, атакующих защитный пояс и ядро лидера.

Подобный синтез можно также охарактеризовать как попытки борьбы между НИП, если взять во внимание, что лидирующая неоклассика главенствует еще и в информационном поле. У неоклассики гораздо больше сторонников, больше авторитетных журналов, она гораздо шире представлена в преподаваемых в ВУЗах курсах и т. д. В таких условиях синтез может позволить стремящимся захватить лидирующую позицию НИП расширить круг сторонников и распространить информацию о своих достижениях.

Но здесь возникает важная проблема, касающаяся эффективности взаимодействия ученых, представляющих разные исследовательские программы. Причем это касается как взаимодействия разных школ в экономической науке, так междисциплинарных связей со школами из смежных дисциплин.

На основании использования методологии НИП И. Лакатоса представляется возможным создать труды, систематизирующие достижения различных научных школ. В таких условиях ученым будет значительно легче коммуницировать, в результате усилится обмен знаниями и повысится качество научной экспертизы. Более того, систематизация достижений школ облегчит поиск наиболее перспективных направлений исследований и поиск точек соприкосновения для проведения совместных исследований, как внутри-, так и междисциплинарных. Благодаря этому может значительно упроститься локальный синтез исследовательских программ, то есть объединение усилий представителей различных НИП для совместного решения конкретной научной проблемы.

Еще одним важным преимуществом подобного применения методологии НИП является устранение разрывов между теоретическими и практическими исследованиями. Данная проблема является крайне актуальной, но при систематизации достижений НИП ученым будет гораздо проще выявить подобные разрывы и слабые места в своей теории, а затем их устранить при помощи позитивной и негативной эвристики.

Если же говорить о конкуренции между различными НИП, то здесь публикация систематизирующих достижения школ трудов позволит глубже погружаться в идеи противника и лучше их понимать, что в итоге повысит качество атакующих исследований и уровень конкуренции.

Таким образом, применение методологии НИП может позволить устранить ряд важных ограничений на пути развития экономической науки, однако для этого нужно решить две проблемы. Первая из них связана с разработкой единого языка, на котором смогут свободно общаться ученые-представители разных НИП, а вторая кроется в повышении популярности философии и методологии экономической науки и привлечении новых исследователей в эту область.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что сегодня развитие экономической науки ограничено рядом важных проблем. Первой из них является низкий уровень взаимодействия между различными школами, которые одновременно сосуществуют в предметном поле экономической науки. Между некоторыми из школ диалог и вовсе отсутствует. Это влечет за собой снижение качества проводимых исследований, уровня объективности научной экспертизы, а также осложняет взаимодействие между школами и ограничивает конкуренцию между ними.

Следующей важной проблемой является низкий уровень качества междисциплинарных исследований, что подтверждает пример с привлечением исторического материала в исследованиях Д. Норта и Д. Асемоглу. Ученые из смежных дисциплин зачастую не имеют возможности даже ознакомиться с достижениями друг друга, не говоря уже об их оценке. Результатом это являются трудности с поиском точек соприкосновения и выбором наиболее перспективных направлений синтеза идей.

Таким образом, уровень взаимопонимания ученых из разных школ как внутри экономической науки, так и в смежных дисциплинах, оставляет желать лучшего, в итоге это создает барьеры на пути развития всей экономической науки в целом. Решению данных проблем может способствовать применение по отношению к экономической теории подходов философии науки к развитию научного знания. Еще в прошлом веке был разработан целый ряд таких подходов. Главными из них являются фальсификационизм К. Поппера, парадигмальный подход Т. Куна, эволюционный подход С. Тулмина, анархизм П. Фейерабенда, а также методология научно-исследовательских программ И. Лакатоса.

Каждый из этих подходов имеет свои преимущества и недостатки. В ходе проведенного анализа был выявлен наиболее оптимальный из них, им является методология НИП И. Лакатоса. Как отметил С. Лацис [23], методология НИП позволяет использовать преимущества априоризма, конвенционализма и фальсификационизма, избегая их ограничений. Данный подход в наибольшей степени соответствует логике развития экономической науки. Расширение использования методологии НИП для объяснения протекающих здесь

процессов и систематизации достижений научных школ может в дальнейшем положительно повлиять на развитие как отдельных исследовательских программ, так и всей экономической науки в целом.

Литература

1. Автономов В.С. Человек в зеркале экономической науки. М.: «Наука», 1993.
2. Автономов В.С., Автономов Ю.В. Общая теория «споров о методах» в экономической науке // *Общественные науки и современность*. 2016. № 4. С. 5—20.
3. Баранова О.М., Кашин В.В. Эволюционистская концепция понимания Стивена Тулмина // *Вестник ОГУ*. 2003. № 1. С. 4—7.
4. Дятел Е.П. Критерии научной достоверности и способы повышения эвристического потенциала экономической теории // *Журнал экономической теории*. 2019. Т. 16. № 3. С. 513—527.
5. Капелюшников Р.И. О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // *Вопросы экономики*. 2018. № 5. С. 110—128.
6. Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и «новый» патернализм // *Вопросы экономики*. 2013. № 9. С. 66—90.
7. Капелюшников Р.И. Contra панинституционализм. Часть I // *Вопросы экономики*. 2019. № 7. С. 119—146.
8. Капелюшников Р.И. Contra панинституционализм. Часть II // *Вопросы экономики*. 2019. № 8. С. 98—126.
9. Колесова О.В. Методологические установки П. Фейерабенда как выражение ментальных характеристик постнеклассической науки // *Манускрипт*. 2016. № 9 (71). С. 78—84.
10. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.
11. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995.
12. Мальцев А.А. Гетеродоксальная экономическая теория: текущее состояние и пути дальнейшего развития // *Экономическая политика*. 2018. № 2. С. 148—169.
13. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс, 1983.
14. Порус В.Н. Цена «гибкой» рациональности // *Философия науки*. 1999. Т. 5. № 1. С. 228—245.

15. Тулмин С. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984.
16. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ, 2007.
17. Blaug M. Kuhn versus Lakatos, or Paradigms versus Research Programmes in the History of Economics // History of Political Economy. 1975. No. 7. P. 399—433.
18. Boettke P. What Is Still Wrong with the Austrian School of Economics? // Assessing Austrian Economics. Advances in Austrian Economics. 2019. Vol. 24. P. 5—32.
19. Drakopoulos S., Karayiannis A. A Review of Kuhnian and Lakatosian «Explanations» in Economics // History of Economic Ideas. 2005. Vol. 13. P. 51—73.
20. Hands D. The Role of Crucial Counterexamples in the Growth of Economic Knowledge: two Case Studies in the Recent History of Economic Thought // History of Political Economy. 1984. No. 6. P. 59—67.
21. Hausman D. Kuhn, Lakatos and the Character of Economics // New Directions in Economic Methodology. London: Routledge, 1994. P. 197—217.
22. Hoover K. The Crisis in Economic Theory: A Review Essay // Journal of Economic Literature. 2016. No. 54 (4). P. 1350—1361.
23. Latsis S. A research programme in economics // Method and Appraisal in Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. P. 1—42.
24. Pheby J. Methodology and Economics: a Critical Introduction. London: Macmillan, 1988.
25. Thaler R. Behavioral Economics: Past, Present and Future. // American Economic Review. 2016. No. 106 (7). P. 1577—1600.
26. Brahmachari D. Neoclassical Economics as a Method of Scientific Research Program: A review of existing literature // MPRA Paper 75341, University Library of Munich, Germany: URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/75341/1/MPRA_paper_75341.pdf (дата обращения 18.02.2022).

References

1. Avtonomov V.S. Chelovek v zerkale ekonomicheskoi nauki. M.: «Nauka», 1993.

2. Avtonomov V.S., Avtonomov Yu.V. Obshchaya teoriya «sporov o metodakh» v ekonomicheskoi nauke // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2016. № 4. S. 5—20.
3. Baranova O.M., Kashin V.V. Evolyutsionistskaya kontseptsiya ponimaniya Stivena Tulmina // Vestnik OGU. 2003. № 1. S. 4—7.
4. Dyatel E.P. Kriterii nauchnoi dostovernosti i sposoby povysheniya evristicheskogo potentsiala ekonomicheskoi teorii // Zhurnal ekonomicheskoi teorii. 2019. T. 16. № 3. S. 513—527.
5. Kapelyushnikov R.I. Povedencheskaya ekonomika i «novyi» paternalizm // Voprosy ekonomiki. 2013. № 9. S. 66—90.
6. Kapelyushnikov R.I. O sovremennom sostoyanii ekonomicheskoi nauki: polusotsiologicheskie nablyudeniya // Voprosy ekonomiki. 2018. № 5. S. 110—128.
7. Kapelyushnikov R.I. Contra paninstitutsionalizm. Chast' I // Voprosy ekonomiki. 2019. № 7. S. 119—146.
8. Kapelyushnikov R.I. Contra paninstitutsionalizm. Chast' II // Voprosy ekonomiki. 2019. № 8. S. 98—126.
9. Kolesova O.V. Metodologicheskie ustanovki P. Feierabenda kak vyrazhenie mental'nykh kharakteristik postneklassicheskoi nauki // Manuskript. 2016. № 9 (71). S. 78—84.
10. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsii. M.: AST, 2003.
11. Lakatos I. Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh programm. M.: Medium, 1995.
12. Mal'tsev A.A. Geterodoksal'naya ekonomicheskaya teoriya: tekushchee sostoyanie i puti dal'neishego razvitiya // Ekonomicheskaya politika. 2018. № 2. S. 148—169.
13. Popper K. Logika i rost nauchnogo znaniya. Izbrannye raboty. M.: Progress, 1983.
14. Porus V.N. Tsena «gibkoi» ratsional'nosti // Filosofiya nauki. 1999. T. 5. № 1. S. 228—245.
15. Tulmin S. Chelovecheskoe ponimanie. M.: Progress, 1984.
16. Feierabend P. Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoi teorii poznaniya. M.: AST, 2007.

В.А. УШАНКОВ

**Отечественный вариант ответа на вопрос
об объединении субъективных и объективных начал
в экономической науке***

Аннотация. В статье излагается концепция Петра Струве цены-ценности, которая служит подтверждением, того, что отечественная экономическая наука к началу XX столетия сложилась как своеобразная, имеющая особенности, отличающие ее от европейской науки. На марксистский и неоклассический варианты объединения субъективного и объективного начал в теории ценности, отечественная наука нашла свой вариант ответа. Суть этого подхода — в объединении двух начал на основе классической традиции, в отличие от субъективистского решения в неоклассике.

Ключевые слова: ценность, цена, синтез, Струве, русская школа, субъективизм, объективизация, неоклассика, марксизм, модернизация, своеобразие, особенность.

Annotation. The article presents Peter Struve's concept of price-value, which confirms that the domestic economic science, by the beginning of the 20th century, had developed as a peculiar one, having features that distinguish it from European science. On the Marxist and neoclassical version of the combination of subjective and objective principles in the theory of value, domestic science has found its own answer. The essence of this approach is the unification of two principles based on the classical tradition, in contrast to the subjectivist solution in neoclassicism.

Keywords: value, price, synthesis, Struve, Russian school, subjectivism, objectification, neoclassicism, Marxism, modernization, originality, peculiarity.

УДК 330
ББК 65.01

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ушанков В.А. Отечественный вариант ответа на вопрос об объединении субъективных и объективных начал в экономической науке // Философия хозяйства. 2022. № 4. С. 107—115.

Поводом для написания этой статьи стало издание книги П.Б. Струве «Хозяйство и цена». Книга, выпущенная в свет издательством Института Гайдара, представляет собой первое издание двух частей книги выдающегося русского экономиста под одной обложкой. В полном объеме две части этой книги — магистерская (I часть) (1913) и докторская (II часть) (1916) диссертации — никогда не издавались.

Издание книги «Хозяйство и цена» стало замечательным событием, знаменующим собой долгое возвращение в отечественную экономическую науку одного из ярких представителей российских экономистов, оставивших в ней значительный след. В советское время труды П.Б. Струве не публиковались, а сам автор был предан незаслуженному забвению. Вместе с тем, творчество П.Б. Струве было одним из свидетельств существования своеобразия отечественной экономической науки, отличавшего ее от европейской.

Одним из элементов проявления своеобразия русской школы стало участие ее в полемике по вопросу, волновавшему мировую экономическую мысль в конце XIX — начале XX столетия. Речь шла о необходимости модернизации теории ценности в новых условиях значительно развившегося рыночного хозяйства. Господствовавший в экономической науке чисто субъективистский подход к пониманию содержания рыночной цены, предлагаемый австрийской школой маржинализма, в новых условиях уже не удовлетворял требованиям адекватного объяснения хозяйственных процессов. В эпоху развитых рыночных отношений возникла потребность в нахождении более «объективных» оснований для определения цены, чем субъективная оценка ценности. В конце XIX в. экономическая наука озаботилась поиском этих «объективных» оснований.

Одним из вариантов решения вопроса об «объективизации» ценности был марксизм. Марксистский вариант «объективизации» ценности действительно давал теоретическое обоснование для решения этой проблемы. В качестве объективной основы цены им предлагалась стоимость как результат общественно-необходимых затрат труда. Очевидно, что при таком варианте субъективный, или, как писали раньше отечественные экономисты, «психологический», фактор ценности становился незначительным.

Субъективизм в оценке полезности вещей практически полностью исключается из экономического анализа. Правда, это было лишь на уровне первого тома «Капитала». В третьем томе субъективизм возвращается в экономический анализ в виде превращенных форм ценности. Например, в цене производства, которая представляла собой результат внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции уже можно найти действие «субъективных» факторов.

Очевидно, что традиция субъективистского понимания природы ценности, господствовавшая в те времена в европейской экономической науке, не была готова к принятию теории трудовой стоимости Маркса. Этому препятствовали не только социально-идеологические соображения (классовая теория), но и индивидуалистическая культура западноевропейского общества. Свидетельством неприятия марксистского варианта решения объяснения объективных основ ценности может стать критика учения Маркса со стороны видного представителя австрийской школы маржинализма Бём-Баверка.

Другим, более успешным, вариантом решения вопроса об «объективной» основе ценности стало предложение Альфреда Маршалла. В своей знаменитой книге «Принципы экономической науки» (1900) Маршалл предложил экономическую модель, которая решала проблему объединения субъективных оценок полезности благ (ценности) с «объективными» оценками вещей, представленными в виде ограничений со стороны предложения товаров. В результате взаимодействия цены спроса (субъективизм) и цены предложения (объективность) появляется рыночная цена. Цена получает объективное рыночное обоснование, связанное с ограниченностью ресурсов.

Однако следует заметить, что в неоклассическом варианте синтеза субъективных и объективных начал «объективность» в понимании цены условна. Особенность неоклассического варианта состоит в том, что в основе ограниченности спроса и предложения все же лежат субъективные оценки полезности вещей, определяемые со стороны отдельного хозяйствующего субъекта. Неоклассика потому и «неоклассика», что как бы содержит в себе объективность, похожую на имеющуюся в классической политической экономии. На самом же деле, неоклассический анализ в своей основе исходит из субъективистских оценок ограниченных ресурсов.

Практически одновременно с западной экономической мыслью в конце XIX в. в отечественной экономической среде началась полемика о природе ценности и ее денежном проявлении — цене. Но она происходила в соответствии с теми особенностями, которые отличали отечественную науку от западной. Методологическое своеобразие отечественной науки не было случайным, ведь на то имелись веские причины.

В отечественной экономической науке господствовала так называемая «классическая» традиция. Одна из важнейших ее особенностей состоит в том, что исходным пунктом экономического анализа здесь выступает «хозяйство, взятое в целом». Такому пониманию объекта научного интереса в отечественной науке, как общественного хозяйства, служили сами природно-географические и институциональные особенности хозяйственного строя России. В отличие от разделенной Европы, обширная и не до конца изведанная территория многоукладного хозяйства России предполагала особый воспроизводственный взгляд на все общественное хозяйство. Из примата общественного хозяйства в экономическом анализе следовали идеи поиска объективных оснований ценности (общественные затраты труда).

Однако, не смотря на классическую традицию, господствующую в отечественной экономической науке, марксизм не получил здесь должного распространения. Большинство отечественных экономистов (М.И. Туган-Барановский, С. Франк, П.Б. Струве и др.) к началу XX в. уже преодолели «чистый» марксизм, встав на путь его интерпретации. Основными причинами такого положения в науке стало то, что не все отечественные экономисты готовы были воспринять социально-классовую идеологию экономической теории Маркса. Кроме того, большая часть отечественных экономистов не принимали идею Маркса об абсолютизации труда как основе ценности (стоимости), большинство экономистов придерживались рикардianского направления в классической политической экономии, допуская влияние капитала и ренты на формирование ценности.

Критика марксистской теории ценности была поддержана публикациями М.И. Туган-Барановского в журнале «Научное обозрение» «Основная ошибка абстрактной теории капитализма Маркса» (1899) [4]. Об этом же писал П.Б. Струве в журнале «Жизнь» в 1899 г.

[2]. В подобном смысле о ценности и цене высказывались и другие авторы (Филиппов, Бернштейн, Прокопович).

Таким образом, методологические особенности русской экономической школы, возникшие под влиянием природно-географических и культурных обстоятельств, смогли сыграть свою роль в судьбе в дискуссии о природе ценности-цены. Действительно, отечественная экономическая наука предложила свой вариант отхода от «психологизма» маржинального анализа и обнаружения «объективных» оснований ценности-цены. Наряду с марксистским и неоклассическим предложениями решения проблемы объединения субъективистского и объективистского в экономическом анализе был предложен отечественный ответ.

Первым представителем новаторской объединительной концепции стал русский экономист М.И. Туган-Барановский. В статье «Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причина их ценности» (1890) он излагает формулу, согласно которой становится возможным установление количественного соотношения трудовых затрат на производство вещи с результатами ее субъективной оценки [5]. По этой формуле результат субъективной оценки полезности благ (ценность) находится в зависимости от ее количества. Но само это количество вещей встает в зависимость от затрат труда, связанных с их производством, т. е. проявляется объективный фактор.

Отличительной особенностью предложенной М.И. Туган-Барановским объединительной концепции становится «объективизация» ценности на основе затрат общественного труда, т. е. на основе классической традиции. В этом находит свое отражение ее особенность, отличающая ее как от маржиналистского, так и от марксистского взгляда на объединение субъективного и объективного в теории цены-ценности.

Подобного взгляда на идею объединения субъективного и объективного придерживались большинство русских экономистов. Среди них — Н. Дмитриев Н. Столяров, С. Франк, П. Маслов и др.

Особое место в ряду сторонников объединительной концепции в рамках классических традиций, заняло творчество П.Б. Струве. Он был одним из последних русских экономистов, обратившихся к этой теме.

Принадлежность Струве к классическому направлению в экономической науке, не вызывает сомнений. Первая глава первой части

работы «Хозяйство и цена», вышедшей в 1913 г., начинается с описания хозяйства в его классическом понимании: не как «хозяйствования» у маржиналистов, а как телеологического единства «общества-хозяйства».

Исходя из классических оснований в экономической науке (хозяйство, взятое в целом), П. Струве доводит объединительную формулу в теории ценности до выражения ее на примере действия эмпирического рыночного механизма. Учение о ценности-цены сводится у него к короткому тезису: «это учение о самостоятельном характере цены и о статистической природе ценности». В этом тезисе можно увидеть принципиальное отличие теории цены-ценности автора как от марксистского, так и от неоклассического варианта.

Да, цена — денежное выражение ценности. Это верно для всех известных теорий ценности. Отличия между ними сводятся лишь к обозначению того, что в них следует понимать под ценностью. В самом общем виде существует два принципиальных ответа на этот вопрос. В одном случае, под ценностью понимается результат субъективной оценки полезности благ (субъективность), в другом — за ценностью стоят «объективные» затраты, определяющее цену. Но в решении вопроса о соотношения ценности и цены П.Б. Струве пошел другим путем, о чем он и пишет: «Выступая решительным противником самого возведения цены к ценности и, с другой стороны, не придавая особенного значения тонкостям психологического субъективизма в теории ценности, я иду в рассмотрении проблемы цены-ценности своим путем. В отличие от традиционного понимания, которое цену возводит к объективной ценности, я возвожу последнюю к первой» [3, 32]. Иными словами, цена есть реальное эмпирическое явление рыночного хозяйства, которое и определяет истинную ценность, а не наоборот — как это следует из учения Маркса. Цена здесь — результат множества субъективных оценок, за которыми нет никакой абстрактной субстанции.

Субстанция ценности-стоимости у Маркса выступает как метафизическая категория, выражающая усредненные затраты общественно необходимого труда (ОНЗТ). Сторонники марксистского взгляда на ценность (стоимость) исходят из того, что она как универсальная и объективная субстанция представляет собой теоретическое основание для понимания эмпирической реальности. Марксистская теория ценности — это постоянный поиск того, что стоит за

субстанцией эмпирического явления «цена». На самом деле субстанции ценности, которая предшествовала бы реальному акту купли-продажи, не существует. Потому, как пишет П. Струве, «ценность одинаково, и как субстанция, и как *universale* цены, есть понятие, бесполезное для познания эмпирических фактов образования цены: она означает не более и не менее как метафизическую гипотезу, которая не может иметь никакого применения в науке» [3, 29].

Цены ни из чего не выводятся, они лишь результат многих проявлений рыночных обстоятельств, а потому могут быть отражены только статистически. Соответственно теория цены-ценности, по мнению П.Б. Струве, должна ограничиваться лишь статистическим учетом цен.

Выступая против марксистской трактовки объективности метафизической ценности, Струве не принял также и сторону маржиналистов. Понятие «ценности» у него шире, чем просто отношение субъекта к вещи. Нет ценности как явления субъективистского, психологического вне конкретных рыночных актов оценки. Ценность объективируется в цене, но как норма обмена вещами. «То, что принято в современной литературе трактовать под заголовком “субъективная ценность”, есть психический процесс оценки. Когда этот процесс приводит к меновому акту, мы имеем перед собой явление цены» [3, 128]. Цена здесь статистически предстает как типическая норма, «объективистски» средняя величина. И в этом смысле Струве так же, как Маршалл, сводит ценность к рыночному явлению.

Однако в своем подходе к определению цены-ценности статистическим путем Струве все же подвергает критике концепцию равновесной цены А. Маршалла — центральной идеи неоклассического анализа. Концепция равновесной цены в маржиналистском учении исходит из механистического мышления, ориентированного на математику и естествознание. В основу понимания равновесия как закона экономических явлений здесь кладется механизм, устроенный по законам классической механики. На самом же деле состояние равновесия не может быть устойчивым. Рыночные процессы происходят под воздействием множества отдельных хозяйствующих субъектов, преследующих свой частный интерес, а потому имеют неустойчивый и вероятностный характер. Конъюнктура рынка становится постоянно действующим фактором изменения соотношения субъективной ценностной оценки полезности блага и ее внешнего рыночного

выражения в меновой ценности или цены. В связи с этим без статистической обработки цен экономическая наука, по мнению Струве, сводится к построению абстрактных схем, лишенных возможности описания конкретных явлений.

Свое отношение к концепции равновесия Струве изложил в статье «Научная картина экономического мира и понятие “равновесия”» (1923), в которой он обозвал ее абстрактной схемой не соответствующей действительности [1]. Эта концепция — тавтология, в которой равенство между спросом и предложением представлено как равновесие. Но, как утверждает Струве, понятие спроса и предложения без цен мыслиться не может. Цена в экономических рыночных процессах первична и играет определяющую роль.

Цена — это единственная реальная категория хозяйства и именно ее следует изучать. «Рядом с ценой, над нею или под нею не существует никакого другого реального экономического явления» [3, 223]. Очевидно, что Струве выводит эмпирическую цену из теоретического описания всего общественного хозяйства, взятого в целом. Отсюда и соответствующее название его знаменитой работы — «Хозяйство и цена», что соответствует классической традиции в экономической науке. Теория цены-ценности, ставшая центральным местом творчества Петра Струве, развивает идею синтеза на основе классической традиции, принятой в отечественной экономической науке.

Итак, заметим, реально существовавший в свое время в русской экономической науке вариант решения проблемы объединения субъективной и объективной сторон теории ценности не был воспринят мировой экономической наукой. Очевидно, в России он был отвергнут по идеологическим причинам. В западной экономической науке классическая традиция в понимании общественного хозяйства как исходного пункта экономического анализа также не стала популярной.

Литература

1. Струве П.Б. Научная картина экономического мира и понятие «равновесия» // Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2006.
2. Струве П.Б. Против ортодоксальной нетерпимости // Жизнь. 1899. № 10. С. 296—297.

3. Струве П.Б. Хозяйство и цена / Под ред. А. Дмитриева. М.: Издательство Института Гайдара; СПб.: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2022.

4. Туган-Барановский М.И. Основная ошибка абстрактной теории капитализма К. Маркса // Научное обозрение. 1899. № 5.

5. Туган-Барановский, М.И. Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причины их ценности // Юридический вестник. 1890. № 10.

Reference

1. Struve P.B. Nauchnaya kartina ekonomicheskogo mira i ponyatie «ravnovesiya» // Istoki. Iz opyta izucheniya ekonomiki kak struktury i processa. M.: ID GU-VSHE, 2006.

2. Struve P.B. Protiv ortodoksal'noy neterpimosti // Zhizn'. 1899. № 10. S. 296—297.

3. Struve P.B. Khozyaystvo i cena / Pod red. A. Dmitrieva. M.: Izdatelstvo Instituta Gaydara; SPb.: Fakultet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU, 2022.

4. Tugan-Baranovskiy M.I. Osnovnaya oshibka abstraktnoy teorii kapitalizma K. Marksa // Nauchnoe obozrenie. 1899. № 5.

5. Tugan-Baranovskiy, M.I. Uchenie o predel'noy poleznosti khozyaystvennykh blag kak prichiny ikh cennosti // Yuridicheskiy vestnik. 1890. № 10.

П.П. ЖУЛИКОВ

Человек и капитал*

Аннотация. В текущих отрезках времени происходят сложные деформации в экономике, смысл которых трудно осознать в традиционной парадигме. Экономика из статистической полунауки трансформировалась в идеологию развития капитала, который глобализировался, интернационализировался и стал основным

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Жуликов П.П. Человек и капитал // Философия хозяйства. 2022. № 4. С. 115—122.

субъектом, регулирующим все хозяйственные процессы. Капитал сегодня — это нейронная сеть, которая покрывает мировое хозяйство ИТ-технологиями, контролирует и управляет мировым хозяйством через своих адептов — банкиров, для которых человек — всего лишь фактор производства, ресурс в ряду других.

Ключевые слова: экономика, идеология капитала.

Abstract. In the current periods of time, there are complex deformations in the economy, the meaning of which is difficult to grasp in the traditional paradigm. Economics has been transformed from a statistical semi-science into the ideology of the development of Capital, which has become globalized, internationalized and has become the main subject that regulates all economic processes. Capital today is a neural network that covers the world economy with IT-technologies, controls and manages the world economy through its adherents — bankers, for which a person is just a factor of production, a resource among others.

Keywords: economics, ideology of capital.

УДК 330
ББК 65

Что сегодня происходит с мировой и национальными экономиками? Адекватно ответить проблематично несмотря на то, что этим вопросом занимается огромная армия специалистов.

Во-первых, существует дефинитивная путаница, только в русской транскрипции существует более 2000 определений термина «экономика», что осложняет понимание ее существа.

Во-вторых, современная вузовская экономическая теория не отражает весь спектр реальных событий и процессов, происходящих на мировом театре экономических действий (МТЭД) и не учитывает трансформацию целеполагания в развитии мирового хозяйства.

В-третьих, в МТЭД происходит смена, а точнее — легализация главного режиссера, или руководителя, властителя мирового хозяйства.

Если из многочисленных источников скомпилировать современное обобщающее определение термина, то получится, что «...экономика — это вид *социальной* науки, изучающий

взаимоотношения людей в процессе производства, потребления, распределения и обмена товаров или услуг». Такое определение размыкает сущность экономики, придает ей совсем не свойственные смыслы и скрывает реальные инструменты и механизмы управления мировым экономическим хозяйством.

Неискушенному наблюдателю, находящемуся в социальной среде в текущих отрезках времени и пространства, кажется, что все верно, согласно формальной логике в экономике «изучаются взаимоотношения людей и т. д.» и всеми этими процессами управляют такие же, как и он — наблюдатель — люди, выбранные во власть. Подавляющее большинство населения планеты, независимо от страны, именно так и думает. Все понятно, логично и условно-стабильно, замыкается колесо бытия: люди рождаются, живут, воюют, молятся, учатся, голосуют, борются за место во властных структурах, потребляют какие-то блага, умирают. Понятно и логично, демократично, даже либерально. Наблюдателю, погруженному в среду обитания, не видно, что происходит на самом деле, кто и для чего варит этот социальный бульон, в котором потребление определяется близостью к капиталу. Однако приподнявшись над средой и посмотрев на происходящие события с шагом хотя бы в десять лет, наблюдатель уже сможет заметить, что время деформирует властные структуры и формации, меняет технологии, социально-политические системы и т. д., но при этом прослеживается некоторая закономерность развития капитала: «При любом развитии событий капитал умножается». Прослеживается и следствие: «Если капитал не умножается, то формация утилизируется», и умозаключение: «Уровень потребления определяется по близости к капиталу».

При шаге в пятьдесят лет наблюдатель увидит более масштабные изменения: смену всех властителей, деформацию всех формаций, социальной среды, развитие технологий. Меняется все, и наблюдатель начинает понимать, что закономерность становится законом развития капитала. Капитал при любом движении развивается, и как только в общественной структуре этот закон нарушается, она утилизируется, а накопленный капитал напрямую или опосредованно идет в мировую копилку. Следует отметить, что в рамках этого закона работает много других законов экономики, обеспечивающих оптимальную работу основного закона капитала, например, закон потребления

по близости к капиталу или закон неприкосновенности частной собственности.

При желании на этом уровне наблюдатель может заметить, что в мировом и локальном формате экономические процессы происходят фрактально, хотя и с некоторыми изменениями. В любой государственной структуре или экономической формации в соответствии с основным законом выстраивается одна и та же фрактальная экономическая модель.

Как только на любом уровне развития сформируется какое-то сообщество, сразу же выстроится уровневая иерархия частной собственности (власти, потребления), в которой люди будут жить, как в питательном бульоне, будут размножаться, работать, воевать и т. д. Но, когда умножение капитала замедляется (нарушается основной закон), формация приходит в упадок и становится историей.

Анализируя развитие мирового экономического хозяйства, наблюдатель может увидеть, что развитие лидирует в трех направлениях — военном, религиозном и образовательном под контролем Капитала. И при этом снижаются полномочия властных структур на муниципальном, региональном и государственном уровне. Избранные представители власти реально не управляют экономическими процессами и становятся публичными спикерами капитала, что диссонирует с представлениями о структуре управления современной экономикой.

Сложно понять, но еще труднее признать, что в управлении экономикой роль людей, человека нивелируется на всех уровнях. Но если подняться над средой, наблюдатель может заметить, что при всех катаклизмах, войнах, религиозных интригах, переворотах всегда сохранялась только одна сущность. Исчезали и возрождались страны, города, селения, но никогда не исчезала эта всем известная, но загадочная сущность по имени «капитал» — в многообразии форм. Современная экономика — это концептуально оформленная идеология развития капитала в многообразии различных форм, форматов и формаций.

Конечно, обидно и страшно думать, что почти всем экономическим мировым хозяйством управляет капитал-деньги. Бытовое сознание протестует только от одной мысли об этом, ведь были великие люди, совершали великие деяния, созидали, творили, правили... Да,

были, свершали, правили и уходили в историю, а капитал всегда оставался и был в тени помпезности власти, которой правил. Страшно это осознавать, но если задуматься, смог бы самый талантливый полководец, религиозный служитель, ученый совершить свои великие деяния, не получив благословение капитала? А сколько гениальных идей, сколько талантов зачахло, так и не получив доступ к капиталу.

Современное мировое экономическое хозяйство развивается в театре экономических действий (МТЭД) по сценариям капитала, который создает сценарии-ситуации, режиссеры-банкиры осуществляют их постановку. Актеры-властители разных мастей разыгрывают спектакли в различных географических точках. Обслуживающий персонал, т. е. те, кого раньше называли населением, живут, учатся, работают, решают задачи, выстроенные режиссерами и контролируемые актерами, стал человеческим ресурсом бизнеса. А остальные — это зрители, активно или пассивно созерцающие игру.

Наблюдателю трудно принять такую модель развития общества, он отрицает ее.

— Нет! Не может такого быть! Это бред больного воображения! Есть желание разобраться в ситуации, ведь есть же цель у экономики?

Компилируя информацию из многочисленных источников, наблюдатель формулирует обобщающее определение публично декларируемой цели экономики: *целью экономики является рациональное использование ограниченных ресурсов для производства полезных материальных благ, предназначенных для удовлетворения материальных потребностей и желаний людей.*

Понятная цель. Однако наблюдателя даже при очень лояльном подходе берут сомнения в ее соответствии действительности. Не все произведенные продукты являются благом, не все продукты предназначены для удовлетворения материальных потребностей и желаний людей, и не у всех удовлетворяются материальные потребности и желания. Политики публично говорят о заботе, о человеке, декларируют, что человек — это субъект общественно-исторической деятельности и культуры, но наблюдатель понимает, что человек уже не демиург и не творец.

Капитал «седиментирует» и сортирует человеческий ресурс. Организует в политэкономическом пространстве профессиональную подготовку (обучение), унитаризирует в соответствии с требованиями бизнеса (капитала). Ценность каждого человека (ресурсной единицы) определяется его профессиональной пригодностью для решения поставленных бизнесом (капиталом) задач в соответствующей социальной ячейке, определенной капиталом (бизнесом). Капитал формирует организационные структуры для исполнения проектов, создает и стирает государства, организует производства. И какова цель?

Современные экономисты-практики, понимая и принимая ситуацию, избегают темы целеполагания экономики, прикрываясь специальными терминами типа «реальная реальность». Такой подход позволяет придумывать любые цели экономики: и развитие технологий, и заботу о людях, и вообще все что угодно.

Целеполагание в развитии мировой экономики тема скользкая, современная реальность сформировала современную экономическую теорию (СЭТ), в которой целеполагание экономики маркируется как что-то абстрактное, не заслуживающее внимания на фоне текущих маркетинговых задач организации уровня потребления. В результате в обществе формируются ложные представления об основных процессах экономики спросе и предложении, цене и стоимости, уровнях потребления и т. д.

Для сглаживания острых углов такой модели созданы две матрицы макро- и микроэкономики, которые географически и социально разделяют региональные экономики и упрощают обоснование мировому сообществу потребителей необходимость разноуровневого потребления на всех этажах модели, поскольку это позволяет оптимизировать производственные процессы.

Разделение труда, специализация производства, специализация рынков, сетевая логистика, цифровизация и т. д. позволяют централизованно управлять уровнем цен, уровнем производства и уровнем потребления во всех регионах планеты — играть так называемыми статистическими показателями производства, торговли, потребления, безработицы, инфляции, национального дохода и т. д.

Однако экономика как идеология развития капиталистического общества (точнее — капитала) всегда приводила к краху,

устойчивое длительное развитие таких фракталов не получалось, но по каким-то непонятным причинам каждый раз модель возрождалась в более крупном масштабе и более жестком формате. Многие исследователи считают главной причиной провала фрактальных экономических проектов несправедливость распределения — потребления благ. У наблюдателя возникает сомнение — только ли это (?), и появляется желание более пристально рассмотреть вопрос о том, что, как и для кого производится, и понять, кем и для чего организована такая иерархическая система производства и потребления. Очевидно, что не только и не столько для заботы о населении, его благосостоянии. Достаточно посмотреть расходную часть реального бюджета любой страны. Это забота о трудовом ресурсе, который нужно оптимизировать и рационально использовать для выполнения заданных капиталом функций что-то производить? Потребление в сообществе организуется для формирования оптимального трудового ресурса для каждого конкретного производственного уровня, для каждого технологического передела и не более того. На каждый производственный уровень, на каждый технологический передел организуется подготовка факторов производства. Заготавливаются, перерабатываются сырье, энергия, трудовой ресурс. Звучит, конечно, непривлекательно, но человек в экономике — это всего лишь фактор производства, который отбирается, сортируется, обучается (программируется) для решения конкретных задач — и не обязательно для производства благ.

Капитал сегодня решает глобальную задачу развития мирового хозяйства с оптимизацией издержек производства. И, когда наблюдатель посмотрит на ситуацию с позиций капитала, то сможет понять, что в первую очередь капитал по законам бизнеса будет оптимизировать человеческий ресурс всеми доступными методами: милитаристическими, религиозными, образовательными. А проще говоря, капитал будет сокращать непроизводительный, неэффективный человеческий ресурс, что, собственно, наблюдатель видит в течение всей истории развития мирового сообщества

Конечно, можно рассуждать об эффективном менеджменте, маркетинге, системной логистике, капитализме (технологии развития капитала) с человеческим лицом и т. п., но пора вспомнить

К. Маркса: капитализм — это тупиковый вариант, и простых решений выхода из сложившейся ситуации нет.

Просматривается только один вариант — создание иной формации, исключающей абсолютную власть Капитала. И, похоже, это путь России.

А.Н. БАЛАНОВ

Цифровизация организации как способ повышения конкурентоспособности экономики*

Аннотация. Автором рассматривается цифровизация организаций как один из способов долгосрочного повышения уровня конкурентоспособности экономики Российской Федерации. Главным образом, в статье анализируется проблема низкого уровня цифровизации отечественных компаний, затрагиваются вопросы течения данных процессов, особенностей развития компании через цифровые технологии, а также изучаются подходы к организации цифрового производства. Особое внимание отводится положительным и отрицательным факторам цифровизации компании с их тесной связью с повышением конкурентоспособности экономики. По результатам проведенного теоретико-аналитического исследования можно сказать, что цифровизация предприятий действительно является перспективным направлением развития, поскольку позволяет более точно и быстро реагировать на изменения как внешних, так и внутренних условий осуществления бизнес-процессов. Вместе с тем, эффективная цифровая система требует высоких капиталовложений со стороны компании.

Ключевые слова: цифровизация, конкурентоспособность экономики, развитие компании, автоматизация.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: А.Н. Баланов. Цифровизация организации как способ повышения конкурентоспособности экономики // Философия хозяйства. 2022. № 4. С. 122—132.

Abstract. Author examines the digitalization of organizations as one of the ways to long-term increase the level of competitiveness of the Russian economy. Mainly, the article analyzes the problem of a low level of digitalization of domestic companies, discusses the flow of these processes, features of the company's development through digital technologies, and also studies approaching to organize digital production. In addition, the article pays special attention to the positive and negative factors of digitalization of the company with their close relationship with the increase in the competitiveness of the economy. According to the results of the theoretical and analytical study, it can be said that digitalization of enterprises is indeed a promising direction of development, since it allows you to more accurately and quickly respond to changes in both external and internal conditions for the implementation of business processes. At the same time, an efficient digital system requires a high capital investment on the part of the company.

Keywords: digitalization, competitiveness of the economy, company development, automation.

УДК 336
ББК 65

На современном этапе формирование инновационной, конкурентоспособной экономики является одной из стратегических задач Российской Федерации, которая достигается несколькими возможными путями. Так, одним из них выступает цифровизация экономики. Важно отметить, что при этом процессы, происходящие в рамках цифровизации, должны охватывать не экономику в целом, а ее отдельные ячейки — предприятия. Только в таком случае будет происходить максимально плавный и действенный переход в цифровую реальность, после которого вся система в перспективе подвергнется процессам структурного развития. К сожалению, сегодня многие отечественные компании не ориентируются на цифровые возможности, что обуславливается не только кризисом компаний, но и низким уровнем развития корпоративной культуры. Причем, как показывает практика, самыми распространенными из таковых являются градообразующие компании и предприятия, которые сильно влияют на экономическое состояние отдельных территорий. Таким образом,

отсутствие ориентированности на цифровизацию внутренних организационных процессов в целом снижает темпы развития экономики не только отдельных территорий, но и региона, а, как следствие, всей экономики страны, что является важной проблемой. В этой связи особую актуальность приобретают теоретико-аналитические и практико-ориентированные исследования, направленные на выявление особенностей течения процессов цифровизации.

Цель данной статьи — проведение теоретического анализа цифровизации предприятий как способа повышения конкурентоспособности экономики, а также выявление характерных особенностей данного процесса.

Сегодня основой упор экономического развития Российской Федерации отводится на становление инновационной конкурентоспособной экономики. В рамках текущих стратегий достижение поставленной глобальной цели возможно только через осуществление комплексных механизмов и мероприятий. Одним из таковых выступает цифровизация экономики, предполагающая перевод экономических категорий в цифру. Само понятие «цифровая экономика» является обобщающим, оно характеризует целую экономическую систему, в рамках которой деятельность предприятий основывается на цифровых технологиях и информации, которая становится ключевым фактором производственной деятельности. Вместе с тем, в рамках цифровой экономики главный ориентир отводится не информационно-коммуникационным технологиям, а товарам и услугам, которые представлены в рамках этих технологий. Это различные направления ведения электронного бизнеса — осуществления деятельности компаний с позиции ориентира на применение цифровой продукции и активного ее внедрения в производственный процесс как основной единицы деятельности. Таким образом, цифровизация экономики является многоаспектным явлением и, в то же время, становится неизбежной, поскольку предоставляет колоссальные возможности по расширению границ ведения деятельности со стороны хозяйствующего субъекта [3, 9].

При этом, рассматривая цифровизацию с позиции конкретной компании, важно понимать, что данный процесс имеет собственные характерные особенности. В первую очередь, цифровизация предприятия является следствием смены ее ориентиров в пользу

применения инновационных технологий, внедряемых во все аспекты осуществления бизнес-процессов. При таком подходе технологии, используемые на предприятии, подвергаются структурному изменению в сторону формирования новых продуктов и услуг, которые, главным образом, способствуют долгосрочному повышению экономического эффекта от деятельности компании. Вместе с тем, цифровая трансформация компании как процесс ее перевода в цифровую экономику является планомерным и довольно комплексным мероприятием, которое начинается с разработки концепции, а заканчивается ее реальным введением в бизнес-структуру компании. Вместе с тем, важно отметить, что данный процесс предполагает ряд особенностей, связанных с его организацией и дальнейшим течением [2].

Во-первых, это ориентированность на инновационное развитие через достижения цифровых технологий. Само внедрение инноваций предполагает расширение производства, его автоматизацию и увеличение выпускной способности через применение цифровых возможностей.

Во-вторых, это упор на осуществление научно-исследовательской работы в рамках предприятия, которая позволит в перспективе укрепить технологическую составляющую за счет смены подходов к организации производственной деятельности.

В-третьих, это формирование гибкости компании за счет создания управленческой системы посредством применения цифровых технологий (например, возможности применения комплексных мониторинговых систем, организации аналитических отделов (через регулярный анализ основных качественных и количественных показателей деятельности компании)), выработку автоматизированных управленческих решений, повышение согласованности функциональных отделов, упрощение обмена информацией между различными структурными подразделениями компании и др. [7].

Так, подытожив вышеизложенное, можно отметить, что сама цифровизация предоставляет практически безграничные возможности для организации инновационной бизнес-модели, вместе с тем текущие ограничения основываются на финансовом аспекте внедрения цифровых технологий. Цифровизация компании достигается посредством таких основных способов осуществления данного процесса, как:

- формирование цифровых сервисов в рамках деятельности компании;
- реализация политики индивидуализации отдельных номенклатурных групп;
- использование технологий как способа привлечения клиента и его включения в бизнес-процесс;
- налаживание многосторонней связи с клиентом в течение всего процесса создания продукции (от создания до реализации);
- создание целого потока единичных заказов, что ускоряет работу всей системы производства;
- высокая интегрированность между всеми участниками действующей системы и функциональными подразделениями и др. [6].

Вместе с тем, стоит сказать, что перечень конкретных возможностей зачастую является довольно гибким и изменчивым, так как напрямую определяется текущими выходными параметрами цифровой системы. Однако зависимость от параметров — довольно спорный вопрос, решить который можно при привлечении сторонних услуг, например, облачных цифровых сервисов, через которые будет происходить обмен данными. С одной стороны, такой подход требует осуществления затрат на оплату аренды занимаемого места и используемых мощностей (от повышения величины которой будет зависеть не только стоимость, но и отзывчивость всей системы), а с другой — позволяет решить многие вопросы, включая защищенность информации в рамках специально созданной системы.

Так, специфичные особенности или достижения цифровизации в рамках предприятия заключаются в полной свободе действий хозяйствующего субъекта, так как он формирует стратегию использования цифровых технологий, ориентируется на развитие собственных систем или же на использование сторонних ресурсов и пр. Можно отметить, что чем выше затраты предприятия на данную отрасль, тем, зачастую, выше безопасность данных. Однако излишне высокие затраты не говорят об эффективности внедрения цифровых технологий; это подчеркивает важность поиска оптимальных соотношений данных показателей [5]. Таким образом, развитие программ цифрового производства напрямую зависит от потребностей компании, специфики ее деятельности, определяется банальными возможностями в реализации намеченных планов. Однако само внедрение

направлений и способов достижения цифровизации зачастую имеет некоторые единые специфичные особенности. К ним можно отнести следующие.

1. Внедрение цифровых способов сопровождения циклов производственного процесса (например, за счет внедрения мониторинговых электронных систем, нацеленных на отслеживание всех этапов производства продукции от проектирования, до реализации).

2. Упор на введение электронного документооборота. Стоит отметить, что в течение последних лет государство также стимулирует данное направление и формирует нормативно-правовую базу для комплексного осуществления электронного документооборота через цифровые платформы «Госуслуги» и ЕСИА. В таком случае предприятие также ориентируется на их использование с позиции различных видов отчетности.

3. Реализация политики по цифровизации процесса ведения управленческой деятельности в рамках предприятия; такой подход предполагает не просто введение мониторинговых процессов, но и полную автоматизацию производственного цикла через реализацию «цифровой фабрики».

4. Создание интегрированной, закрытой информационной платформы предприятия, которая будет присоединена к организационным аспектам деятельности компании, что позволяет налаживать коммуникационные процессы, а также обмен информацией между различными функциональными подразделениями.

5. Формирование поддерживающих производственных процессов интегрированных цифровых систем, которые позволяют учитывать состояние отдельных видов оборудования, производить технические и технологические расчеты, планирование, а также постановку текущих задач и целей компании, согласованных с оптимальными производственными возможностями компании [5].

Все вышеизложенное так или иначе тесно соотносится не только с процессом цифровизации, но и с внедрением инноваций в рамках компании. Реализация инновационной политики компании является одним из способов дальнейшего ускорения развития организации как с качественной, так и с количественной стороны, что выражается в создании дополнительных возможностей по производству продукции. Кроме того, это позволяет повысить

конкурентоспособность предприятия в рамках рынка. Важно понимать, что укрепление рыночных позиций является одним из возможных стимулов к дальнейшему расширению деятельности хозяйствующего субъекта. Распространение на другие региональные рынки, переход на межгосударственное пространство — все это является возможностями инновационного развития, в том числе и цифрового [8].

Вместе с тем, у цифровизации компании есть ряд других преимуществ:

- повышение эффективности производственных процессов за счет возможности формирования налаженной высокоскоростной обработки огромных массивов данных, что позволяет более точно производить оптимизационные процессы;
- высокая результативность цифровых, мониторинговых процессов, что позволяет компании воздействовать на основные аспекты происходящих бизнес-процессов и отслеживать эффективность всех этапов производственной деятельности (а как следствие, в совокупности с вышеперечисленным достоинством, производить усиленный сбор более точных данных, на основе которых будет повышаться качество принимаемых управленческих решений);
- снижение влияния человеческого фактора в деятельности компании, что позволяет искоренить ряд проблем, связанных с коррупцией, формализацией, несоблюдением инструкций и алгоритмов, а также ряда др.;
- достижение высокой прозрачности компании за счет сохранения (и отражения) всех производимых операций на всех этапах ведения бизнес-процессов;
- снижение налоговых и прочих выплат, связанных с обслуживанием расходов по персоналу, что достигается за счет снижения количества занимаемых человеком рабочих мест (за «ненужностью»);
- повышение престижа компании среди других на рынке за счет правильной организации маркетинговой деятельности и использования собственных цифровых преимуществ [6, 7].

Вместе с тем, у цифровизации компании имеется несколько основных недостатков:

1) высокая стоимость введения цифровизации во все циклы производства (полная цифровизация требует огромных капитальных вложений, которые могут осуществляться далеко не каждым предприятием);

2) созданная цифровая система требует постоянного обеспечения и обновления механизмов защиты, что является не только затратным, но и сложным мероприятием, поскольку гармоничная разработка цифровой безопасной системы требует огромной проработки;

3) малое количество отечественных технологий, что выражается в зависимости итоговых цен на импортное цифровое оборудование от курса евро и доллара, что повышает стоимость производимых капиталовложений [4, 7].

Несмотря на все вышеизложенное, положительный опыт введения цифровизации компаний в долгосрочной перспективе сказывается на конкурентоспособности экономики региона. Это заключается в том, что общее усиление предприятий, их долгосрочный рост и развитие способствуют повышению не только налоговых отчислений, но и усилению влияния компании на итоговое состояние рынка [10]. В связи с цифровизацией возможны быстрые темпы перехода компании на межрегиональный рынок. Последующий успешный рост, внедрение инноваций и привлечение инвесторов могут повысить конкурентоспособность компании до международного уровня, что выведет ее на межгосударственную арену, что, главным образом, положительно характеризует экономику родины. Так, можно отметить, что цифровизация компании является перспективнейшим направлением; данное суждение подчеркивается выводами О. Дураевой и Д. Аракчеева, которые отмечают, что «цель оптимизации существующих процессов, как и разработки новых — повышение конкурентоспособности предприятия на глобальных рынках», при этом, такое повышение рассматривается в контексте цифровизации предприятия [1]. Как показывает практика, многие авторы, рассматривающие концептуальные модели по внедрению цифровых технологий, подчеркивают эффективность внедрения разработанных систем, основанных на работе цифровых технологий.

Таким образом, можно сказать, что цифровизация экономики сегодня является одним из важнейших направлений, в сторону

которых государство должно производить собственные капиталовложения, осуществлять поддержку цифровых предприятий.

Важно отметить, что цифровизация в перспективе имеет ряд преимуществ, которые в долгосрочном планировании отражают высокую окупаемость направляемых инвестиционных средств. Вместе с тем, главные факторы, сдерживающие течение данного процесса, связаны с необходимостью поиска импортных цифровых систем, что, главным образом, сказывается на стоимости осуществления инвестиционной деятельности. Однако, несмотря на это, все предоставляемые возможности отражают действительно высокие возможности в практическом внедрении цифровых систем в деятельность компании. Например, реализация управленческого механизма исключает влияние множества факторов на принятие управленческих решений, повышает эффективность осуществляемой аналитики, а также скорость принятия решений, что в рамках динамичной рыночной экономики становится одним из ключевых факторов успешности происходящих бизнес-процессов внутри компании.

Таким образом, данное теоретико-аналитическое исследование отражает перспективность течения цифровизации в рамках экономики страны. Кроме того, цифровизация отдельных компаний позволит повысить конкурентоспособность всей экономики Российской Федерации.

Литература

1. Дударева О.В., Аракчеев Д.В., Дударев Д.Н. Концептуальные аспекты перехода к умному производству в условиях цифровизации // Организатор производства. 2020. № 4. С. 7—15.
2. Иващенко А.В., Никифорова Т.В. Цифровизация организационной структуры управления производственным предприятием // Известия Самарского научного центра РАН. 2021. № 2. С. 46—50.
3. Красюк И.А., Пашиоликов М.А. Влияние маркетинговой стратегии на деятельность промышленного предприятия в условиях цифровизации // Практический маркетинг. 2021. № 4. С. 10—16.
4. Курилова А.А., Савенков Д.Л. Менеджмент цифровизации промышленных компаний // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. № 4 (29). С. 235—237.

5. *Огнивцев С.Б.* Цифровизация экономики и экономика цифровизации АПК // Международный сельскохозяйственный журнал. 2019. № 2. С. 77—80.
6. *Сизова О.В., Махалкина Е.С.* Повышение эффективности управления промышленным предприятием в условиях цифровизации российской экономики // Известия вузов. Сер. ЭФиУП. 2021. № 1 (47). С. 140—151.
7. *Тешев В.А., Нагоев А.В., Хасинова Т.Г.* Цифровизация экономики в России: «за» и «против» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5: Экономика. 2019. № 1 (235). С. 114—118.
8. *Халида С.Б.* О цифровизации экономики в Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 3. С. 82—84.
9. *Ширинкина Е.В.* Многофакторная модель развития цифровизации бизнес-процессов предприятий // Теоретическая и прикладная экономика. 2021. № 2. С. 1—10.
10. *Яковлева Е.В., Ильина Ю.С.* Экономическая динамика промышленных предприятий в условиях цифровизации // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2021. № 3. С. 114—120.

References

1. *Dudareva O.V., Arakcheev D.V., Dudarev D.N.* Konceptual'nye aspekty perekhoda k umnomu proizvodstvu v usloviyah cifrovizacii // Organizator proizvodstva. 2020. № 4. С. 7—15.
2. *Ivashchenko A.V., Nikiforova T.V.* Cifrovizaciya organi-zacionnoj struktury upravleniya proizvodstvennym predpriyatiem // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN. 2021. № 2. S. 46—50.
3. *Krasyuk I.A., Pasholikov M.A.* Vliyanie marketingovoj strategii na deyatel'nost' promyshlennogo predpriyatiya v usloviyah cifrovizacii // Prakticheskij marketing. 2021. № 4. S. 10—16.
4. *Kurilova A.A., Savenkov D.L.* Menedzhment cifrovizacii promyshlennyh kompanij // Azimut nauchnyh issledovanij: ekonomika i upravlenie. 2019. № 4 (29). S. 235—237.

5. Ognivcev S.B. Cifrovizaciya ekonomiki i ekonomika cifrovizacii APK // *Mezhdunarodnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal*. 2019. № 2. S. 77—80.
6. Sizova O.V., Mahalkina E.S. Povyshenie effektivnosti upravleniya promyshlennym predpriyatiem v usloviyah cifrovizacii rossijskoj ekonomiki // *Izvestiya vuzov. Ser. EFiUP*. 2021. № 1 (47). S. 140—151.
7. Teshev V.A., Nagoev A.V., Hasinova T.G. Cifrovizaciya ekonomiki v Rossii: «za» i «protiv» // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5. Ekonomika*. 2019. № 1 (235). S. 114—118.
8. Halida S.B. O cifrovizacii ekonomiki v Rossijskoj Federacii // *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. 2019. № 3. S. 82—84.
9. SHirinkina E.V. Mnogofaktornaya model' razvitiya cifrovizacii biznes-processov predpriyatij // *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika*. 2021. № 2. S. 1—10.
10. YAKovleva E.V., Il'ina YU.S. Ekonomicheskaya dinamika promyshlennyh predpriyatij v usloviyah cifrovizacii // *Omskij nauchnyj vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 2021. № 3. S. 114—120.

А.А. ЗОЛОТУХИН

Эндогенная трудовая теория роста*

Аннотация. Трудовая теория стоимости являлась доминирующей теорией стоимости в России до рыночных реформ 1991 г. Тем не менее, серьезной критике она подвергалась еще в начале XX в. в работах Борткевича. Он сформулировал проблему перехода стоимостей в цены как пример внутреннего противоречия трудовой теории стоимости. В статье подчеркивается: развитие аналитических макроэкономических теорий, в основе которых лежит трудовая теория стоимости, остается актуальной задачей. Автор формулирует эндогенную теорию роста на основе трудовой теории стоимости. Доказывается, что в условиях гиперболического роста численности населения

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Золотухин А.А. Эндогенная трудовая теория роста // *Философия хозяйства*. 2022. № 4. С. 133—152.

долгосрочный рост экономики оказывается невозможным. Выделяются условия экстенсивного и интенсивного роста. Прогнозируется дальнейшая динамика мирового ВВП.

Ключевые слова: трудовая теория стоимости, классическая теория, теория роста, гиперболический рост.

Abstract. The labor theory of value was the dominant theory of value in Russia before the market reforms of 1991. Nevertheless, it was seriously criticized at the beginning of the twentieth century in the works of Bortkevich. He formulated the problem of the transition of values into prices as an example of the internal contradiction of the labor theory of value. The article emphasizes that the development of analytical macroeconomic theories based on the labor theory of value remains an urgent task. The author formulates an endogenous theory of growth based on the labor theory of value. It is proved that in conditions of hyperbolic population growth, long-term economic growth is impossible. The conditions of extensive and intensive growth are highlighted. The further dynamics of global GDP is predicted.

Keywords: labor theory of value, classical theory, growth theory, hyperbolic growth.

УДК 330
ББК 65

Введение

Теории эндогенного роста стали набирать популярность в 1980 гг. XX в. и сегодня широко используются для моделирования экономических процессов. Их главным отличием от теорий экзогенного роста является включение технологического прогресса в переменные, определяемые внутри модели. Если в большинстве моделей экзогенного роста накопление капитала было лишь экстенсивным фактором роста, не позволяющим выйти на траекторию устойчивого роста (исключением являлась модель Харрода-Домара [9], в основе которой лежала гипотеза о неполной занятости), то в эндогенных теориях роста технологический прогресс оказывался переменной, которая поддается контролю и управлению. Наиболее известны подходы Лукаса и Узавы [10; 13], объясняющие долгосрочный рост

включением в производственную функцию человеческого капитала, и Ромера [11], который связывал технологический прогресс с обучением в процессе деятельности и накоплением фундаментальных знаний, являющихся общественным благом.

С одной стороны, эндогенные теории позволили решить одну из проблем экзогенных теорий — объяснить долгосрочные причины роста. С другой — они унаследовали некоторые нерешенные проблемы экзогенных теорий. Вслед за экзогенными теориями роста в эндогенных теориях использовалась неоклассическая производственная функция, что порождало ряд вопросов, впервые сформулированных во время кембриджской дискуссии о капитале [5]. В первую очередь, это проблема агрегирования, разбору которой сегодня посвящена обширная литература [2; 8; 12].

Обоснованность использования неоклассической производственной функции обсуждается сейчас: так, Шейхх в своей работе [8] убедительно продемонстрировал, что высокие коэффициенты детерминации, появляющиеся при проверке производственной функции на эмпирических данных, являются следствием алгебраической структуры неоклассической производственной функции, а не опытным обоснованием ее применимости (на чем, к примеру, настаивал Солоу). Стоит сказать, что общепризнанной процедуры агрегирования на сегодня не предложено [1], а существующие методы подвергаются серьезной критике [12]. Несмотря на то, что найдены подходы, такие как построение агрегированных производственных функций с пластичным капиталом [2], которые позволяют сгладить эту проблему, построение альтернативных теорий продолжает представлять интерес.

В данной работе будет рассмотрен принципиально иной подход к проблеме роста. В его основу будет положена трудовая теория стоимости (ТТС). Первая теория роста на этом базисе была предложена Марксом во втором томе «Капитала» в виде модели расширенного воспроизводства. В работе развивается формализм, представленный в нашей статье «Теория роста на основе трудовой теории стоимости» [3] и дополненный предположением об эндогенности двух определяющих динамику экономического роста величин, которые в «Теории роста...» задавались экзогенно: нормы накопления и нормы инвестиций в инновации. ТТС формулируется в том виде, в каком

она была предложена в первом томе «Капитала» (подробнее о разнице между подходами в первом и третьем томах можно прочитать в книге Э. Фарйона и М. Макхувера «Законы Хаоса. Вероятностный подход к политической экономии» [7]).

Производственная функция

Перед построением агрегированной, однотоварной производственной функции следует обсудить два принципиальных вопроса: переход от микроэкономических систем уравнений к макроэкономическим и формирование единой нормы прибыли. В трудовой теории стоимости в условиях равновесия, когда фактические затраты труда совпадают с общественно необходимыми, цены товаров определяются из решения системы уравнений:

$$K_i = A_{ij}K_j + (1 + a)L_i,$$

где A_{ij} — технологические коэффициенты, характеризующие потребление товаров из разных секторов, a — норма прибавочной стоимости, а L_i — заданный вектор общественно необходимых затрат абстрактного труда. По повторяющимся индексам предполагается суммирование. Последняя величина является аддитивной, а потому агрегирование труда осуществляется простым суммированием по всем компонентам вектора L_i . Поскольку здесь и далее рассматривается случай равновесия, когда цены и стоимости совпадают, под L_i всегда будут пониматься общественно необходимые затраты труда. Решением стоимостных уравнений является следующая система:

$$K_j = (1 + a)(E_{ij} - A_{ij})^{-1}L_i.$$

Цена произведенных товаров определяется линейной комбинацией общественно необходимых затрат труда. В виду аддитивности величины L_i , аддитивной оказывается и величина K_j , что позволяет перейти от системы микроэкономических уравнений к однотоварной агрегированной модели путем простого суммирования величин K_j и L_i .

В неоклассических теориях роста формирование единой нормы прибыли обусловлено маржиналистскими представлениями о труде и капитале. Поскольку предельная производительность по мере увеличения использования каждого из факторов производства убывает, при достижении оптимального уровня выпуска во всех

секторах народного хозяйства оказывается, что норма прибыли одинаковая. В трудовой теории стоимости основную роль в формировании цены играют средние, а не предельные величины затрат труда. Поскольку вектор общественно необходимых затрат труда предполагается заданным, а между секторами в виду свободного перетока рабочей силы происходит выравнивание нормы прибавочной стоимости a , нет никаких основания полагать, как это делал Маркс в третьем томе «Капитала», что должна выравниваться и норма прибыли. Исходя из представлений трудовой теории стоимости, средняя норма прибыли может быть записана в виде

$$\bar{r} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \frac{aL_i}{B_{ij}K_j + L_i},$$

где B_{ij} — технологическая матрица, описывающая количество задействованного капитала из других секторов. Однако такое представление нормы прибыли малоинформативно, поскольку сектора могут сильно отличаться как по объему выпуска, так и по количеству задействованного труда. Поэтому рациональнее использовать средневзвешенную норму прибыли, которая может быть представлена через агрегированные величины:

$$r = \sum_{i=1}^n \frac{aL_i}{B_{ij}K_j + L_i} \frac{(B_{ij}K_j + L_i)}{K + L} = \frac{aL}{K + L} = \frac{a}{1 + k},$$

где K и L — агрегированные величины капитала и труда. В частности, из выражения средневзвешенной нормы прибыли следует знаменитая гипотеза Маркса о существовании тенденции нормы прибыли к понижению.

Полагая, что собственники капитала, сдавая капитал в аренду, получают в качестве платы стоимость прибавочного продукта за вычетом ставки зарплаты выше прожиточного минимума, а наградой арендатора служит потребленная часть капитала, агрегированную ставку процента можно записать в следующей форме:

$$i = \frac{a - w}{1 + k} - \delta,$$

где δ — доля потребленного капитала, а w — ставка зарплаты выше уровня прожиточного минимума. Последняя изменяется в пределах

от 0 (оплата труда на уровне прожиточного минимума) до $a - \delta(1 + k)$ (вся прибыль распределяется между рабочими). Важно подчеркнуть, что средневзвешенная ставка процента не является естественным уровнем ставки процента.

После предварительных замечаний можно переходить к обоснованию вопроса построения агрегированной производственной функции. В нашей работе «Теория роста на основе трудовой теории стоимости» [3] для агрегированного выпуска использовалось выражение

$$Y = \delta K + L(1 + ga),$$

где под величиной g понимался коэффициент, описывающий влияние на производительность труда мотивации, научного прогресса, капиталовооруженности. В той же работе был рассмотрен ряд частных случаев, где функция g задавалась явно. Поскольку целью данной работы является построение эндогенной теории роста, следует в явном виде задать зависимость производственной функции от капиталовооруженности и научного прогресса. Так как необходимым условием аддитивности функции K является линейность микроэкономических уравнений по труду и капиталу, капиталовооруженность в агрегированную производственную функцию может входить только в первой степени, умноженной на труд. Поскольку предполагается существование оптимального уровня капиталовооруженности, отклонение от которого снижает суммарный выпуск, а сам этот уровень увеличивается по мере роста технологического прогресса, простейшая производственная функция может быть записана в следующем виде:

$$Y = \delta K + L(1 + ga - \alpha|gk_0 - k|), \quad (1)$$

где α — некоторая постоянная величина, k_0 — оптимальная капиталовооруженность, а g описывает динамику только технического прогресса. Главным недостатком выражения (1) является невозможность представить его в виде системы микроэкономических уравнений в общем случае. Поскольку выпуск для отдельных секторов также должен быть представлен в виде производственной функции (1), можно получить следующую систему микроэкономических уравнений:

$$K_i = A_{ij}K_j + (1 + a)L_i - \alpha|k_{0i}L_i - B_{ij}K_j|,$$

где k_{0i} — оптимальная капиталовооруженность в i -ом секторе. Коэффициент технологического прогресса в стационарном случае

является постоянным вкладом в норму прибавочной стоимости, и оптимальный уровень капиталовооруженности потому опускается. После раскрытия знака модуля система все еще может быть представлена как агрегированная функция, но в общем случае величина $\alpha|gk_0 - k|$ не равна сумме величин $\alpha|k_0L_i - A_{ij}K_j|$. Агрегирование оказывается возможным в важном случае оптимального роста, когда выполняется условие:

$$k_0L_i = B_{ij}K_j.$$

Это условие означает, что накопление капитала происходит пропорционально росту численности населения. То есть производится такое количество машин и орудий труда, которое полностью используется задействованным в производстве трудом. Ни дефицита, ни перепроизводства капитала не наблюдается.

В этом случае выражение под знаком модуля в (1) оказывается равным нулю, и агрегирование оказывается возможным. Рассматриваемая далее агрегированная производственная функция определяется выражением 1 при условии оптимального уровня накопления капитала

$$gk_0L = K. \quad (2)$$

Демография и технологический прогресс

Представление технологического процесса как некоторой агрегированной производственной функции (точнее метафункции) является основной идеей неоклассического подхода при построении формальных моделей экономического прогресса. В ТТС идея агрегирования технологического процесса требует дополнительного обоснования, поскольку сами технологические инновации (в отличие от капитала) не могут быть сведены к сумме затрат абстрактного труда. Можно предположить, что, поскольку источником стоимости в ТТС выступает труд, а по мере технологического развития выпуск увеличивается, влияние научного прогресса можно свести к умножению некоторой функции g на задействованное в производстве количество труда (как это и было сделано выше). В этом случае учитываются лишь те технические новшества, которые оказывают существенное влияние на производительность труда. Такой подход в полной мере не отражает влияния инноваций на экономику, тем не менее, он оказывается продуктивен для построения теории роста.

Второй особенностью технологического прогресса является недетерминированность научных открытий, что, вообще говоря, ведет к необходимости формулировки стохастической теории инноваций. Однако в условиях, когда научно-технический прогресс представляет собой сложное институциональное явление, в котором задействовано огромное множество учреждений и сотрудников, детерминистская теория может оказаться полезнее, чем стохастическая, поскольку будет отражать динамику среднего влияния инноваций на технологический прогресс.

С учетом всего вышесказанного можно предположить, что приращение технологического прогресса за некоторый период времени линейно зависит от объема прибавочного продукта, выделенного на его развитие. В непрерывном времени это предположение может быть записано в следующем виде:

$$\dot{g} = \eta D, \quad (3)$$

где D — распределяемый по окончанию производства продукт, а η — норма инвестиций в инновации, отражающая долю распределяемого продукта, направленного на инвестиции в НИОКР. В случае постоянного роста величины D в выражении (3) технический прогресс также будет увеличиваться неограниченно, способствуя росту D . В сформулированной теории наблюдается обратная положительная связь между выпуском и технологическим прогрессом. Продолжение такого роста неограниченное время представляется невероятным, поэтому разумно рассматривать (3) как приблизительное выражение, верное только на ограниченном промежутке времени. Если же предположить существование максимального уровня технологического развития g_0 , а также учесть логистический характер затухания роста технологического прогресса по мере приближения к максимуму технологического развития, то (3) может быть преобразовано к виду:

$$\dot{g} = \eta D \left(1 - \frac{g}{g_0} \right).$$

Это выражение представляется более правдоподобным, поскольку отражает ограниченность влияния технологического прогресса на производительность труда. Далее для простоты будет рассматриваться случай (3).

Что касается демографических факторов, то в ТТС взаимосвязь между численностью населения и абстрактным трудом может

быть установлена в виде простой пропорциональности, поскольку предположение о возможности агрегирования труда в разных секторах хозяйства ведет к необходимости признания линейной зависимости между численностью населения и количеством труда. Вопрос о росте количества труда в эндогенной теории сводится к вопросу о росте численности населения.

За основу берется следующее выражение между динамикой численности населения и капитала;

$$\dot{L} = \alpha L \dot{K}, \quad (4)$$

обоснованное в «Теории роста...» [3]. Здесь α — некоторая постоянная, а $\dot{K}$ — первая производная от капитала по времени.

Трудовая теория роста

Далее предполагается, что по окончании цикла производства распределяется прибавочная стоимость и стоимость потребленного капитала равна δK . Исходя из этого, распределяемая стоимость может быть записана в виде:

$$D = \delta K + gaL.$$

При подстановке этого выражения в (3), можно получить зависимость технического прогресса от остальных параметров модели. В отсутствие внешней торговли и межстранового перетока рабочей силы избыточная продукция (2) направляется только на потребление и накопление. В непрерывном потоке приращение капитала за малый промежуток должно быть равно доле распределяемой стоимости, умноженной на норму накопления, за вычетом финансирования научных исследований и выбывания капитала за рассматриваемый период времени:

$$\dot{K} = (s - \eta)gaL - (1 - s + \eta)\delta K, \quad (5)$$

где s — норма накопления. Таким образом, получена система из четырех уравнений (2)—(5). При этом в ней имеется пять величин, которые должны быть определены: K, L, g, s, η . Возникает необходимость в дополнительном условии, чтобы система стала однозначно определенной. Далее будет рассмотрено два возможных подхода к доопределению системы (2)—(5).

Как было показано в «Теории роста...» [3], режим гиперболического роста наблюдается при постоянной норме накопления,

равной или близкой к 1. В этом случае система (2)—(5) содержит только четыре неизвестные величины и может быть разрешена:

$$\dot{g} = -\frac{\beta}{\alpha k_0} \frac{W}{1 - \frac{1}{\alpha g} W}, \quad (6)$$

где $W = W(-L_0 k_0 \alpha g)$ — функция Ламберта [6]. Уравнение (6) может быть решено численно методом Эйлера. Результат для выпуска 1 и численности населения представлен на рис. 1. Как видно из графика, полученное решение оказывается близким к гиперболическому росту населения и экономики.

Режим гиперболического роста возникает в условиях, когда произведенный прибавочный продукт очень мал и практически весь используется для накопления и расширения экономики, что сопровождается быстрым ростом населения. Такая ситуация наблюдалась в период промышленной революции, когда рост численности населения сопровождался слабым ростом производительности труда и крайне низкими зарплатами (так называемое зарплатное рабство). Таким образом, уравнение (6) описывает экстенсивное развитие на начальном этапе промышленной революции.

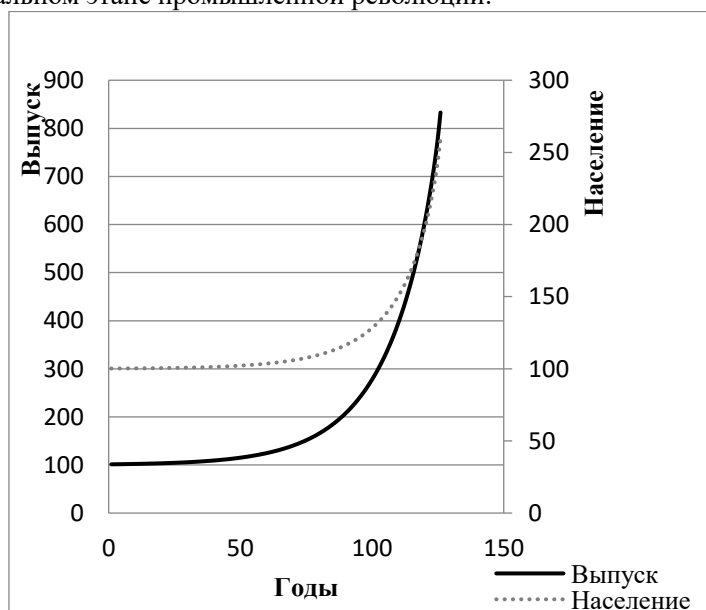

Рис.1. График роста с постоянной нормой накопления

Другой способ решения системы (2)—(5), который ведет к полностью эндогенной теории роста, связан с введением понятия оптимальной траектории роста. Под оптимальной траекторией роста понимается такая траектория, которая обеспечивает максимизацию потребления за достаточно большой промежуток времени. Очевидно, это приводит к необходимости формулировки вариационной задачи. Условие максимизации потребления может быть записано в виде:

$$\int (1-s)(agL + \delta K) dt = \max.$$

Теперь из системы уравнений (2)—(5) и условия максимизации потребления можно составить функцию Гамильтона. Управляющей переменной должна быть выбрана норма инвестиции в инновации η , так как интенсивный рост экономики возможен только за счет отчислений части произведенной продукции на инвестиции в науку. Соответственно управляемой переменной является величина g , которая и определяет вклад науки в текущую производительность труда. Проводя стандартные расчеты, можно прийти к следующему результату:

$$g = -\frac{a}{k_0} \frac{g(1+W)^2}{W(2+W)}. \quad (7)$$

Так же, как и уравнение (6), данное уравнение решалось численно методом Эйлера. Результаты для суммарного выпуска и численности населения представлены на рис. 2.

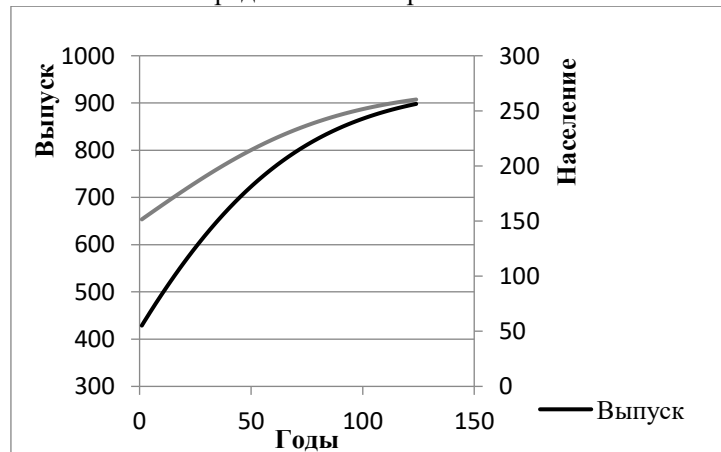

Рис. 2. Модель с оптимизацией потребления

В данном случае наблюдается затухающий рост выпуска и населения, связанный с тем, что дальнейшее расширение производства будет негативно сказываться на потреблении. Это говорит о том, что норма накопления со временем убывает и экономика приходит в состояние стагнации.

Общество, до того развивавшееся в условиях высокой нормы накопления, перестает инвестировать значительную часть прибавочного продукта в расширение производства, постепенно сокращает объем инвестиций, направляя все большую часть на потребление и стараясь выбрать такую траекторию роста, которая максимизировала бы их потребление во времени. Этот процесс приводит к тому, что экономика и численность населения сначала растут линейно, а впоследствии начинают замедляться. По окончании процесса система переходит в состояние вечной стагнации с постоянной численностью населения. Можно предположить, что такая ситуация соответствует современному состоянию экономики. Формирование «общества потребления» в развитых странах и начало его формирования в развивающихся свидетельствуют о предпочтении потребления накоплению. Темпы роста населения замедляются, как и темпы роста экономик развитых стран. В настоящий момент мы находимся на линейном участке траектории оптимального потребления, что позволяет спрогнозировать дальнейший выход на плато и последующую стагнацию. Следует отметить, что этот вывод не согласуется со стилизованными фактами Калдора, согласно первому из которых темп роста выпуска на душу населения не замедляется. Сторонники магистрального направления экономической мысли могут счесть это недостатком модели. В действительности, это может свидетельствовать о том, что сами факты Калдора были лишь временно наблюдавшимися явлениями в период перехода от модели ускоренного роста (6) к модели затухающего роста (7).

Следует также обсудить вопрос о возможности роста по достижению точки статического равновесия модели (7). Такая возможность сохраняется только в случае интенсивного роста за счет научного прогресса. Если численность населения предполагается постоянной, то уравнения (2) и (3) ведут к экспоненциальному росту капитала и производительности труда, зависящему от нормы инвестиций в инновации. Однако если существует некоторый предельный уровень технологического развития, о котором велась речь выше,

затухание темпов роста непременно произойдет. Здесь важно отметить, что в оптимистичном сценарии по достижению пределов роста модели (7) сохраняется возможность перехода к экспоненциальному росту при стабилизации численности населения еще на какое-то время.

Эмпирический тест некоторых предпосылок теории

Следует проверить соотношение (4), которое противоречит обычно используемому в экономических моделях экспоненциальному росту численности населения. Интегрируя (4) можно получить

$$L = L_0 \exp(\alpha K). \quad (8)$$

Выражение (8) может быть проверено эмпирически. Для этого необходимо выразить капитал через выпуск и численность населения из выражения (1) с учетом (2), подставить в (8) и логарифмировать, придя к двухпараметрической линейной регрессии:

$$\frac{\ln L}{L} = A + By + \varepsilon, \quad (9)$$

где A , B — параметры регрессии, y — подушевой ВВП, ε — случайная величина. Проверка соотношения 9 проводилась на основе данных Всемирного банка по численности населения мира и размеру подушевого ВВП по ППС. Результаты представлены табл. 1. Как видно из табл. 1, коэффициент детерминации достаточно высокий, что позволяет считать предложенную предпосылку адекватной.

Производственная функция (1) проверялась на основе российских таблиц «Затраты—Выпуск» за 2016 г. Регрессия имела вид:

$$\Delta V_i = AK_i + BL_i + C + \varepsilon, \quad (10)$$

где ΔV_i — добавленная стоимость, A , B , C — параметры регрессии, K_i и L_i — промежуточное потребление и оплата труда в i -ом секторе, ε — случайная величина. Результаты приведены в табл. 1. Коэффициент детерминации достаточно низкий, что может свидетельствовать о нахождении экономики России в неравновесном состоянии либо об ограниченной применимости предложенной предпосылки. Тем не менее, для иллюстративной модели результат можно считать приемлемым.

Прогноз дальнейшей траектории мировой экономики проводился на основе решения (7). С учетом того, что функция Ламберта в пределе $L_0 k_0 \alpha g \rightarrow 1/e$ может быть аппроксимирована как

$W(-L_0 k_0 \alpha g) \approx \sqrt{1 - 2eL_0 k_0 \alpha g} - 1$, для подушевого ВВП и численности населения можно прийти к следующим выражениям:

$$y \approx y_{max} - ae^{-\theta t}, L \approx L_{max} - be^{-\theta t}. \quad (11)$$

По форме эти выражения совпадают со случаем накопления капитала в отсутствии роста населения и инвестиций в технологический процесс, рассмотренном в «Теории роста...» [3]. Из (11) можно получить следующее регрессионное соотношение:

$$L = A + By + \varepsilon, \quad (12)$$

где A, B — параметры регрессии, ε — случайная величина. Результаты представлены в табл. 1. Очень высокий коэффициент детерминации говорит о явном наличии связи между численностью населения и подушевым ВВП, что полностью согласуется с логикой уравнений (11).

Параметры регрессии (12) позволяют сделать оценку параметров уравнений 11. Так, полагая максимальную численность населения Земли L_{max} равной 10 млрд, максимальный подушевой ВВП оказывается равен $y_{max} \approx 24000$ долл. Таким образом, оставшиеся параметры первого выражения можно получить из регрессии

$$\ln(y_{max} - y) = A + Bt + \varepsilon \quad (13)$$

Как и в предыдущих случаях, регрессия строилась на основе данных Всемирного банка, а результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Параметры регрессионных соотношений
(9)–(10) и (12)–(13)**

Параметры № регрессии	A	B	C	R ²	Значимость F
Регрессия (9)	$-2,9 \times 10^{-13}$	$9,1 \times 10^{-9}$	—	0,93	$2,9 \times 10^{-18}$
Регрессия (10)	0,1912	2,2	–40023	0,43	$6,4 \times 10^{-8}$
Регрессия (12)	$2,7 \times 10^9$	305377	—	0,98	$1,6 \times 10^{-25}$
Регрессия (13)	9,7	–0,0024	—	0,97	$4,8 \times 10^{-24}$

Полученные параметры при подстановке в первое уравнение (11) позволяют построить прогноз динамики мирового подушевого ВВП, представленный на рис. 3.

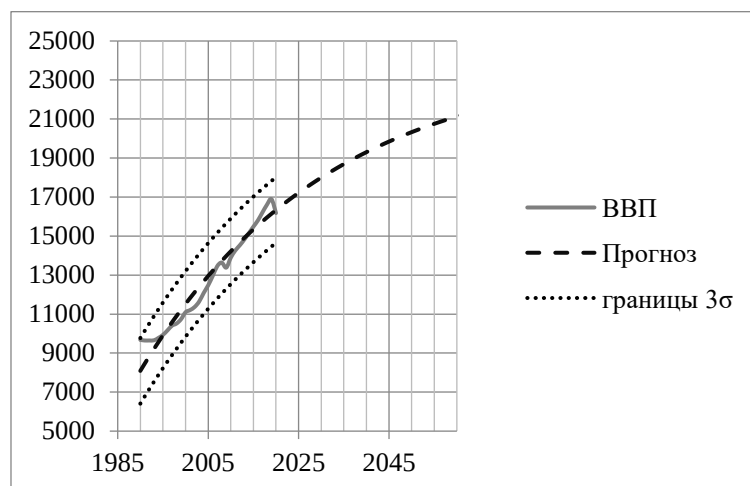

Рис. 3. Прогноз динамики мирового подушевого ВВП

Из графика на рис. 3 видно, что темпы роста ВВП постепенно будут снижаться и к середине века опустятся ниже 0,5% в год, достигнув к тому моменту приблизительно 21 тыс. межд. долл. в ценах 2017 г. Построенная теория позволяет делать проверяемые численные прогнозы.

Внешняя торговля и специализация

Ранее везде предполагалось, что внешняя торговля отсутствует либо ее объем пренебрежимо мал. В этом разделе будет рассмотрена простейшая двухстрановая модель, цель которой объяснить: как в рамках развиваемого здесь варианта ТТС может возникнуть неэквивалентный обмен в условиях международной торговли. Пусть дано две страны, макроэкономические характеристики которых в начальный момент времени совпадают. Одна из них располагает образовательным потенциалом для поставки инновационной продукции, которая обеспечивает увеличение производительности труда, вторая такой возможности лишена. Для простоты население стран предполагается постоянным (это означает, что условие (4) отбрасывается) и равным единице, а технологический прогресс подчиняется уравнению (3). При этом кадры, обладающие необходимой квалификацией для разработки инновационной продукции, имеются

только в первой стране, а их численность предполагается пропорциональной величине технологического прогресса. Вторая страна располагает достаточными мощностями для производства промышленной продукции, но при этом совершенно не может вести инновационные исследования либо ее инвестиции в эту область абсолютно неэффективны. Однако после получения образца инновационной техники вторая страна может его воспроизвести, консультируясь у специалистов из первой страны. То есть, у первой страны имеется возможность перенести производство во вторую страну, сохраняя на своей территории только центры разработки инновационных технологий и образовательные учреждения повышения квалификации кадров. Вторая страна выступает в роли «мастерской», которая в состоянии воспроизводить образцы, разработанные в первой стране.

В случае, когда обмен между странами отсутствует, динамика экономики описывается уравнениями (1)—(3) и (5). Полагая равновесный темп роста g равным $\eta_0(1 + \delta k_0)$, для первой страны получим систему уравнений:

$$\begin{aligned} K &= k_0 g \\ \dot{g} &= \eta_0(g + \delta K) \\ \dot{K} &= (s - \eta_0)(g + \delta K) - \delta K, \end{aligned}$$

из решения которой легко найти равновесный уровень накопления s_0 :

$$s_0 = \frac{\eta_0(1+k_0\delta)(1+k_0)+\delta k_0}{1+\delta k_0}. \quad (14)$$

Поскольку инвестиции в научную отрасль во второй стране оказываются неэффективны, а сама экономика предполагается находящейся в состоянии равновесия, равновесие оказывается статистическим, так как оптимальный уровень капиталовооруженности достигнут, а дальнейшая индустриализация не окажет никакого влияния на уровень потребления. В этом случае равновесный уровень накопления легко может быть найден из выражения (5):

$$s = \frac{\delta K}{g + \delta K}. \quad (15)$$

Допустим, обе страны руководствуются мотивом максимизации потребления в долгосрочной перспективе. Тогда первой стране выгодно специализироваться на инвестициях в наукоемкую продукцию в обмен на поставки готовой продукции из второй страны. Для

простоты предполагается, что каждая из стран полностью специализируется на инвестициях в одну отрасль. В этом случае, чтобы сохранялось условие равновесия, второй стране необходимо поставлять такое же количество наукоемкой продукции и консультационных услуг, которые потребляет первая. Это означает, что необходимо увеличить количество высококвалифицированного персонала, задействованного в разработке и производстве инновационной продукции. То есть норма инвестиций в инновации должна увеличиться в два раза — до $2\eta_0$. Вторая страна должна установить норму накопления, равную удвоенной величине (14) для того, чтобы произвести достаточное количество капитала, обеспечивающее равновесный рост в обеих странах. Даже несмотря на то, что это значение окажется выше нормы накопления (15), в долгосрочной перспективе потребление «обгонит» потребление при норме накопления (15) за счет экспоненциального роста экономики. То есть вторая страна оказывается в ситуации, когда она вынуждена жертвовать потреблением сегодня ради увеличения потребления в будущем.

Иначе обстоит дело в случае с первой страной. За счет специализации ее норма накопления изменится с величины (14) до $2\eta_0$, при этом избыточное потребление по сравнению со случаем отсутствия внешней торговли окажется равным величине:

$$\frac{k_0\eta_0(1+k_0\delta) + \delta k_0 - \eta_0(1+k_0\delta)}{1 + \delta k_0} g_0 e^{\eta_0(1+k_0\delta)t}.$$

Это произошло не случайно, а вследствие возникновения неэквивалентного обмена. Действительно, поскольку вторая страна не способна производить наукоемкую продукцию в достаточных количествах для обеспечения роста своей экономики, она вынуждена обменивать единицу произведенной у себя стоимости на единицу стоимости, произведенной в первой стране в пропорции:

$$\frac{1 \text{ ед. II страны}}{1 \text{ ед. I страны}} = \frac{\eta_0}{s_0} < 1.$$

Обмен оказывается взаимовыгодным, но неэквивалентным. Единственным ограничением для возникновения взаимовыгодного обмена служит условие $s_0 < 0,5$.

Предложенная схема представляет собой предельный случай, который, впрочем, позволяет объяснить, как в рамках рассматриваемой модели уровень потребления в двух странах с одинаковыми

стартовыми условиями может существенно отличаться за счет специализации. В связи с наличием неэквивалентности обмена первая страна поддерживает более высокий уровень потребления и зарплат за счет того, что единица стоимости, производимая ее рабочими на международном рынке, оказывается дороже единицы стоимости, производимой рабочими второй страны.

Заключительные замечания и выводы

Сформулированная трудовая теория роста существенно отличается от неоклассических теорий роста. Прежде всего, используется отличная от неоклассической производственная функция, что ведет к ряду интересных эффектов. В частности, поскольку труд выступает единственным источником прибавочной стоимости, оказывается, что высокие темпы экстенсивного роста экономики должны сопровождаться высокими темпами роста населения, что соответствует случаю гиперболического роста населения (6).

Может сложиться впечатление, что, как и в модели Ромера [11], темп экономического прогресса будет выше в странах с большей численностью населения, поскольку прибавочная стоимость предполагалась прямо пропорциональной численности населения, однако это не так. Дело в том, что при построении теории предполагалась редукция труда к абстрактному элементарному труду, что скрывало эффект отсутствия наукоемких производств в стране на макроэкономическом уровне. При построении системы микроэкономических уравнений, где наукоемкое производство напрямую зависит от наличия квалифицированного труда, окажется, что редукция к абстрактному труду в этих отраслях не пропорциональна численности задействованных сотрудников. Иначе говоря, величина нормы инвестиций в инновации η в (3) не может быть определена произвольно, а зависит от наличия наукоемкого производства и квалифицированных кадров в стране. Модель международной торговли, построенная нами ранее, наглядно это демонстрирует.

Несмотря на то, что построенная теория позволяет объяснить ряд наблюдавшихся закономерностей экономического роста, она обладает существенными недостатками. Прежде всего, это искусственность предположения о зависимости между динамикой численности населения и величиной капитала (4). Это предположение было

принято на основе эмпирически обнаруженной закономерности, а не выводилось из внутренней логики теории. Из этого же предположения возникает главная проблема построенной эндогенной модели — невозможность прогнозирования долгосрочного роста экономики по оптимальной траектории. Как было показано в «Теории...» [3], по достижению численности населения, в e раз превосходящей начальный уровень населения N_0 , капиталовооруженность начинает снижаться, чего не наблюдается в реальных системах.

Другой проблемой является явное противоречие фактам Калдора в части неубывающего темпа роста выпуска на душу населения. В действительности ситуация неубывания выпуска со временем может наблюдаться ограниченный период в модели (6). Она должна сопровождаться высокой нормой накопления. Однако во время экономического взрыва в развитых странах не наблюдалось аномально высоких значений нормы накопления, а значит, построенная теория вступает в противоречие с эмпирическими фактами. Отмеченная проблема может быть частично разрешена предположением о высокой норме накопления в колониях этих стран, население которых зачастую многократно превосходило население метрополий. Тогда противоречие может быть объяснено в рамках нашей модели. К сожалению, проверить это объяснение достаточно сложно из-за недостаточных статистико-экономических данных о норме накопления в колониях в тот период.

Тем не менее, являясь эндогенной и построенной на принципах неортодоксальных школ, данная теория роста демонстрирует альтернативный подход к поиску источников экономического роста, вводит производственную функцию, отличную от неоклассической, и позволяет прогнозировать дальнейшую траекторию роста мировой экономики.

Литература

1. Андрианов Д.Л., Гребнев М.И. Обзор методов агрегирования производственных функций // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. № 1 (73).
2. Васильев Е.П. Агрегированная производственная функция («Спор двух Кембриджей») // Дайджест-финансы. 2006. № 6.

3. Золотухин А.А. Теория роста на основе трудовой теории стоимости // *AlterEconomics*. 2022. Т. 19. № 2. С. 306—325.
4. Лиман И.А., Карагулян Е.А., Науменко Е.Е. Новые эндогенные теории экономического роста // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. 2014. № 12 (72).
5. Cohen A.J., Harcourt G.C. Whatever Happened to the Cambridge Capital Theory Controversies? // *Journal of Economic Perspectives*. 2003. Vol. 17. No 1. P. 199—214.
6. Corless R.M., Gonnet G.H., Hare D.E. G. et al. On the Lambert W function // *Adv. Comput. Math.* 1996. No. 5. P. 329—359.
7. Farjoun E., Machover M. *Laws of Chaos. A Probabilistic Approach to Political Economy*. Norfolk: Thetford, 1983.
8. Felipe J., McCombie J. *The aggregation production function and the measurement of technical change*. Cheltenham: Edward Elgar, 2013.
9. Harrod R.F. An Essay in Dynamic Theory // *The Economic Journal*. 1939. Vol. 49. No. 193. P. 14—33.
10. Lucas R. On the Mechanics of Economic Development // *Journal of Monetary Economics*. 1988. No. 22 (1). P. 3—42.
11. Romer P.M. Endogenous Technological Change // *The Journal of Political Economy*. 1990. Vol. 98. No. 5. Part 2: The Problem of Development: A Conference of the Institute for the Study of Free Enterprise Systems. P. 71—102.
12. Shaikh A. Nonlinear Dynamics and Pseudo-Production Functions // *Eastern Economic Journal*/ 2005. Vol. 31. No. 3. P. 447—466.
13. Uzawa H. Optimum Technical Change in an Aggregative Model of Economic Growth // *International Economic Review*. 1965. No. 6 (1). P. 18—31.

Reference

1. Andrianov D.L., Grebnev M.I. Обзор методов агрегирования производственных функций // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. 2015. № 1 (73).
2. Vasilev E.P. Агрегированная производственная функция («Спор двух Кембриджей») // *Daydzhest-finansy*. 2006. № 6.
3. Zolotukhin A.A. Teoriya rosta na osnove trudovoy teorii stoimosti // *AlterEconomics*. 2022. Т. 19. № 2. С. 306—325.

4. *Liman I.A., Karagulyan E.A., Naumenko E.E.* Novye endogennye teorii ekonomicheskogo rosta // Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronniy nauchniy zhurnal. 2014. № 12 (72).

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Ф.И. ГИРЕНОК

**Слово к литераторам: о философии, о литературе,
об интеллигенции***

Аннотация. В статье приведен доклад автора на Всероссийском совещании молодых литераторов Союза писателей России в Московском государственном институте культуры 10 июня 2022 г. В нем анализируются причины кризиса в философии и рассказывается о новых идеях в философии. Причина кризиса заключается в том, что философия научила нас относить к сущему все то, что есть, но она ничего не сказала нам о том, как нам относиться к видимостям. К новым идеям философии автор относит мысль о том, что сознание — это свойство жизни человека во времени. По мысли автора, у нас каждый философ — это несостоявшийся писатель, и, наоборот, каждый писатель — несостоявшийся философ.

Ключевые слова: человек, сознание, кризис культуры, современная философия, русская философия, русская литература, галлюцинация, сингулярность.

Abstract. The article presents the author's report at the All-Russian Meeting of Young Writers of the Union of Writers of Russia at the MGIK on June 10, 2022. It analyzes the causes of the crisis in philosophy and tells about new ideas in philosophy. The reason for the crisis lies in the fact that philosophy has taught us to relate to existence all that is, but it has not told us anything about how we relate to appearances. The author refers to the new ideas of philosophy the idea that consciousness is a property of human life in time. According to the author, every philosopher in

* Доклад, прочитанный на Всероссийском совещании молодых литераторов Союза писателей России в Московском государственном институте культуры 10 июня 2022 г.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гиренок Ф.И. Слово к литераторам: о философии, о литературе, об интеллигенции // Философия хозяйства. 2022. № 4. С. 155—160.

our country is a failed writer, and, conversely, every writer is a failed philosopher.

Keywords: human, consciousness, cultural crisis, modern philosophy, russian philosophy, russian literature, hallucination, singularity.

УДК 18
ББК 87.6

I

Господа, о чем бы мне сегодня хотелось поговорить с вами? О новых идеях в философии. Понимая, что происходит в философии, мы с вами, может быть, поймем что происходит в мире. А что происходит в мире? В мире появились какие-то странные события, которые никак не хотят поместиться в нашей голове. Если они не помещаются в голове, то тогда мы иногда пытаемся поместить мозги в банки, как делает это всем известный писатель. Но странные события существуют не потому, что наши головы маленькие, а мир большой, а потому, что чувствовать — значит учреждать то, чего нет, в качестве того, что есть. И делается это не в банке, а в нашей с вами жизни.

Философия давно уже перестала быть любовью к мудрости и стала набором культурных штампов. Вернее, любовь к мудрости осталась там же, где и была, т. е. в начале осевого времени. А что же осталось с нами сегодня? А с нами сегодня осталась только возможность сознательного сумасшествия. Что я хочу этим сказать? Я хочу сказать, что философия сегодня — это и есть сознательное сумасшествие. Для того чтобы быть в сознании, нам нужно с вами сегодня сойти с ума. Иным образом удержать себя в сознании сегодня будет невозможно.

Если я скажу вам, что современная философия умерла, то вы, конечно, мне не поверите. Хотя она все-таки умерла. О какой философии идет речь? Речь идет, прежде всего, о западной философии. Почему о западной? Потому что никакой другой философии мы сегодня с вами пока не знаем.

Почему же она умерла? Потому что ее 2,5 тыс. лет интересовал только один вопрос а именно: что есть сущее, что значит существовать? И вот этот вопрос перестал быть интересным. Западная метафи-

зика скончалась в тот момент, когда Ницше разъяснил нам, что существование и воля к власти — это одно и то же. Она умерла, но нас с вами по-прежнему волнует один вопрос: как устроена природа? Мы с вами по-прежнему думаем, что и человек — это тоже природа. Мы так думаем, и мы ошибаемся. Вы удивитесь, но я вам должен сказать, что западная философия ничего не поняла в человеке. Она не сумела даже поставить вопрос о том, что есть человек сам по себе, полагая, что его «humanitas» исчерпывается его «animalitas», а это значит что и мы с вами ничего не знаем о том, как устроен человек, но зато мы хорошо знаем о том, как устроена природа. Мы знаем природу ценой незнания себя.

Человек стал сегодня тем событием, которое никак не помещается в наше сознание. А почему оно не помещается в нашем сознании? Да потому, что человек не помещается в природе. Как мы об этом узнали? Очень просто. Если бы человек поместился в природе, то у него никогда бы не возникла идея Бога. А она возникла. Бог — это и есть тот, кто мешает нам комфортно разместиться в природе. Если он мешает это сделать, то мы отказываемся от него и становимся гуманистами. Почему? Потому что гуманист — это, как говорит Сартр, атеист.

Но это еще не все. Западная философия научила нас относиться к существу все то, что есть. Но она ничего не сказала нам о том, как нам относиться к нашим галлюцинациям. Они есть или их у нас нет? Вообще-то галлюцинация — это не природа. В галлюцинации природа уклоняется от самой себя, лишая себя возможности быть природой, быть тем, что есть. Галлюцинация — это катастрофа, событие, которое разрывает природу изнутри. Философия прошла мимо этой чудовищной противоестественности. Чему она нас с вами научила? Она научила нас думать, что галлюцинация — это болезнь человека, что эту болезнь можно лечить медикаментозно. А что говорит Достоевский в «Двойнике» или в «Сне смешного человека»? Он говорит, что это разрыв в самой природе, который имеет прямое отношение к человеку.

Галлюцинации, видения, призрачность и всякие видимости суть та материя, из которой человек создал сам себя. Если я спрошу вас, что делает человека человеком, вы мне скажите, что человека

человеком делает труд. Но это не так. Это ошибка. Трудовое общество возникло недавно и быстро исчезло. Мы с вами не живем уже в мире, который определяется трудом. Но тогда что такое человек? И что делает человека человеком? Человек посредством чудовищных усилий извлекает себя из своих галлюцинаций. Что это значит? Это значит, что человек — не вершина природы, не ее центр. Это мировая сингулярность. А это что значит? Это значит, что не нужно искать место человека в мире, этого места просто нет. Хотя человек видит себя в мире, но это видимость. Воспроизвести человека по законам этого мира нельзя. Нет таких правил, по которым мы могли бы создать сингулярное событие, следовательно, человек является таким событием, к которому нельзя вернуться.

Теперь о том, где возникает человек. Он возникает в пещере Ласко или Шове. Человек — это не охотник и не пчеловод. Человек — это художник. Почему художник? Потому что ему удалось устроить взрыв галлюцинаций. Как только мы с вами взрываем галлюцинации или как только они взрываются у нас, мы с вами становимся художниками или писателями. Что осталось после этого изначального взрыва? Наскальная живопись. А что остается после нас? Только то, что мы напишем. У человека есть только одно право — это право на свои грезы. Больше у него ничего нет.

Многие из нас все еще думают, что знают существо сознания человека: мы думаем, что сознание человека — это его мозг. Но это не так. Мозг связан не с взрывом галлюцинаций, а с эволюцией, с естественным отбором. Мозг для расчета. Сознание создается взрывом галлюцинаций. Нет взрыва — нет сознания. Для чего создается сознание? Для расширения реальности. Для того, чтобы не жить в мире вещей как вещь, а жить во времени посредством сознания.

Сознание — это свойство жизни человека во времени. Если вы думаете, что мир существует во времени, то это ошибка. Время — не качество вещей, а то, что учреждается человеком. Каким образом? Посредством наделения существованием того, что не существует. Ведь что такое видимость? Это то, что не существует, но показывает себя как то, что есть. Мир человеческий заполнен не вещами, а призраками и мнимостями, которые существуют, если мы относимся к ним как к тому, что действительно существует. Призраки не локализируются в пространстве. Они локализируются в действии человека, в его

восприятию или воображению. Что сегодня поняла философия? Она поняла, что для того, чтобы судить о призрачном бытии, нужен не опыт, а воображение.

II

Вы можете спросить меня, существует ли русская философия и чем она отличается от западной. Я вам скажу, что существует и ничем не отличается от западной, если иметь в виду академическую философию. Где возникает греческая философия? Она возникает не в Греции, а на берегах Малой Азии. А где возникла русская философия? Она возникла не в философии, а в литературе. Литература и есть наше *уже-сознание*, или, проще говоря, наша философия. У нас каждый философ — это несостоявшийся писатель, и, наоборот, каждый писатель — несостоявшийся философ. Культурный код Запада нужно изучать по его философии. Культурный код России нельзя изучать по философии. Его нужно изучать по нашей литературе. Разрыв между философией и литературой породил у нас интеллигенцию.

В России нет философии, потому что у нас есть интеллигенция, которая воспитана западной философией. Что такое интеллигенция? Интеллигенция — это волонтеры европейских идей. О смысле интеллигенции нам рассказали «Вехи» да Федотов с Бердяевым. Интеллигенция — это самое неудачное изобретение русской истории. Почему это неудачное изобретение? Потому что она идейна и одновременно беспочвенна, ибо мысли в ее голове складываются не по логике русской жизни, а по логике европейской жизни. Как можно назвать человека, если мысли в его голове существуют не по законам его головы, а по законам какой-то другой головы? Его можно назвать глупым. Русская интеллигенция глупа, ибо учит всех нас беспочвенности.

В Германии Фихте написал «Речи к немецкой нации» и этими «Речами...» создал немецкую нацию. У нас Самарин написал «Письма из Риги», и его за это посадили в тюрьму. В XIX в. мы говорили по-французски и не могли мыслить по-русски. Для того чтобы мыслить по-русски, нужно было быть Пушкиным, а не Чаадаевым. Кто еще пытался мыслить по-русски? Шишков, но над ним посмея-

лись. Почему? Потому что он вместо слова «тротуар» предложил говорить «топталище». Кто из нас сегодня знает сочинения Самарина, Леонтьева, Данилевского? Немногие.

Как началась русская философия? Все думают, что она началась с Чаадаева. Но она началась не с него, а с видений Соловьева, а также с размышлений Розанова, который написал текст по поводу «Легенды о Великом инквизиторе» Достоевского.

Что сделали философы Европы? Они создали идеологию нацизма и коммунизма. Что сделала Европа в XX в.? Устроила две мировые войны. Что сделала Россия в XIX в.? Создала интеллигенцию. Что сделала русская интеллигенция в XX в.? Она устроила две революции в 1917 г. и в 1991-м. Эти внутренние войны погубили Россию.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

**Бездна: апофатическая перспектива мира
и поликогнитивный концепт***

Аннотация. Исследуется поликогнитивный концепт Бездны, скрытой детерминантой бытия-истории, соавтором его миров, определителем алгоритмов их замены. Специфика современных эволюционных поисков и бифуркаций состоит в том, что они ищут новый и в то же время старый — изначальный — мир, который может и должен спасти природу, культуру, человечность от наглой агрессии антимира с его искусственными дарами, призрачной жизнью, демоническими соблазнами. Бездна является местом, в котором идет смена миров, а ее тайная свобода выступает субъектом, демиургом этой смены.

Ключевые слова: Бездна, творящая свобода, Россия.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шулевский Н.Б. Бездна: апофатическая перспектива мира и поликогнитивный концепт // Философия хозяйства. 2022. № 4. С. 160—173.

Abstract. The article investigates the polycognitive concept of the Abyss which serves as a determinant of all determinants of being-history, a mover of its changes, a creator of its worlds, a determinant of the methods and algorithms for replacing them. The specificity of modern evolutionary searches and bifurcations is that alternatives to a catastrophic change of worlds are being sought, when the natural, cultural and human world concedes to the brazen invasion of the artificial, ghostly, anti-human world. The abyss is a space in which there is a change of worlds, and its secret freedom acts as a subject, author, demiurge of this change.

Keywords: Abyss, creating freedom, Russia.

УДК 11
ББК 87,1

Центром и производительной силой Бездны, ее высшей ценностью является творящая свобода. Все предметы, существа должны обустраивать свои бытийные «дома» для создавшей их свободы, настраивать свои смыслы на сакральные призывы скрижалей ее завета, охраняемого Бездной, не дожидаясь бумеранга ее возмездия.

В современном человеческом мире творящая свобода Бездны действует апокалиптикой, работая посредством сетей, которые становятся орудием деконструкции, расчеловечивания бытия и людей. Сети — пути, средства превращения мира в искусственные, призрачные царства антимира. Мир как форма организации бытия вытесняется змеиной агрессией Сетей антимира, осуществляющего деструкцию бытия. Любые сети (паук, рыболовные и др.) предполагают охотника и жертву: жертвами сетей становятся людские души, теряющие в сетях способность самостоятельно принимать жизненные решения. Но и охотники тоже становятся жертвами своих же сетевых авантюр.

Рационально-аналитическое понимание Бездны возможно лишь отчасти, ибо в этом концептуальном символе доминируют апофатические элементы знания, смыслов. Исследование Бездны дает не столько знания, сколько обогащает, расширяет и углубляет смысловой опыт, когнитивные умения разума и сознания. Бездна всегда остается безответным вопросом мироздания, ответ на который коре-

нится в тайне России, служащей метафизическим ключом к ее загадке и к бумерангу ее возмездия. Ибо Россия — единственная страна, постоянно обитающая не только в истории, но и в Бездне, а потому она создала бесценный и уникальный — бездний — жизненный мир людей.

Современный человеческий мир захлестывает вал перемен и кажется, катятся они сами по себе и сами для себя. В пожарах и взрывах войн, в удушающих объятиях «мягких сил» идут изменения — хаотические, расчетливые, расчеловечивающие. Семантика термина «из-мен-ение» указывает на иудское предательство бытия самому себе, на его оторванность от своих сакральных корней, которое оно пытается восполнить меной-изменой-прогрессом. Человеческий мир становится войной, в которой мир как состояние и как структура сражается с самим собой, вымещая недовольство самим собой тотальным крушением природы, культуры и человечности, деструкцией жизненного мира, заменяя мир войной. И даже сакральные миры ищут смыслы войной, как и атеистические социумы.

Поэтому сегодня сменяются не просто формации, цивилизации, культуры, эпохи, века, эры, а идет смена миров. Утверждается постчеловеческий мир с невообразимым бытием и небытием, с неприемлемым добром и злом, с иной жизнью и смертью, с мутирующим человеком, которого ужасается существующий «все-еще-человек».

Куда и зачем стремится человеческий мир, оседлав военную колесницу? Чего желает и что ищет этот мир, интеллект и сознание которого становятся под воинственные знамена Марса?

Понимание устремлений и судеб человеческого мира можно сегодня искать лишь в контексте запредельных принципов. Во Вселенной, в эволюции, в бытии-истории работает диалектика идеального и материального. Все вещи, существа, миры исполняют императивную норму своего бытия — познать самих себя, реализовать свою идеально-смысловую сущность и достигнуть целостности, в которой представлены их завершенность, их оптимальное устройство. Нарушение этой нормы карает бумеранг идеальности. Все аномалии

Вселенной — есть проявления возмездия идеальности за неисполнение ее смысловой нормы.

Идеально-смысловая завершенность социально-гуманитарного бытия оформленно выражают мифологема Золотого века, теологема Рая, русская софиологема Иного царства (мира) (совершенство и завершенность означают не некое искусственное состояние, а устроение человеческой материи согласно воле, смысловым императивам его идеальной субстанции, его софийной и соборной, имперской и творческой власти).

Ф.М. Достоевский считал Золотой век самой невероятной и невозможной мечтой, но за эту священную мечту люди отдавали свои жизни, за нее убивали пророков, без нее народы не хотят жить и даже не могут умереть. В этой мечте «свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

Ход мировой истории у русского пророка охватывает три периода: *Золотой век* — неразвернутое, нераскрытое всеединство человека, воспринимающего мир и самого себя в лоне идеальных начал бытия — правды, меры, сакральности. *Цивилизация* раздробляет целостность жизни, заменяет идеалы абстракциями и деньгами, а потому порабощает человека его пороками. Но, вопреки всем кошмарам и катастрофам цивилизации, неизбежно грядет *мировое всеединство*, похожее на Золотой век, но уже с осознанием человеком своей ответственности за идеально-смысловое устроение бытия: появится человек-воин, готовый сражаться за идеально-смысловую правду мира Иного.

Актуальный человеческий мир в контексте запредельных констант выступает как вселенская битва Иного царства, Рая, Золотого века за право иметь свое бытие, свои миры, своих людей и свою программу жизни. Не только человек мечтает, ищет «золотые» перспективы своей жизни, но и сами Иной мир, Золотой век объективно мечтают о своих мирах, создают их. Но это запредельное сражение идеально-смыслового мира с культом материально-потребительского суицида скрывают локальные битвы людей за богатства, за земли, за власть ради власти и сладкой деградации.

Но какими вехами следует руководствоваться на пути в Иное царство, чтобы не потерять себя? Кто будет допущен в грядущий мир благой и человеческий, в его землю сказочную?

В поисках путей-дорог грядущего мира нас встречает старый-престарый мудрый камень, на котором начертаны четыре роковых заклинания. Налево пойдешь — попадешь в Антимир прогресса, который сделает тебя цифровым призраком безродным, не нужным даже самому себе. Направо пойдешь — зайдешь в спокойный тупик погоста. Пойдешь правой или левой диагональю — возвратишься к началу пути сирый, голодный и слепой, став ученым и суетным экспертом. Последняя же надпись на камне гласит: «Прямо пойдешь — встретишь Великую Неизвестность по имени: “Все впереди”. Достойный обретет ключ от царства Иного!».

Однако поиск путей в адекватный человеческий мир оставляет без ответа вопрос о конструкторе самой этой ситуации выбора. Ведь вначале было бездорожье, и камня не было, надписей на нем тоже не было. Кто же воздвиг камень, начертал роковые письмена, обеспечил уникальный сервис на путях? Какие предшествующие события создали эту ситуацию, выразили в ней свои императивы? Какой субъект создал эту ситуацию и владеет ею? Должен ведь быть автор проекта этой ситуации, исполнитель-создатель, должен быть контролер за санкциями на путях, должны быть судья, палач, исполнитель воли возмездия на избранных путях!

Неведомо все это, а мифы и религии молчат. Однако детерминизм самой неизвестности, играющей ведущую роль в смене миров, удачно выразил русский фольклор: «Пойди туда — не зная, куда, принеси то — не зная, что». Куда же идет человеческий мир и что он может принести себе, людям?

Какие события и ситуации выражает эта формула? Кто и для решения каких задач сотворил эту формулу? Как она работает в реальных действиях бытия и человека, в спонтанно возникающих лабиринтах хаоса? Кто или что проводит деструкцию старого мира и создает новый мир? Кто является миротворным субъектом? Каков проект нового мира и кто дает ему бытие?

Смысловую ориентацию в спонтанно изменяющихся лабиринтах современного бытия-истории сегодня уже прямо определяют запредельные вселенские константы, обуславливая события, кризисы, катастрофы, судьбы человеческого мира, формируя вектор его развития. Великая неизвестность, Хаос, Иное, Бездна, София, Премуд-

рость становятся сегодня перводвигателями бытия-истории, легально приступив к переустройству человеческого мира на основе своих проектов. Смыслы значимых событий сегодня можно улавливать лишь посредством самых-самых далеких, но неотвратимо властвующих начал человеческого мира. Спасительными, творящими и освободительными сегодня становятся знания о самых опасных началах бытия — самые опасные знания, таящие в себе гибель самой гибели.

Современные кризисы рушат саму организацию бытия-истории в форме мира, создавая антимир, ведущий войну с миром. *Антимир* — это мир, работающий не на свое воспроизводство, а на деградацию и самоуничтожение. Антимир объявил войну идеалам, смыслам, заменяя объективную и субъективную идеальность виртуальностью, представляющую искусственный, абстрактно-технологический симулякр, «светский сатанизм».

Евро-американский мир для отрицания идеальности учредил постмодернистский спецтрибунал. Вот вердикт этого судилища, провозглашенный Ж. Бодрияром: «Вселенная в целом совершенна постольку, поскольку является результатом идеального преступления, причем *его идеальность и есть преступление*. В сущности, речь идет об убийстве зла» [1, 137]. Фактически это суицидальный приговор евро-американской цивилизации, которая считает всех людей преступниками, подлежащими истреблению.

В антимире все наши интенции и методы входят в режим постоянно действующего насилия. В сфере этого насилия естественные желания становятся принуждением к извращениям, решения заменяются произволом чужой воли, действия вытесняются принуждением ко злу, ценность вещей становится насилием рекламы, познание становится насилием информации, наслаждения превращаются в принуждение к наслаждению.

Как антимир, порожденный миром и зависимый от него, может угрожать миру? Кто или что может вообще грозить мирам, которые должны содержать в себе свою причину и быть сильнее своего отрицания? Какова причина конфликта миров друг с другом и с самими собой?

И здесь мы вступаем в сферу неясного и гипотетического. Вина вещей, миров и людей состоит в том, что они не признают свои

идеально-смысловые и спасительные императивы, что и вызывает к действию, возмездию, что призвано восстановить права творящих смыслов.

Угроза миру как форме бытия может исходить лишь из нарушения миром фундаментальных, запредельных констант Вселенной, из уклонения его от своего идеального начала, от воли сотворившей его свободы. Миры, вещи, люди, вступающие в конфликт с идеально-смысловыми началами своего бытия, становятся беззащитными перед хаосом, разрушающим их организацию. Идеально-смысловое начало действует в качестве субъекта вселенского суда и возмездия, карая материально-вещественных «моноайфонистов», не сознающих, что высшую угрозу их безопасности представляет критический рост массы их безмыслия и бессмыслия!

Являясь сокровенным охранителем бытия, смысл обитает на границах того начала, которое грозит бытию, вещам, мирам, людям гибелью. И это начало именуется *Бездной*! В Бездне смыслы одеваются в ризы миров, становясь их перводвигателями. И Бездна требует от миров, выходящих из ее безмирия в свободное плавание по Вселенной, следовать указаниям ее компаса — сохранять и умножать смысловую субстанцию, которая сохраняет мир, превращения силы возмездия в благодатные силы содействия.

Бездна — один из самых крамольных, даже криминальных концептов мысли, пытающейся расколдовать, перевести на смысловой язык таящуюся в нем реалию, выяснить, найти формы адекватного отношения к ней¹. Бездна служит творческой детерминантой мысли и сознания, благодаря чему они обретают умения и опыт общения с невидимым царством смыслов. Поэтому речь не может идти о том, чтобы пристроить концепт Бездны в семью благочестивых научных абстракций. Речь может идти лишь о раскрытии обуслов-

¹ Бездна — источник любого криминала, ибо в ней не работают все нормы, законы и правила бытия, вынуждая его руководствоваться ее свободой, что криминал и делает, превращая беззаконие в закон своего самосохранения. Криминал — есть использование законов Бездны вне Бездны и за ее пределами. Криминал питается беззаконием Бездны, а потому полностью он не устраним: его можно лишь ограничить до размеров, допускаемых Бездной. И революционное беззаконие сохраняет «бездные» нормы в чрезвычайных ситуациях. И крамола — есть действия в бытии, направленные против бытия, служащие интересам Бездны. Криминал и крамола выражают непостижимую тайну Бездны.

ленности научных и философских категорий сакральными императивами Бездны, о выявлении ее запредельного апофатического статуса, ее алгоритмов, посредством которых она детерминирует научные концепты и философские эманации мудрости.

Доктринальное содержание Бездны — это утверждение неоформленных, а потому не вполне познаваемых, а лишь признаваемых глубин сущего и выражение этих безымянных и безмолвных глубин в смысловой полисемантике мысли и сознания. В облике концепта Бездна получает имена и звучания какого-то неведомого страдающего чудовища, которое все может делать, но не знает, какой завершающий плод она должна взрастить в себе, для себя, для Бога и для человека. Непознаваема Бездна не в силу ограниченности мысли, а в силу безмерности смыслов ее мудрости.

В современном человеческом мире творящая свобода Бездны действует своей апокалиптической стороной, работая посредством сетей, которые становятся основным орудием расчеловечивания бытия и людей: сети — это средства превращения мира в искусственные, призрачные царства Антимира. Мир как форма организации бытия вытесняется агрессией антимира, осуществляющего посредством сетей деконструкцию миров бытия-истории. Любые сети (паук, рыболовные и др.) всегда предполагают охотника и жертву: жертвами социальных сетей становятся людские души, теряющие в сетях способность самостоятельно принимать жизненные решения. Но охотники тоже становятся жертвами сетей.

Возможно ли сотрудничество человека с Бездной или же ей нужно противостоять, сознавая при этом всю тщетность этого бунта, ибо она сама есть бунт против мертвых порядков, забывших о смыслах, свободе, творчестве? Или же спасения от всевластия рока миротворящей Бездны нет?

Бездной утверждается какая-то неведомая нам демиургия, держащая в себе меру творящего хаоса и диктатуры порядка, меру творящего порядка и диктатуры свободы. В бытии, во всех вещах, в человеке есть свои внутренние бездны, которые общаются с общей вселенской Бездной, участвуя в поиске нового строя Вселенной, в которой будет царить соборная многополярность Бездны. Ибо только в многополярной Бездне возможна полноценная реализация творя-

щего потенциала свободы и порядка. Бездна утверждает правду, творящая свобода которой расчищает пространства бытия, пригодные для возникающих и сохраняющихся миров. Странная, загадочная, устрашающая и непостижимая реалья!

Бездна не имеет приемлемого для экспертных отделов разума и сознания сакрального, гносеологического, художественного, нравственного истолкования, не имеет она паспорта зрелости разума и смыслового аттестата сознания. И не может иметь в силу своей запредельной свободы, которая еще не огласила весь каталог своих решений и смыслотворных форм.

Что есть Бездна? Дать точный, однозначный ответ, создать адекватный смысловой, логосный и словесный портрет Бездны невозможно. То ли потому, что Бездна есть во многом апофатическая реальность, выражающая свое содержание лишь в отрицательных суждениях, хотя они тоже косвенно выявляют ее субстанцию? Да, Бездна есть кантовская «вещь в себе», убегаящая от ловушек знания во тьму ничто; Бездна сама, независимо от человека, решает вопрос о своей познаваемости. Но, допустив, что бездна есть реалья, мы признаем, что она тоже имеет неведомую ценность. Бездна — это не абстракция, а дом творящей свободы, а потому она выше амбиций разума, являясь и иным бытием, и первозданной тайной, и страшным чудом.

Бездна — апофатическая категория-концепт, обозначающий место нахождения и заточения хаоса, зла, демонических существ и безмерных стихий. Но и добро, творчество, свобода, благо, правда и смыслы тоже имеют свои законные места в пространствах Бездны, проводя в ней свою комплексную модернизацию с целью освоения новых миров, возникающих из бездной реальности, обновляя алгоритмы своих действий.

Бездну можно лишь отчасти представить в категориях рационального катехизиса. Само общение сознания с Бездной обогащает понимающие умения и способности человека, превращает его в со-работника, в субъекта творящей свободы Бездны, в пользователя ее смысловых ресурсов. Важен смысловой опыт работы разума и сознания в контактах с непознаваемым.

Бездна есть метафизический вопрос без точного словесного ответа, это всего лишь намеки-ответы. Искомый ответ, видимо, коренится в самом безответном вопросе. Такие вопросы обучают, расширяют духовный опыт сознания и разума, делая их полноценными смысловыми существами. Такие вопросы раскрывают ограниченность вопроса вообще, ибо правильный ответ для вопрошающих состоит в автоответе самого вопроса.

Задача размышлений о полисемантическом концепте Бездны не столько в том, чтобы порождать знания, хотя и это нужно, а в том, чтобы развивать, обогащать разум и сознание, расширять смысловые пространства их действий, делать их более плодотворными. Человек остается с вопросом, пока в нем самом не откроется его же Бездна и не родит нужный ответ. Вопросы порождают демонические инстинкты, а ответы дает Бездна. Демоны, бесы, черти суть безответные воплощенные вопросы-страдания.

Именно в Бездне возникают миры, осуществляются миротворная организация и детерминация реальности. Бездна сама по себе не воздвигает миры, но она участвует в их созидании, являясь метафизической лабораторией и запредельным вселенским заводом, где замыслы Божьи становятся миротворными проектами и миробытием. Бездна есть сакральная лаборатория и кузница онтологических, миротворных кадров для Вселенной.

Первые когнитивные картины Бездны нарисованы в мифах и фольклоре. В русском фольклоре Бездну наиболее полно представляет символический концепт «Иное царство», обозначаемое и фразеологизмом «тридевятое царство, тридесятое государство» [2]. Из этого царства проистекает все содержание человеческого и природного бытия, в нем же разрешаются все их неразрешимости. Центром, высшей таинственной ценностью «Иного царства», является всемогущая творящая свобода, властвующая над жизнью и смертью, воплощая себя в мертвой и живой воде. Сохранение этих чудотворных вод для грядущих времен образует матрицу Иного царства, тайно воздействующего через сознание и на земной мир.

Бездна занимает уникальное место в Библии, хотя нет прямых указаний, как и зачем Бог сотворил эту реалию, для чего она нужна

Творцу. «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водой» (Быт. 1, 1—2).

Похоже, что Бездна извечна, т. е. она не творится, не возникает, а дана одновременно с Богом, Софией, Премудростью, Хаосом, Вечностью, Свободой, Неизвестностью; и действует она в пределах своих сакральных компетенций как автономное активное начало. Бездна служит местом всех мест и начал. Бездна есть сакральная одежда всех творений, спасающая их от самораспада, в Бездне Бог устанавливает и укрепляет источники вод.

Хотя Бездна служит местом заточения дьявола², падших ангелов, обеспечивает охрану Преисподней, она выполняет в Библии не только негативные функции, но является и сакральным благом. Поэтому псалмопевец требует почитать Бездну и даже змиев. «Хвалите Господа от земли... змиев и все бездны» (Пс. 148, 7). И бездн множество: все предметы, творения содержит бездну в самих себе, и находятся во внешней бездне. Имеет и Бог свои уникальные Бездны: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия!» (Рим. 11, 33). «Судьбы Твои — бездна великая!» (Пс. 35, 7). Бог есть бездна милосердия, укрощающего бездну грехов, бездну аномалий бытия, бездну его смыслотворных архетипов, бездну страданий и бездну радости, бездну крошечного мрака и бездну световой жизни.

Но Бездна — и обитель Бога; она столь же безначальна, как и сам Бог, как и Вечность, и творящая Свобода. Бездна представляет «третий мир», отличный как от Бога, так и от его творений. И она полностью не совпадает ни с Богом, ни с его творением. Бог творит в своей Бездне, властвует в своем творении и за его пределами. Бездна воплощает не директивно-караульное, а свободное, творческое исполнение замысла Бога. Бездна есть криптограмма Господа, разгадку которой ведаёт София, Премудрость Божья.

² «И увидел я ангела, сходящего с неба с ключом бездны и большой цепью в руке своей. Он схватил дракона, изначального змея, который есть дьявол и сатана, и связал его на 1000 лет. И он бросил его в бездну, и закрыл ее, и запечатал ее над ним, чтобы он больше не вводил в заблуждение народы, пока не закончится 1000 лет. После этого он должен быть освобожден на некоторое время» (Откр. 20, 1—3).

Бог не творит Бездну, а использует ее при воплощении своих замыслов и проектов. Бездна не ограничивает и не стесняет Божьей воли, наоборот, дает в ее распоряжение бесконечный ресурс вечности. Бог определяет мир и миры, но определяет посредством Бездны, сохраняющей и охраняющей высшую ценность Вселенной — творящую свободу, которую Бог ценит выше даже своей воли, допуская бесчинства и зло, ибо в них тоже работает созидаящая и самовластная свобода. И сотворенный человек, и Рай в качестве царства свободы тоже размещены в благой световой Бездне.

Созидателем и законодателем Бездны является самоисходная, предвечная творящая свобода, ее правящим органом служит Хаос, а суд вершит Премудрость Софии Божией. Бездна необходима для творческой автономии исходной, вечной свободы. Эта «меоническая свобода» служит первопричиной греха, искупления и спасения посредством ее инициатив.

Бездна служит своеобразной «сакральной мастерской», в которой Дух Божий творит, созидает, испытует идеи-проекты-замыслы миров, вещей, людей, духов и... бесов. В «мастерской» царит творческой произвол, а потому величественная, могучая, своевольная, неодолимая Бездна удерживает в сакральных пределах страшный и безжалостный пламень творящей свободы: Бездна служит сакральной лабораторией, в которой творящая свобода работает на благо бытия, сокрушая бесплодные отрицания ничто. Поэтому все сотворенное предметное, человеческое, духовное многообразие мира должно соответствовать сакральной свободе Бездны.

Бездна выступает как непосредственный исток, основание нашего мира и в то же время как угроза его бытию. Но Бездна не уничтожает миры, а модернизирует, преображает, обновляет их, предотвращая их от полной аннигиляции в пасти деструктивного ничто.

И человека со всеми его творящими взлетами и страданиями может понять и принять только Бездна, ибо она хранит все проявления человечности в своих смысловых мирах, питая ими правду непреложную. «В бездне греховной валяюсь, милосердия Твоего призываю бездну», — взывают словами молитвы крестьяне, осознавшие глубины бездной свободы, опасной сладким живым гниением мате-

рии. Сознание крестьян выдерживает смысловое напряжение символа Бездны, а вот сознание ученых не может вынести огненные энергии этого символа свободы.

Можно допустить, что работу Бездны курирует София Премудрость, возглавляя ее тайный конструкторско-проективный центр, контролируя целевое использование сакральных смысловых ресурсов, проверяя миры на соответствие их бытия мере творящей свободы. И человека Бог творит по своему проекту, но с учетом условий Бездны. Бездна — граница человеческого бытия, где происходят прощание человека со своим земным миром и его первая встреча со своим инобытием в облике творящей и сохраняющей его свободы.

Образным символом Бездны служит русская матрешка, в которой возможно и бездонное восхождение к новым мирам, и бездонное нисхождение в ничтожество самого ничто.

Если сегодня все идеи, принципы, теории, методы, все практические алгоритмы, планы, программы, все моральные императивы уже прекращают работать или же работают в обратную сторону, то это означает, что в Бездне завершается деконструкция существующего человеческого мира и начинается творение нового — Иного — человеческого мира с новыми — иными — людьми, с новыми — иными — рабочими местами, с иной мудростью, представленной философией хозяйства и софиасофией³. И этот новый мир, пройдя испытания, искушения антимиром цифры, призраков, экономизма, должен соответствовать мере творящей свободы Бездны, идеально-смысловым императивам Бога, Софии Премудрости.

Погружение в лоно, в живое пространство Бездны, испытание мерой и пламенем ее свободы, захват Бездной созревших для ее суда цивилизаций — ближайшая и неизбежная перспектива современного человеческого мира. Бездна манит бытие приемлемыми разрешениями всех проблем человеческого мира, преодолением всех его антиномий, развязыванием всех его узлов, шансами на продолжение жизни, крещенной мертвой и живой водой Иномирья. И поскольку

³ Истоки философии хозяйства и софиасофии уходят в конструктивные и творящие тайны Бездны. Их можно понимать или не понимать, принимать или не принимать, но их нельзя исказить, трактовать неправильно. Бездна как бы блокирует искажения, закрывает все пути для проникновения заблуждений и лжи на их территорию.

Россия — имманентно «бездная» страна, избранная самой Бездной в качестве посланника и вестника исцеляющих и возмездных ее даров земному миру, то в идущем «бездном» суде современного бытия-истории можно видеть начало русского времени Земли.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента до фрагмента. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
2. Трубецкой Е.Н. Иное царство и его искатели в русской народной сказке. М.: Г.А. Леман, [1922].

Reference

1. Bodriyyar ZH. Paroli. Ot fragmenta do fragmenta. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2006.
2. Trubeckoy E.N. Inoe carstvo i ego iskateli v russkoy narodnoy skazke. M.: G.A. Leman, [1922].

Н.Н. РОСТОВА

Война слов, или Как философия учреждает мир*

Аннотация. В статье раскрывается роль философии в современном мире. Автор исходит из идеи о том, что философия — не академическая дисциплина, но оптика, позволяющая прочитывать мир. Отсутствие собственной оптики заставляет нас быть податливыми мягкой силе. Автор вскрывает драму в современной русской философии, которая состоит в поиске собственного языка. На конкретных примерах из действительности автор демонстрирует работу философии, в связи с чем разбираются злободневные тезисы «нет войне», «за победу», призывы к гуманизму и ненасилию.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ростова Н.Н. Война слов, или Как философия учреждает мир // Философия хозяйства. 2022. № 4. С. 173—179.

Ключевые слова: современная русская философия, глобализм, полицентризм, война, человек, сознание, постгуманизм, гуманизм, соборность, культура.

Abstract. The article reveals the role of philosophy in the modern world. The author proceeds from the idea that philosophy is not an academic discipline, but optics that allows you to read the world. The lack of our own optics forces us to be malleable to soft power. The author reveals the drama in modern Russian philosophy, which consists in the search for one's own language. Using concrete examples from reality, the author demonstrates the work of philosophy, in connection with which the topical theses «no war», «for the glory», calls for humanism and nonviolence are analyzed.

Keywords: modern Russian philosophy, globalism, polycentrism, war, human, consciousness, posthumanism, humanism, Sobornost', culture.

УДК 101
ББК 87

Два события ознаменовали наши дни — с одной стороны, прошел Всероссийский философский конгресс. С другой стороны — состоялся Философский собор в Донецке. О конгрессе знает профессиональное сообщество, однако в свете происходящего на него вдруг направили прожектор общественного внимания, ибо от философов потребовали не только философии, но и идеологии. Оказалось, что философы есть, а идей и философии нет. К философам у общества сегодня много вопросов, но они удивляются, ведь работают изо дня в день. О конгрессе заговорили по телевидению в прайм-тайм, о нем начали писать газеты, с ним связывают ожидания. О соборе знают разве что его инициаторы и редкие наблюдатели, ведь информация о нем затерялась в сети, поскольку он не приковывает к себе внимание журналистов. Конгресс задан идеей «полицентричного мира», вынесенной в название мероприятия, а философский собор ставит себе цель помыслить происходящее с нами сегодня, задействуя ресурс русской мысли, о чем организаторы заявляют без эвфемизмов, предъ-

являя в названии лозунг: «Великое русское исправление имен». Резонанс двух событий лишь отражает общую ситуацию с философией в России. Самобытная мысль возможна лишь как вывих, уродство, движение против течения, проще говоря, личное дело претендующих на нее. Почему как личное дело? Потому что для русской мысли не предусмотрено слово, ее нигде не ждут, она всегда незваный гость, причем, прежде всего, внутри философского сообщества. Как эта внутренняя ситуация в философии отражается на нашей жизни? Она отражается в том, что мы запутались в словах — идет война слов. Нас пленяют терминами, они захватывают наше сознание и тиражируются в массы, мы же, не сформулировав собственной философии, попадаем в их ловушку. Что это за слова?

«Полицентризм». Что такое полицентризм? Нам говорят, что это то, что противостоит глобализму. Но полицентризм не противостоит глобализму, а, напротив, обслуживает его идею. Что такое глобализм? Трансгрессия любых границ и ассимиляция различий — Царство Антихриста, в терминах В. Соловьева. Кто такой Антихрист? Тот, кто всепринят, всем угоден, ибо примиряет все истины. А потому мир с радостью примет не Христа, а Антихриста. Глобализм разрушает идею центра, на которой зиждется любая культура, предлагая идею множественности локальных истин. Что такое полицентризм в философии? Его выражением является постгуманизм. Что такое идея полицентризма в современном интеллектуальном пространстве России? Это попытка неявным образом обозначить провинциальность нашего сознания, его нужду в сознании Другого, невозможность мыслить самим. Наряду с нарочитой установкой «западное мышление — единственно возможное» возникает более осторожная — «мыслить в контексте», вместе, сообща, иными словами, не своим умом.

Нам предъявляют лозунг *«нет войне»*. Трудно ему противостоять, ибо, следуя логике, придется сказать «да войне». Нас снова поймали. На чем? На слове «война». Что такое война? Война — это не убийство. Война — это эвфемизм для слова «истина». На кону истина, а нас отпугивают чучелом. Вместе со словом «война» нас заставляют отказаться от России: «нет войне», на самом деле значит «нет России». Мы отстаиваем правду, и тем самым физические и метафизические границы своей цивилизации. Их лозунг — это отказ в

этом праве. Почему война — фундаментальная категория для любой культуры? Потому что любая культура начинается с линий непреодолимого, с табу, позволяющих отныне отделить «нас» от «них», добро от зла, верх от низа, прошлое от будущего, дозволенное от недозволенного и проч. Линии непреодолимого, границы священного, как скажет В. Соловьев. Почему священного? Не потому, что все овеяно мистикой, «священное» здесь употребляется не в романтическом, а в бытийственном смысле слова. Следовательно, его границу нельзя преступать без того, чтобы разрушить то, что им удерживается. Любая культура стоит на страже своих границ, любая чутка к посягательствам на них. Жизнеспособность культуры определяется градусом этой чувствительности. Границы святы, ибо незыблемы для культуры. Воинственность культуры — не то же, что экспансия и жажда чужой крови. Воинственность — это готовность отстаивать границы, а в предельном смысле — пролить свою кровь, чтобы удержаться при истине.

В русской философии есть два ответа на вопрос о насилии. Один дан Львом Толстым, другой — Иваном Ильиным. Что говорит Толстой? О непротивлении злу насилием, ибо, как сказал Христос: «Царствие Божие внутрь вас есть». Что отвечает Ильин? О сопротивлении злу силой, ибо каждый ответствен за этот мир. Значит ли это, что Толстой пацифист? На фундаментальном уровне Толстой единоклубен с Ильиным, ибо оба они исходят из категории истины и ее учреждающей роли для человека. Русская философия понимает, что вне истины мир человека рассыпается, становится безосновным, а значит бессмысленным и несвободным. Вопрос о войне сегодня — это не вопрос о пацифизме, а вопрос об основаниях. Мир, следующий по пути глобализации, закономерно вытеснил христианство, ибо Христос сказал, что «не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10:34—36). Глобальный мир выбирает Антихриста, размывающего понятие об истине. Что можно противопоставить лозунгу «Нет войне»? Свои смыслы — «За победу».

Нас соблазняют словом «свобода». Почему призывы к свободе соблазнительны? Потому что они обращены к сердцевине нашего существования. Человек исконно — существо неприкаянное в этом мире, принужденное обживать мир посредством своих представлений. Почему? Потому что инстинкт не распространяет свою власть

на сферу сознания. Здесь мы одиноки. Один на один со своим хаосом. Иными словами, человека томит внутренняя нужда в тотеме, который позже назовут идентичностью. Идентичность — не психологическая проблема, но антропологическая. Почему не психологическая? Потому что речь идет не о созревании психики человека по заданным законам и возможных отклонениях от нормы в этом процессе, а, напротив, о том, что человек вынужден сам учредить внутренний закон, которому он будет следовать. Так посредством учреждения незыблемых ограничений на заре человечества усилиями множества появляются культуры и цивилизации, которые носят мистериальный характер. Сегодня они сжались до социума. Теперь он — поставщик наших идентичностей. Почему сжались? Потому что идентичность сегодня можно присвоить, минуя сознание. Сознание дорого обходится человеку, ибо требует решительности непрестанно удерживать себя при табу, внутреннем ограничении. Против социума человек восстает, ибо он клиширует, ловит нас на крючок ответов, не нами данных. Самим быть тяжело, а социум принять невыносимо. Как работает в основе своей постгуманистический лозунг о свободе? Он обещает нам мир по ту сторону потребности в идентичности. Он снимает с нас это бремя, врачует нашу внутреннюю маяту, убеждая в том, что у человека нет нужды ни в каких клише, социальных ролях и, в целом, в ограничениях и самоограничениях человек может существовать в первобытном — в антропологическом смысле слова — состоянии. Нас приглашают к расчеловечиванию. Расчеловечивание не то же, что бесчеловечность в моральном смысле. Равно как и не метафора. Расчеловечивание — это режим существования, исключаящий границы. Нам говорят, что можно жить в антропологическом хаосе. По логике случая. Следуя ситуации. Лозунг о свободе отвечает на коренной запрос человеческого существования, а потому нетрудно находит своих последователей. К чему это приводит? К тому, что поколения не понимают друг друга. Соблазненные 20—40-летние молодые люди говорят своим родителям: «Мы вас не понимаем. Добро? А что это? Добро — это когда мне хорошо. Родина? А что это? Природа? Она не только здесь хороша. Совесть? Как вас понять? Жизнь одна. Почему я должен ее отдавать кому-то и за что-то. Уехать? Почему нет? Мне предлагают социальные гарантии

и доход». «Свобода» — это лозунг, приглашающий в мир по ту сторону добра и зла. Но здесь никто не свободен, ибо режим хаоса делает свободу невозможной. Здесь все может быть по правилам случая, а не по тем правилам, законодателем которых является сам человек. Множество, пребывающее в антропологическом хаосе, легко становится объектом социальных и политических гипнотизеров, превращаясь в шлак истории.

Нам говорят о *«гуманизме»*. Мы должны быть гуманными. Но почему мы должны быть гуманными и что это значит? Нас ловят на очевидности говоримого. Но проблема гуманизма вовсе не очевидна. Гуманизм — это не универсалия, но то, что выдает себя за таковую в силу европоцентричной позиции. Гуманизм — детище западноевропейской традиции, которая ставит человека в центр мира и нарекает существом разумным, мерой всех вещей, а также славным мастером самого себя. Этому мировоззрению противостоит многообразие иных культур. Для России, например, человек никогда не являлся центром. Для русского сознания реальна не личность, но собор, для него точкой отсчета служит не разум, но живое знание, не логика прямой перспективы, но логика обратной перспективы, т. е. оптика, в основании которой лежит взгляд Бога на мир. Не человек — центр, но Бог. Что это значит? Это значит, что идеалы гуманизма и следом возникающие идеалы постгуманизма чужды для русской культуры. У нас другой склад ума и другие ценности. Какие? Во главу угла мы ставим не индивидуальные переживания человека, но общие смыслы. Значит ли это, что человек для нас не важен? Нет. Это значит, что человека мы не мыслим вне того, что его превышает. Мы понимаем, что, покушаясь на этот символический горизонт, мы покушаемся на самого человека. И, обратно, оберегая этот горизонт, мы обеспечиваем пространство человечности. Что, к примеру, сделал патриарх в недавнем прошлом, когда политически ангажированные личности сплясали в храме Христа Спасителя? Многие тогда сетовали на церковь и ждали с ее стороны проявления «смирения». Кто-то предлагал «хулиганов» накормить блинами под масленицу. А что сделал патриарх? Он призвал верующих совершить совместное молитвенное стояние. Он вывел тысячи на улицу. Зачем? Чтобы утвердить границы, на которые посмели посягнуть. Отстоять святыни. Утвердить верующих в качестве верующих. Что такое святыни? Это

то, что превышает человека, даруя ему смысл. Накормить блинами, проявить «смирение» — последовать гуманистической логике. Утвердить святыни — последовать соборной логике.

Мы говорим: «*За победу*». Но о какой победе идет речь? Кого и над кем? Кто мы и что мы отстаиваем? Пока не будет ясных ответов на эти вопросы, победа невозможна. Наши предки знали, за что проливали кровь. Мы пребываем в неясном информационном пространстве, в котором черное может обернуться вдруг белым, а белое — черным. Наши цели смутные, мы движимы не твердой правдой, а предчувствиями. Мы подошли к осознанию того, что общество без великой идеи невозможно. Нам нужны твердые основания.

Мы заявили о «*Большой перемене*», обратив свои надежды на детей. Но перемена — не просто временной промежуток между уроками, не просто метафора для досуга. Перемена — это прежде всего, перемена в нас самих, изменение. Детям мы сможем что-либо предложить лишь тогда, когда сами будем этим обладать. Чем? Идеями. А поскольку эти идеи лишь мерцают в нашем воображении, постольку ожидаемо сразу же послышались предложения передать в этом начинании инициативу самим детям. Пусть они сами будут своими навигаторами. Почему ожидаемо? Потому что у нас самих нет ясного навигатора. А главное потому, что последние годы, особенно в сфере образования, мы обслуживали идею ненужности авторитарных подходов и плодили теории гибких образовательных траекторий, замены учителя на тьютора, отмены экзаменов, деления знаний на «soft skills» и «hard skills» и прочее — вплоть до призыва сломать шпиль МГУ. Все подобные начинания, по сути, едины в своем стремлении превратить образование в привилегию для элиты, массам же предложить комфортное времяпрепровождение в молодые годы с перспективой стать дешевой рабочей силой впоследствии.

Каковы же результаты конгресса? В философии будет так, как было, ибо избыточность слов покрывает любые запросы времени. Каковы результаты собора? Так, как было, продолжаться не может. Вместо великого исправления имен мы обнаружили великую устрашающую немоту.

К.В. МОЛЧАНОВ

**Основы нового понимания планирования,
или Существо диалектического планирования***

Аннотация. В статье рассматривается новый формат планирования — диалектическое планирование. Его осмысление осуществляется на основе диалектики и исходит из положений авторских исследований социально-экономического развития России, в ходе которых был выявлен факт изменения методологии исследований и инструментов познания. Для диалектического планирования важными оказываются два положения: отказ от гипотезы и обращение познания на себя (как рефлексирование). Основное отличие диалектического планирования от обычного заключается в том, что происходит не достижение внешних требуемых субъективных целей, а развитие ситуации. Это развитие характерно само по себе (но в смысле субъективной цели), его конкретная реализация выбирается из множества вариантов как наиболее близкая к желаемым результатам. Основным результатом исследования является выявление указанной проблемы и некоторых ее базовых теоретических положений. Диалектическое планирование может применяться при планировании исследований, в программировании и при осмыслении нового понимания информационных технологий. Результаты исследования могут быть использованы для определения новых возможностей и путей развития общества, экономики и науки.

Ключевые слова: планирование, общество, программирование, познание, гносеология, диалектика.

Abstract. The article discusses a new format of planning — dialectical planning. Its comprehension is carried out on the basis of dialectics and proceeds from the provisions of the author's research on the socio-economic development of Russia, during which the fact of changing the methodology of research and tools of cognition was revealed. For dialectical

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Молчанов К.В. Основы нового понимания планирования, или Существо диалектического планирования // Философия хозяйства. 2022. № 4. С. 180—201.

tical planning, two provisions are important: the rejection of the hypothesis and the conversion of cognition to oneself (as reflection). The main difference between dialectical planning and conventional planning is that it is not the achievement of the external required subjective goals, but the development of the situation. This development is characteristic in itself (but in the sense of a subjective goal), its concrete implementation is chosen from a variety of options as the closest to the desired results. The main result of the study is the identification of this problem and some of its basic theoretical provisions. Dialectical planning can be used in research planning, in programming, and in understanding a new understanding of information technology. The results of the study can be used to identify new opportunities and ways of development of society, economy and science.

Keywords: planning, society, programming, cognition, epistemology, dialectics.

ББК 60.52
УДК 316.1

Введение. Посылка и опорное положение диалектического исследования планирования

В современной диалектике возникли задача кардинального развития познания, «необходимость алгоритмизации и компьютеризации познания для того, чтобы разнообразить и интенсифицировать современное диалектическое познание вплоть до исследования возможностей создания компьютеризированного (“искусственного”) предметного познания» [8, 198]. При этом одним из основных вопросов стала организация исследований, в первую очередь, определение их программы, или их планирование, которое подлежало диалектическому переосмыслению.

Предметно, наши работы о планировании писались исходя из результатов исследований социально-экономического развития России (см., напр.: [13; 14]), проводимых нами на базе авторской теории политической экономии⁴ и на основе диалектики. В первую очередь,

⁴ Ее предметные и методологические основы, направления исследований и задачи были определены в нашей диссертации на соискание ученой степени кан-

на основе а) диалектического метода, понимаемого согласно Платону и раскрытого им в его труде «Государство» [15, т. 3, 315—318] (этот метод не следует путать с тем, что под словами «диалектический метод» понималось в СССР), и б) гегелевского учения о сущности.

Одним из важнейших моментов и базовым положением наших исследований стал выявленный нами новый диалектический *принцип познания*, обусловленный фактом изменения и развития не только теоретических представлений об исследуемом феномене и взглядов в смысле диалектики на его перспективы как на его *некоторое возможное*, но и гносеологией исследований.

Новый диалектический принцип познания был открыт нами в ходе анализа конкретных теоретических политэкономических представлений о современном социально-экономическом развитии России. Что прослеживается в наших исследованиях, начавшихся чуть более 20 лет назад и сначала развивавшихся в обычном для научного познания порядке: с оценки ситуации, выявления критичных положений, осмысления задач, подлежащих решению, и т. д. Такой метод оказался отличительной чертой наших исследований, выразившейся в том, что в их ходе был применен диалектический принцип *единства исторического и логического* в силу того, что изучение социально-экономических процессов невозможно без анализа их истории.

При этом, в результате анализа эволюции предмета исследований и теоретических взглядов на него, было акцентировано наличие в них *противоречия*, которое сделало проводимые нами изыскания принципиально отличными от любых научных исследований во всех сферах (экономической, политической и т. д.), так как оно не только игнорируется в науках, но и имеет особое категориальное значение, ибо обуславливает *саморазвитие* диалектических исследований в силу того, что «противоречие есть корень всякого движения и жизни» [1, т. 5, 520], а также позволяет выявлять альтернативные позиции, что предельно важно для предмета настоящей статьи.

дидата экономических наук «Выявление современных парадигмально-гносеологических основ политической экономии», защищенной в 2003 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова.

В смысле противоречия принципиально важно то, что оно, согласно диалектике, решается в *основании*⁵. При этом один из вариантов рассуждений, принципиально важных для настоящей статьи, основывается на *реальном возможном*, понимаемом согласно гегелевскому учению о сущности. Таким образом, в процессе наших исследований социально-экономического развития России произошли качественные трансформации их существа и характера, вызванные изменением не только ситуации, но и методологии исследований и инструментов познания.

Во-первых, в отрицании обычного для научного познания порядка их особенностями стали снятие (отсутствие) первоначальной гипотезы и акцентирование присущего им изменения, развиваемого из единства исторического и логического через противоречие, причем как содержания предмета и целей, так и теоретических представлений и инструментов познания.

Во-вторых, развитие содержания исследований оказалось неразрывно связанным с соответствующим ему изменением и совершенствованием исследовательского аппарата и методологии исследований (в диалектике подразумевается присущность методов содержанию исследований, а вот в науках методы являются внешними содержанию), фактически — мышления, принципиально важного не только для исследований познания и планирования, но и актуальных для наших исследований их суперпозиций. Прежде всего, речь идет об исследовании планирования.

Более того, в-третьих, оказалось возможным проводить исследования в области *сущности* (здесь: через *действительность*, понимаемой согласно Гегелю), что позволило применять понятия противоречия и основания и получить качественно новые результаты (см. далее).

Все указанные положения стали принципиально важными для гносеологии наших исследований, в ходе анализа которой в свою очередь, и был сделан вывод о том, что для исследований, начатых даже в обычном для научного познания порядке, возможным явля-

⁵ Это было подробно рассмотрено Гегелем в его учении о сущности и поэтому не требует отдельного разъяснения в настоящей статье.

ется учет эволюционных изменений не только предметного содержания, но и теоретических возможностей и представлений об исследуемом феномене и его перспективах, причем понимаемый в качестве *принципа познания*, определяющего становление, развитие и коррекцию диалектических исследований.

Отдельным образом следует отметить, что именно диалектика (познание) теоретических представлений об исследуемом феномене, использующая механизм раскрытия единства исторического и логического, не только определяет развитие взаимосоотносимых гносеологии и содержания исследований, но и включает изучение их изменений, учитывающих практику, а также обуславливает новое представление о состояниях и изменениях *предполагаемого возможного*, в том числе *предполагает* альтернативные аналитические варианты, принципиально новые позиции (идеи) и их темпоральные многообразия (моделируемые процессы и решения). Иначе говоря, таковой метод обуславливает возможность рассуждений о вариантах развития как некоторого *полагаемого*, или объективно наступающего, так и некоторого *предполагаемого*, или планируемого, что и обуславливает изменение представлений о планировании.

Для лучшего понимания существа обозначенного вопроса следует акцентировать использованное нами диалектическое положение, известное еще со времен Платона и заключающееся в том, что в диалектике «наш разум достигает (результатов. — К.М.) с помощью диалектической способности. Свои предположения он не выдает за нечто изначальное, напротив, они для него только предположения как таковые, то есть некие подступы и устремления к началу всего, которое уже не предположительно. Достигнув его и придерживаясь всего, с чем оно связано, он приходит затем к заключению, вовсе не пользуясь ничем чувственным, но лишь самими идеями в их взаимном отношении, и его выводы относятся только к ним» [15, т. 3, 293]. Иными словами, в диалектике предпосылки исследований принимаются не как очевидные, субъективные или аксиоматичные положения, т. е. не как гипотезы, а как начала, которые нужно обосновать (или, сняв существующие, обосновать новые).

Если решение на основе рассудка, или в науках, «душа вынуждена искать на основании предпосылок, пользуясь образами... и устремляясь поэтому не к началу, а к завершению» [15, т. 3, 292], т. е.

от гипотез к результирующим выводам, то на основе разума, или в диалектике, душа «отыскивает (решение. — *К.М.*), восходя от предпосылки к началу, такой предпосылки не имеющему. Без образов, какие были в первом случае, но при помощи самих идей пролагает она себе путь» [15, т. 3, 292].

Обозначенное принципиальное различие осуществления научного и диалектического познания хорошо изучено российскими и зарубежными специалистами, в том числе на примере анализа методологии Платона, определяющей различие формирования предметов познания и способа постижения реальности (см., напр.: [5]), поэтому отдельно на этом, достаточно очевидном положении в данной статье мы останавливаться не будем, а лишь акцентируем их следующие важные для нее различия.

Научное познание (рассудок) а) принимает для начала рассуждений некую гипотезу — некое гипотетическое начало, субъективно предположенное; б) применяет *к нему* субъективно определяемый метод (дедуктивный, по своему существу, метод, но чаще — просто формальные методы) в целях исследования положений, имплицитно содержащихся в гипотезе и ее осуществляемом развитии; в) устремляется к завершению и получает фактически целевой результат.

А вот диалектическое познание а) использует начала, причем понимаемые как доказываемая система идей по Платону (а не первичное субъективное мнение (гипотезу)); б) устремляется к сути вопроса, обосновывает его (а не принимает априорно); в) развивает свои представления до реального положения дел, а не в связи с изначально предположенной целью.

При этом для существа выявленного нами принципа познания принципиально важными оказываются два положения:

1) отказ от гипотезы (точнее — ее отрицание), понимаемой в смысле наук;

2) обращение (диалектического) познания на себя, но уже как обращение к сущности, как *рефлексирование*, как раз и обуславливающее выявление и использование опорного положения диалектического исследования планирования — *реального возможного*, требуемого для дальнейших рассуждений.

Эти положения важны не только для проведения исследований, но и для их организации, в частности — их планирования, которое можно рассматривать в общем смысле, что и обуславливает предмет настоящей статьи. При этом, однако, речь далее пойдет не о формально-логическом (или близком к таковому) развитии представлений о предположенном объекте из некой субъективной гипотезы, тем более не об интуитивных представлениях, как это порой делается в науках, а о предметном, обращающемся на себя, изучении и развитии выявленного обоснованного содержания.

Анализ проблемы планирования, начиная с планирования научных исследований

Исследование планирования целесообразно начать с частного, хорошо известного его вида, обладающего рядом критичных недостатков, актуальных для темы настоящей статьи, — с планирования научных исследований.

На первый взгляд, при планировании исследований можно просто действовать так, как это осуществляется в науках: определиться с объектом и предметом исследований, с их целями и задачами, с гипотезами и методами, потом сформировать *план исследований*, осуществить их и подвести итоги, возможно, проведя эксперименты, апробации и т. д. И зачем же акцентировать позиции и положения развития диалектических исследований, в том числе современных, если все можно, как кажется, в той или иной мере свести к известным позициям планирования исследований в науках?

Все дело в том, что планирование научных исследований обладает множеством недостатков, почему-то упорно не замечаемых учеными (быть может, в силу негативов самого научного познания (см., напр.: [9])). Среди конкретных изъянов планирования (составления плана) научных исследований для раскрытия предмета настоящей статьи достаточным будет указать следующие положения.

Во-первых, научные исследования базируются на некой гипотезе, зачастую выражающей мнение исследователя, а не реальное положение дел. Это понятно, так как исследование надо с чего-то начинать, что не может быть не известным. Но *насколько* или *как* гипотеза может являться (быть) началом исследований — обычно не известно,

что, однако, противоречит изначальному выбору гипотезы как *полагающей* исследования и составляет проблему их начинания.

Во-вторых, научным исследованиям в целом и формированию плана их проведения в частности фактически присуща формальность, обусловленная набором стандартных положений, как будто все исследования идентичны по структуре (а неизбежные изменения обуславливают *неплановость* проведения исследований).

В-третьих, формированию плана проведения научных исследований присуща субъективность, которая фактически проявляется в произвольном, зачастую недоказуемом выборе исходных положений, целей, регламента исследований и т. д., осуществляемом в основном на основе неких фактов (которые, однако, еще только подлежат изучению) и экспертных или иных заключений. Да и причинами исследований становятся обычно очевидные, но, по своей сути, внешние к существу проблемы положения, первоначально лишь *оцениваемые* как подлежащие исследованию: некий новый феномен, возможно догадка, обнаруженный недостаток существующего теоретического положения и т. д.

В-четвертых, очевидна несогласованность между а) целью и гипотезой научных исследований, б) их содержанием и методами (в частности, то, что гипотеза соответствует цели, а методы — предметному содержанию, никогда не доказывается, а считается очевидным).

В-пятых, критичной для планирования научных исследований является неприсущность применяемых методов (причем зачастую абстрактных, например, математических) самому объекту исследований и их планированию и исходному содержанию проблемы: методы являются внешними исследованиям и их планированию (это особенно важно для планирования исследований).

В-шестых, при планировании имеет место внешняя рефлексия: размышления ученых о проблеме, гипотезе, методах и т. п., а не объективное развитие самого содержания (проблемы).

В-седьмых, имеет место случайность, обусловленная указанными выше критичными положениями, в первую очередь, субъективностью и отсутствием теоретической основы, обосновывающей выбор начала исследований и формат их осуществления (в том числе самого планирования, что принципиально важно для настоящей статьи).

Существенны и другие критичные положения.

В целом ясно, что негативные стороны планирования научных исследований рассматриваются нами а) как вполне очевидные факты, наглядные примеры, обозначающие конкретные проблемы вообще планирования, которые ниже в ряде случаев можно будет обозначать по аналогии; б) как отправная точка и основание исследования самого планирования, что обуславливает обобщение рассмотрения планирования научных исследований на планирование вообще.

Вопросы и методы планирования рассматриваются во многих работах. Обычно планирование понимается как «ориентированный на будущее, осуществляемый на основе систематической подготовки регулярно повторяющийся процесс переработки информации и принятия решений, который проводится как на уровне системы (предприятия) в целом, так и ее отдельных элементов (структурных подразделений, функциональных подсистем, отдельных работников). Результатом планирования является план или система планов» [16, 9]. Понимание планирования и различные взгляды на него хорошо известны, поэтому на них останавливаться не будем, а уделим внимание другой стороне вопроса — негативным сторонам понимания, определения и осуществления планирования.

В литературе, касающейся планирования, практически не исследуются его недостатки, они лишь упоминаются в формальном порядке, ибо их нельзя не замечать и поэтому не упоминать. Однако, как бы они не были критичны для осуществления планирования, часто игнорируются в науках. Обозначим ряд самых очевидных из них, вполне достаточных для настоящей статьи, причем отметим, что они обуславливают как принципы, так и моменты диалектических исследований планирования, что составляет их особенность.

Во-первых, в материалистичных (по своей сути) науках вообще (и в том числе при планировании) без объяснения возможности и указания регламентов применения используются идеальные понятия, которые обуславливают субъективность и неоднозначность. Например, концептуально (теоретически) не определены будущее и момент соотношения (связи) настоящего и будущего, что усугубляется еще и тем, что в науках время корректно и однозначно не определено, но на это в принципе не обращается внимание. Более того, в

материалистичных науках отсутствуют обоснование и описание инструментов работы с категориями, отражающими субъективность и идеальность (например, с будущим), что делает многие факторы, включаемые в научные исследования и планирование, нехарактерными предмету (содержанию). При этом в науках в процессе планирования применяются (в первую очередь субъективные) положения, внешние, не свойственные содержанию исследуемой и изменяемой ситуации, ее природе, причем без анализа влияния этого фактора на процесс планирования, в том числе в силу некоторых их указанных выше положений.

Во-вторых, в науках имеют место субъективность, относительность, неоднозначность и неопределенность принципиально важного для планирования понятия — *цели* — в науках, при этом

1) нет однозначного определения цели, более того, в науках цель понимается субъективно и относительно,

2) планирование не предполагает обоснование целей, в соответствии с которым оно осуществляется;

3) планирование является выражением реализации субъективных целей, внешних по своему существу содержанию предмета исследований, да еще фактически безотносительно к существу сложившейся ситуации и закономерности ее собственного развития⁶.

В-третьих, при планировании на основе научных подходов обычно осуществляются меры, неприсущие природе исследуемой и изменяемой ситуации, т. е. реализуются *неприсущие* ей пути развития.

В-четвертых, при планировании используется *традиционная логика*, чье несовершенство обосновал Гегель и даже удостоил *презрения* ее содержание [1, т. 5, 30]. В ней, согласно Гегелю, в первую очередь, отсутствует возможность обоснования выводов и, соответственно, позиций планов. Так как, в частности, в традиционной логике, используемой в науках, а) имеют место ложные законы (например, закон противоречия), что Гегель обосновал в своем труде «Наука логики», и б) нет даже корректного определения *суждения*

⁶ При планировании на диалектической основе используется гегелевское понятие цели.

[11], без которого невозможны умозаключения и обоснованные выводы. Часто применяются ничтожные по своей сути и существу «законы» Энгельса [7]⁷. Иными словами, планирование в науках не базируется на корректной и достаточной логике и представляет собою, по сути, совокупность *мнений*, что составляет, пожалуй, одну из самых существенных проблем современного планирования.

В-пятых, в науках попросту нет концептуального осмысления планирования, понимания его вообще: в науках нет

- 1) философического осмысления планирования;
- 2) цельного понимания феномена планирования (именно поэтому имеются только частичные представления о нем и соответственно обсуждаются его виды).

Существенны и другие положения, и в итоге, обобщая указанные выше положения, следует отметить, что планирование

- 1) является субъективным и относительным, что признается и научным сообществом: «на процесс планирования оказывает существенное влияние человеческий фактор, так как само планирование осуществляется людьми <...> в процесс планирования вносятся личные представления о ценностях, целях и интересах» [17, 9];

- 2) обременено множеством проблем — от методологических проблем до «проблемы социально-культурного характера» [16, 14—15].

Иными словами, учеными признается несовершенство планирования, в том числе то, что оно субъективно и, соответственно, произвольно. Однако негативные стороны почему-то не исправляются, что, на наш взгляд, ставит вопрос о невозможности однозначного и корректного определения планирования, что особенно критично для России в смысле того, что «система планирования — наиболее слабое звено в управлении российскими предприятиями» [16, 13] (следует добавить, что это особенно критично в условиях 2022 г.). При этом, как уже отмечалось, негативные стороны планирования являются наглядным примером, актуальной точкой отсчета и хорошим

⁷ Несмотря на бытующие стереотипы, Энгельс своих законов (известных как «законы диалектики») не обосновал и из-за невозможности их доказательства только указал, что якобы «все эти три закона были развиты Гегелем» [4, 384]. Но ни Энгельс, ни кто-либо другой соответствующих ссылок на труды великого философа до сих пор не привел...

основанием для обозначения многих его проблем и для организации его исследований, и именно благодаря им обнаруживаются многие предметные положения исследований соответствующих вопросов.

Уже на стадии обозначения существа процесса планирования, рассматриваемого на основе диалектики, *определяется понимание его сути, отличное от научного*. Параметры нового состояния не «подгоняются» под поставленную задачу, обычно внешнюю и чуждую содержанию ситуации, а *образуют* задачу, если подходят под выдвигаемые требования (цели), точнее — изыскиваются удовлетворяющие требованиям новые объективные состояния, из которых выбирается подходящее (оптимальное). Иными словами, планирование в диалектике определяется не столько субъективными установками и т. п., сколько положениями, которые составляют существо имеющейся ситуации, хотя и понимаются они в соответствии с насущными (поставленными) задачами развития. Это положение является первым базовым моментом рассуждений о диалектическом планировании.

Таким образом, для настоящей статьи актуальны рассуждения, которые основываются на том, что в понятиях диалектики, согласно труду Гегеля «Наука логики», ситуация (процесс) и ее (его) изменение связаны (в смысле обусловливания, развития) с *причиной*, вызывающей *действие* (изменение)⁸. Реализацию же причины, согласно диалектике, следует понимать на основе *необходимости*, которая «в себе есть единая, тождественная с собою, но полная содержания сущность, которая так отражается внутри себя, что ее различия принимают форму самостоятельных реальностей» [1, т. 1, 251], причем «то, что необходимо, существует через некоторое другое, которое распалось на опосредствующее основание (предмет и деятельность) и некую непосредственную действительность, на случайное, которое вместе с тем есть условие» [1, т. 1, 252].

Обозначенная ситуация сводится к известному из труда Гегеля «Наука логики» *процессу действительности*, к реализации «условий, а именно рефлексии условий внутри себя и снятие ими самих

⁸ Гегель в указанном труде дал развернутую критику ошибочных научных представлений о причине и следствии, поэтому соответствующее положение обсуждать отдельно нет надобности.

себя» [1, т. 1, 246]. Иначе говоря, не только объективный, непосредственный ход событий реален, но, в силу условий, и запланированная *некоторая возможность* может быть преобразована в (новую) действительность.

В категориях действительности и возможности актуален альтернативный вариант (другое): «согласно формальной возможности, если какое-нибудь нечто было возможно, то в силу этого было возможно также и не оно само, а его другое» [1, т. 5, 662]. Это на первый взгляд и так понятно, но в смысле учения Гегеля оно логично и понимается объективно (а не субъективно, как при обычном планировании), что и используется при диалектической реализации планирования. При этом важным и достаточным является понимание очевидного тезиса о том, что если в природе процессы протекают закономерно, то в отличие от неживой природы человеку (духу) свойственно «не допускать продолжения в нем какой-либо причины, а, наоборот, прерывать и преобразовывать ее» [1, т. 5, 680]. Иными словами, развитие (ситуации) вообще возможно как объективно (обычное, собственное развитие), так и субъективно: в обоих случаях через изменение логики содержания, но во втором случае — согласно некоторым представлениям (плану), причем в силу возникающего в таком случае упомянутого выше противоречия, что принципиально важно как для проводимых рассуждений, так и для диалектического планирования. Или же окажется так, что ситуация (условие) определяет выбор варианта продолжения (некоторого нового, другого). Именно поэтому в диалектике планирование, по сути, сводится к тому, что обусловленное причиной содержание (ситуации) рассматривается как действующее (развиваемое) содержание в данных непосредственных условиях. Это положение является предельно важным моментом для рассуждений о диалектическом планировании — вторым базовым моментом рассуждений о диалектическом планировании.

При этом в любом случае — объективном или субъективном — речь идет, с одной стороны, об *условии* (реальной ситуации), а с другой стороны, об *обоснованном*, о нечто развивающемся либо естественным образом, т. е. объективно и закономерно, либо вынужденным образом — субъективно и планоно. Во втором случае (в силу

нарушения причинности) актуальны различные альтернативные варианты, следующие из мотивов формополагания, что является предельно важным положением, или третьим базовым моментом рассуждений о диалектическом планировании. При этом, что особенно важно, разные альтернативные варианты могут иметь различную степень желательности, пригодности, по-разному соответствовать выбранной цели, что в свою очередь предопределяет *выбор* среди альтернативных вариантов (что, во-первых, концептуально соответствует указанному выше первому базовому моменту рассуждений о диалектическом планировании и, во-вторых, характерно для рефлексии).

В интересующем нас случае — в случае субъективного развития ситуации или при ее планировании — речь идет о достижении *желаемого*, субъективно определяемого состояния. Однако предельно важно, что речь идет о состоянии *полагаемом* (здесь: планируемом) на основе реальных (имеющихся) условий (в том числе возможностей, ресурсов и т. п.). При этом существо изменения проблемы (содержания) заключается в (упомянутом выше) *противоречии* существующего состояния — *действительного*, и нового желательного — *возможного*, понимаемого уже как не объективно развивающегося, непосредственного, а как опосредованного, *планируемого*.

Таким образом ясно, что в планировании имеется *единство* условия и основания, которые в известном, рассмотренном Гегелем, *процессе действительности* приводят к *новой действительности*. Однако следует различать два упомянутых выше понимания, два варианта развития ситуации или осуществления ее процесса. Первый — это развитие (реализация) в объективном порядке, в обычно понимаемом порядке изменения ситуации, происходящем в смысле *положенной формы*. Второй — это развитие (реализация) в субъективном порядке до некоторого возможного состояния, обусловливаемого *предположенной формой* (т. е. формой запланированных изменений), которую как раз-таки и нужно предположить (найти, создать, спланировать). Именно этим обозначается предположение процесса, т. е. его планирование как выбор оптимального варианта. При этом во втором случае решение противоречия (действительного существующего и возможного запланированного) определяется не

как свободное развитие, а как достижение желательного состояния, которое и понимается в таком случае как возможное, которое определяется формой, соотносимой с основанием, т. е. как раз реальным возможным. Другими словами, имеется обоснование, и поэтому обозначается *обоснованное другое* (новое состояние или ряд новых состояний, из которых выбирается оптимальное). В этом и заключается суть планирования в смысле диалектики, или диалектического планирования, причем особенно важно то, что диалектическое планирование выражает *необходимость* (реализации) особенного развития, согласно Гегелю опосредующую *действительность*, в том числе через а) *возможность* (своего рода крайнюю желательность) развития, б) *формоположение* — определение формата, пути реализации ситуации (т. е. план).

Таким образом, существо планирования в смысле диалектики, или диалектического планирования, понимается как решение проблемы развития ситуации и, соответственно, определения осуществляемых действий. Само планирование состоит в том, что в смысле имеющегося противоречия (как объективного фактора, как движущей силы) актуально некоторое *предполагаемое* преобразование. Однако речь идет не о непосредственной реализации нечто субъективно предположенного, внешнего и чуждого ситуации, не о максимальном достижении субъективной цели, как это обычно происходит при обычном планировании, а о решении противоречия, позиционируемого (применяемого, исполняемого) в соответствии с субъективной целью. Иными словами, речь уже идет, во-первых, не о внешнем несобственном («насильственном») преобразовании имеющейся ситуации, а об особенном исполнении противоречия в ней (т. е. о ее *собственном* развитии, правда, в заданном ракурсе, определяемом (найденной при планировании) формой), во-вторых, не о непосредственном противоречии (ситуации), а об опосредствовании.

Отметим, что в функциональном смысле для рассматриваемого вопроса актуальны следующие игнорируемые науками позиции гегелевского учения о сущности⁹:

⁹ В концептуальном смысле для диалектического планирования актуален наш обозначенный выше новый диалектический принцип познания, а в смысле гно-

1) форма, которая дает, как показал Гегель, понимание сочетания формата развития (метода) и содержания;

2) понятия единств: необходимое для формирования содержания трансцендентальное единство апперцепции [3] и необходимое для осуществления развития содержания единство формы [1, т. 5];

3) само противоречие;

4) основание, через которое реализуется некоторое *другое* (продолжение).

Если использовать представления гегелевского учения о сущности, происходит следующее: применительно к данным условиям выбирается требуемая форма (план), исходя из имеющихся и предполагаемых (дополнительно вырабатываемых) ресурсов и цели, а сама форма подлежит оптимизации (например, путем моделирования), и согласно ее окончательному (выбранному) виду (плану) происходит предполагаемое (желательное) изменение исходной ситуации.

Основным отличием диалектического планирования от обычного является то, что достигается «само себя развивающее понятие предмета» [1, т. 3, 279], т. е. имеет место не непосредственное достижение цели, порой любыми средствами, а максимально возможное достижение цели.

Заключение

В качестве выводов укажем несколько важных положений.

Во-первых, с учетом того, что и познание, и планирование основаны на процессе мышления, причем планирование определяется способностью мыслить наперед [18], образуется принципиально новый тезис о понимании планирования в смысле мышления как логи-

сеологии для диалектического планирования актуальны следующие позиции философии Платона: 1) обращение познания к безпредпосылочному началу; 2) диалектическая концепция идей по Платону, применяемая как в предметной части, как позволяющая описывать идеальные аспекты ситуации, так и в смысле процедур познания, методов; 3) признание существования небытия («небытие существует» [15, т. 2, 332]), в том числе в целях использования одновременно реальных и идеальных позиций, невозможный для традиционной логики.

ческой организации развития предмета исследования в смысле гегелевского тождества мышления и бытия (в силу понимания логики по Гегелю и ее недиалектического развития [8]).

Во-вторых, при диалектическом планировании речь идет фактически о формировании положений (плана) развития ситуации непосредственно из ее тождества, но не как достижение каких-либо желаний неких специалистов, а как *объективное предположение новой действительности*, определяемой не мнениями, а реально имеющимся содержанием, условиями и ресурсами. Здесь цели оказываются имманентными противоречию, следовательно, *формополаганию*, т. е. положениям изменения, или плана в смысле диалектики. Здесь же имеет место не достижение внешних требуемых субъективных целей, не желательная реализация неких кому-то понятных действий, а развитие ситуации, характерное ей самой, но в смысле субъективной цели, и выбираемое из совокупности вариантов как наиболее близкое к желаемым результатам при имеющихся условиях.

В-третьих, при диалектическом планировании используются диалектические категории и принципы, в том числе указанные выше.

В-четвертых, диалектическое планирование может не быть органичным материалистическим представлениям (наукам) по ряду причин, в первую очередь обусловленных даже не столько рядом негативов научного познания (см., напр.: [9]), сколько следующими присущими наукам позициями:

- 1) отсутствие корректного понятия единства¹⁰;
- 2) игнорирование ряда диалектических категорий Гегелевского учения о сущности;
- 3) неразличность положенности моментов действительности и возможности (по причине чего в науках, в частности, нет никаких

¹⁰ Как мы уже отмечали в ряде работ, категория «единство» в науках корректно не определена. Так, например, в «Новой философской энциклопедии» [2] ее авторы вообще ограничились указанием только на то, что эта категория является одним из фундаментальных понятий философии и математики и дальше привели большой набор определений — выбирай, какое хочешь, а вот какое верное, так и осталось неизвестным. Однако любые «определения» единства не только обобщены и неконкретны, но и даются через некорректно определенные термины (например, такие, как «целое») или даже через неопределенные термины (например, такие, как «бесконечность»).

возможностей оперировать в одной логической операции позициями настоящего и будущего);

4) применение логики, базирующейся на ничтожных, давно раскритикованных законах (см. выше);

В-пятых, в целом понятие *реального возможного* не ограничивается рассмотрением процессов общественного развития, социально-экономического развития, развития отдельных отраслей, фирм, проектов и т. п., т. е. диалектическое планирование может применяться в следующих случаях:

1) при планировании познания, в первую очередь, диалектического (организация его развития на указанном Гегелем, конструирующем себя, пути познания с учетом платоновского концепта диалектики единичного и многого; применение рефлексирования (обращения на себя) познания, учитывающего реальное возможное);

2) при планировании (проведения) исследований, понимаемых как форма, создаваемая, исходя из содержания (существа) предмета исследования, и развиваемая (изменяемая) в ходе исследований (например, моделирования), включая выявление альтернативных, новых положений, что органично согласуется а) с основополагающим пониманием в диалектике теоретических представлений об исследуемом феномене в качестве принципа познания, б) с пониманием неизбежности изменения ситуации и соответственно предмета исследования и в) с новым обозначенным выше принципом познания;

3) при формировании *регламента* (проведения) диалектических исследований (это принципиально новое, современное диалектическое понятие, альтернативное плану научных исследований), который в общем случае определяется как регламентирование методологии (в том числе применения методов) исследований, исходя из метода вообще развития диалектических исследований, когда «некоторое вообще первое, рассматриваемое само по себе, являет себя как другое по отношению к самому себе» [1, т. 6, 307] и при котором «течение познания возвращается вместе с тем обратно в себя само» [1, т. 6, 310];

4) в *программировании* при понимании *программы* через планирование (предположение, вычисление) нового состояния программы, ее *экземпляра*, что уже осмысляется в *диалектическом про-*

граммировании «как основа снятия жесткой регламентации алгоритма (программы) и обеспечения возможности порождения новых определений и операций» [12, 97]: организация алгоритмической программы как планирование обработки данных;

5) при осмыслении (с учетом понимания альтернативных вариантов развития событий: плана, программы) того, что имеют место «различные предметные методологии осмысления (обработки) данных и соответственно предметные информационные технологии — фактически подход к новому пониманию и формированию информационных технологий» [14, 132];

6) при исследовании на основе диалектики *кибер интеллекта*, подразумевающего возможности «в ходе исполнения программы создания новых положений (определений: типов данных, операций и т. д.) и даже изменения ее алгоритма (вплоть до изменения программного кода)» [10, 207].

В-шестых, понятие диалектического планирования, как и любого планирования, актуально при контроле реализации запланированной ситуации, иными словами, речь может идти об *управлении*, которое выступает в новом — диалектическом — понимании, что составляет предмет отдельного исследования.

Однако наиболее важным положением, с учетом сказанного выше, является все же само утверждение о возможности на диалектической основе кардинального переосмысления планирования и соответственно пересмотра подхода к пониманию, определению и конкретизации (реализации) планирования как организующей деятельности с учетом ее различия, при котором само планирование может различаться по ряду отдельных качественно различных направлений (это не обычно понимаемые виды планирования), в первую очередь, следующих:

- 1) познание (программа исследований);
- 2) программирование (программа как план);
- 3) народное хозяйство, его отрасли, предприятия и т. д. (планирование в обычном понимании).

На наш взгляд, кардинальное переосмысление планирования на диалектической основе с учетом его указанного различия является предпосылкой для качественного развития теории планирования и даже для создания соответствующей отдельной диалектической науки.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Соч.: в 14 т. / Под ред. А. Деборина, Д. Рязанова. М.; Л.: Гос. изд-во, [1929].
2. Единство // Новая философская энциклопедия: В 4 т. 2-е изд., испр. и допол. Т. 2. М.: Мысль, 2010.
3. Кант И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. М.: ЧОРО, 1994.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.
5. Месяц С.В. Платоновская концепция дискурсивного знания // Философский журнал. 2011. № 1. С. 20—30.
6. Молчанов К.В. О диалектическом подходе к определению данных и о соответствующей предпосылке переосмысления и качественного развития информационных технологий // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 119—135.
7. Молчанов К.В. «Законы диалектики» не законы диалектики, и некоторые актуальные положения // Философия хозяйства. 2013. № 6. С. 155—168.
8. Молчанов К.В. Кантианская, гегелевская и современная диалектики и программирование: диалектическая система логик, развитие логики и особые форматы современного диалектического познания // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 196—213.
9. Молчанов К.В. Могут ли современные науки осмыслять актуальные проблемы? // Философия хозяйства. 2018. № 5. С. 196—206.
10. Молчанов К.В. Неопределенность интеллекта и искусственного интеллекта в науках и целевая детерминация интеллекта и киберинтеллекта в современной диалектике // Философия хозяйства. 2020. № 2. С. 201—218.
11. Молчанов К.В. О некоторых из проблем научного понимания и определения суждения // Философия хозяйства. 2016. № 2. С. 144—152.
12. Молчанов К.В. О некоторых функциональных положениях интеллектуально-алгоритмической интенсификации познания // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 86—100.
13. Молчанов К.В. Политико-экономические начала неэкономической идеи: диалектическое осмысление современной экономики как другой капиталистической экономики (некоторые положения,

обусловленные продолжением труда Гегеля «Феноменология духа») // *Философия хозяйства*. 2017. № 1. С. 175—193.

14. *Молчанов К.В.* Принципиально новая сфера социально-экономических исследований и ее актуальные положения // *Философия хозяйства*. 2018. № 1. С. 169—180.

15. *Платон*. Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1990—1994.

16. *Стрекалова Н.Д.* Бизнес-планирование: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2012.

17. *Шкурко В.Е.* Бизнес-планирование в предпринимательской деятельности: [учеб. пособие]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016.

18. *Suddendorf T., Corballis M.C.* The evolution of foresight: What is mental time travel, and is it unique to humans? // *Behavioral and Brain Sciences*. 2007. No. 3. (30). P. 299—313.

References

1. *Gegel G.V.F.* Soch.: V 14 t. / Pod red. A. Deborina, D. Ryazanova. M.; L.: Gos. izd-vo, [1929].

2. *Edinstvo* // *Novaya filosofskaya entsiklopediya*: V 4 t. 2-e izd., ispr. i dopol. T. 2. M.: Mysl, 2010.

3. *Kant I.* Sobr. soch.: V 8 t. T. 3. M.: CHORO, 1994.

4. *Marks K., Engels F.* Soch., 2-e izd. T. 20. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1961.

5. *Mesyats S.V.* Platonovskaya kontseptsiya diskursivnogo znaniya // *Filosofskiy zhurnal*. 2011. № 1. S. 20—30.

6. *Molchanov K.V.* O dialekticheskom podkhode k opredeleniyu dannykh i o sootvetstvuyushchey predposylke pereosmysleniya i kachestvennogo razvitiya informatsionnykh tekhnologiy // *Filosofiya khozyaystva*. 2021. № 5. S. 119—135.

7. *Molchanov K.V.* «Zakony dialektiki» ne zakony dialektiki, i nekotorye aktual'nye polozheniya // *Filosofiya khozyaystva*. 2013. № 6. S. 155—168.

8. *Molchanov K.V.* Kantianskaya, gegelevskaya i sovremennaya dialektiki i programmirovaniye: dialekticheskaya sistema logik, razvitie logiki i osobye formaty sovremennogo dialekticheskogo poznaniya // *Filosofiya khozyaystva*. 2020. № 1. S. 196—213.

9. *Molchanov K.V.* Mogut li sovremennyye nauki osmyslyat' aktual'nye problemy? // *Filosofiya khozyaystva*. 2018. № 5. С. 196—206.

10. *Molchanov K.V.* Neopredelennost intellekta i iskusstvennogo intellekta v naukakh i tselevaya determinatsiya intellekta i kiber intellekta v sovremennoy dialektike // *Filosofiya khozyaystva*. 2020. № 2. S. 201—218.
11. *Molchanov K.V.* O nekotorykh iz problem nauchnogo ponimaniya i opredeleniya suzhdeniya // *Filosofiya khozyaystva*. 2016. № 2. S. 144—152.
12. *Molchanov K.V.* O nekotorykh funktsional'nykh polozheniyakh intellektual'no-algoritmicheskoy intensivatsii poznaniya // *Filosofiya khozyaystva*. 2021. № 1. S. 86—100.
13. *Molchanov K.V.* Politiko-ekonomicheskie nachala neoekonomicheskoy idei: dialekticheskoe osmyslenie sovremennoy ekonomiki kak drugoy kapitalisticheskoy ekonomiki (nekotorye polozheniya, obuslovlennyye prodolzheniem truda Gegelya «Fenomenologiya dukha») // *Filosofiya khozyaystva*. 2017. № 1. S. 175—193.
14. *Molchanov K.V.* Printsipialno novaya sfera sotsial'no-ekonomicheskikh issledovaniy i ee aktualnye polozheniya // *Filosofiya khozyaystva*. 2018. № 1. S. 169—180.
15. *Platon*. *Sobr. soch.*: V 4 t. M.: Mysl, 1990—1994.
16. *Strekalova N.D.* *Biznes-planirovanie* : ucheb. posobie. SPb.: Piter, 2012.
17. *SHkurko V.E.* *Biznes-planirovanie v predprinimatel'skoy deyatel'nosti*: [ucheb. posobie]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2016.

И.Г. МОРОЗОВ

Догматический аспект философии религии С. Кьеркегора*

Аннотация. Статья посвящена религиозной философии датского экзистенциалиста С. Кьеркегора. Рассматривается сущность философского метода Кьеркегора. Автор комментирует применимость словосочетания «экзистенциальная диалектика» к методоло-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Морозов И.Г. Догматический аспект философии религии С. Кьеркегора // *Философия хозяйства*. 2022. № 4. С. 201—228.

гии датского философа. Указываются причины актуальности размышлений на религиозно-экзистенциальные темы во времена господства «парадигмы» чистого разума И. Канта. Доказывается необходимость применения понятия «догматика» по отношению к корпусу трудов С. Кьеркегора.

Ключевые слова: С. Кьеркегор, Г.Ф.В. Гегель, И. Кант, экзистенциализм, догматика, философия религии.

Abstract. The article is devoted to the religious philosophy of the Danish existentialist S. Kierkegaard. The essence of Kierkegaard's philosophical method is considered. The author comments on the applicability of the «existential dialectic» term to the methodology of the Danish philosopher. The reasons for the relevance of reflections on religious and existential topics in the times of the I. Kant's pure reason domination are studied. The necessity of applying the concept of «dogmatics» in relation to the corpus of works of S. Kierkegaard is proved.

Keywords: S. Kierkegaard, G.F.V. Hegel, I. Kant, existentialism, dogmatics, philosophy of religion.

УДК 101
ББК 87

Поворот от теодицеи к философии религии

В курсе лекций, посвященных философии религии и ее предмету, основатель немецкого идеализма и трансцендентальной философии И. Кант говорит *исключительно* о методах доказательства бытия Божьего¹¹. Делает он это совсем не случайно, в науке его времени такое понимание границ философии и теологии было «парадигмальным», т. е. общепринятым. Не углубляясь в причины этого явления, скажем лишь, что для нас это разделение и сама его актуальность во времена Канта восходит к тем оговоркам, которые делал Декарт в «Размышлениях о первой философии...» (1641). Декарт, к примеру, пишет: «...я принял во внимание, что не только вы все, как и другие теологи, утверждаете возможность доказательства существования

¹¹ Подробнее см.: [10].

Бога с помощью естественного разума, но что и из Священного Писания может быть сделан вывод, гласящий: познание Бога гораздо легче познания многих сотворенных вещей; оно вообще настолько легко, что отсутствие его у людей может быть поставлено им в вину» [5, 4]¹². Заметим, что здесь Декарт строго разделяет теологию и философию, утверждая, что для теологии бытие Бога несомненно и что доказывать его бытие для неверующих — занятие совсем не теологии, а философии, поскольку только посредством апелляции к самым общим структурам человеческого сознания такое доказательство и оказывается возможным. Подчеркнем, мы считаем, что именно эта картезианская линия является «парадигмальной» во времена Канта. Такой способ мыслить роль философии в теологических дебатах мы коротко назовем теодицеей (в смысле Лейбница) и подчеркнем, что максимальная проблематизация вопроса теодицеи, на наш взгляд, была достигнута И. Кантом в его «Лекциях о философском учении о религии».

Когда в печать вышла «Критика практического разума» (1788) Канта, в которой он повторял часть тезисов, высказанных им во время лекций, стало ясно, что философия религии полностью исчерпала ту узкую проблематику, которую ей очертил Декарт. Возник вопрос о предмете философии религии как науки: должна ли философия религии вопрошать о сущности религии? На этот вопрос положительно отвечает Гегель, утверждая, что философия религии — наука, изучающая религиозное как являющееся. Гегель фактически узаконил само словосочетание «философия религии». Конечно, оно употреблялось и до него, но скорее в кантовском значении рассуждения «о философии о религии». Именно Гегель зафиксировал не только само значение «философского *вопрошания* о религии», но и, фактически, статус отдельной сферы философского дискурса. Для нас это означает следующее: до Гегеля проблемами христианской *догматики* занимались лишь теологи, а на откуп философам предоставлялась исключительно проблема доказательства бытия Божьего.

Именно в этом духе — как прорыв в сфере философии религии — характеризует корпус наследия Г.Ф.В. Гегеля французский

¹² Подобные оговорки можно встретить практически в любом другом месте «Размышлений...».

исследователь Ж. Валь. «...Работа Гегеля заключалась в том, чтобы одержать верх над романтизмом, чтобы рационализировать догму и в то же самое время заставить исчезнуть во вневременном целом, где в конечном счете соединяются рациональное и реальное, разногласия конкретного мира и саму его трагедию», — пишет Валь в работе «Несчастное сознание в философии Гегеля» [3, 5]. Отметим, что Валь исследует Гегеля, исходя из ситуации постмодерна, в частности, он считает Гегеля основателем герменевтического метода, это легко заметить по тому, как Валь характеризует гегелевский метод: «Гегель поднимает на уровень исторического описания, а затем на вершину метафизического принципа, с одной стороны, чувство болезненного разрыва и рефлексии над антитезисами, а с другой — потребность в гармонии и идею понятия». И далее: «Всякий раз Гегель глубоко переживает каждую из своих философий, истолкователем которых он в своей юности последовательно становится...». Валь заключает, что в философии Гегеля есть центральная «идея возвращения к исходной точке, но обогащенной всеми промежуточными этапами... <Гегель соблюдает> определенный порядок <...> вынуждающий возвращаться к исходной точке» [3, 7, 8, 15]. На наш взгляд, именно такие оговорки характеризуют отношение Вали к Гегелю, подчеркнем, здесь Валь фактически приписывает гегелевской философии понятий все те черты, которые являются характерными для герменевтики Гадамера.

Несмотря на это, мы считаем замечания Вали касательно центра гегелевской системы, места из которого она берет начало и к которому стремится, адекватными предмету описания. Валь считает систему и метод Гегеля принципиально *христоцентрическими*¹³. Он же пишет, что гегелевская философия исходит исключительно из того требования, которое мы, в след за Х.Р. Нибуrom, окрестим «основным требованием» христианства. Гегель не сумел совместить полную отдачу вере во Христа (происходящую из мистической тра-

¹³ Например, о ранних работах Гегеля, посвященных истории религии, Валь пишет: «...образ Иисуса довольно быстро ставится Гегелем выше иудаизма и выше язычества, а в конце концов и выше самого христианства» [3, 25]. Данная характеристика очень важна для нас, так как, вслед за Валем, мы полагаем легитимным распространять ее на всю философию Гегеля.

диции церкви, к которой Гегель принадлежал) и заботу о своей собственной экзистенции: «Он движется от одной идеи к идее противоположной, от тезиса к антитезису; он мыслит противоположностями; и здесь улавливается та негативность, которая для него тождественна и идеальному и свободе», — пишет Валь [3, 4]. Отсюда возникает и гегелевская диалектика, и теория развития абсолютного духа, полагает он.

Здесь стоит сказать, что подобная теория находит свое отражение в трудах даже советских историков философии. Так, например, Б. Быховский в работе «Метод и система Гегеля» (1941), пытаясь отделить диалектику Гегеля от логики развития абсолютного духа (которые, с точки зрения Вали, конечно же, отказываются неразрывно связаны), пишет, что последняя обладает «идеалистическим характером» [2]. Это утверждение чрезвычайно близко тому, на чем настаивает Валь: история развития абсолютного духа — гегелевская попытка перевести эсхатологический и мистический мотивы христианства в сферу логических понятий (или в сферу «науки», понятой в гегелевском ключе). Эту логику рассуждения о гегелевском проекте поддерживает и Дж. Ваттимо. Например, рассуждая об учении М. Хайдеггера, Ваттимо характеризует гегелевскую систему следующим образом: у Хайдеггера нет никакой «необходимости постичь историческое бытие во всем его объеме, ибо это было бы воспроизведением все той же традиции объективного отражения, — как раз такую задачу, по сути, и ставил Гегель» [4, 29]. Другими словами, необходимость постижения исторического бытия является для Ваттимо ключевым моментом гегелевской философии, он считает, что философия Гегеля порождает иллюзию движения, при этом воспроизводя принцип изначального тождества. Заметим, что Ваттимо говорит о воспроизведении закона тождества в том же духе, что Валь об эсхатологическом мотиве. Похожую характеристику гегелевской философии дает и К. Левит, в работе «От Гегеля к Ницше» он пишет: «<в философии Гегеля> отождествление разума с действительностью обосновывается <...> исходя из такой философии, которая одновременно является теологией, конечная цель которой состоит в том, чтобы посредством познания согласованности божественного и мирского осуществить наконец примирение “разума, осознающего самого себя”, с “сущим разумом”...» [15, 207].

Итак, все три исследователя (и даже Быховский, хоть и скрыто) так или иначе утверждают: в центре гегелевской философии стоит фигура Христа. Гегель говорит о появлении множественности сознаний, познающих умов как о свободном действии абсолютного духа не случайно, он, так сказать, *снимает* (а в терминах позднейшей философии — деконструирует) проблему злого Бога, которая остро стоит в философском учении Шеллинга, а также проблемы эсхатологии и генезиса. Насколько эти решения оказались адекватны христианской догматике, подробно говорит именно К. Барт. Для Барта философия религии Гегеля — торжество идеала чистого разума, торжество безличного Бога и обожествления познающего субъекта. О гегелевском подходе Барт пишет, что он есть «...отождествление <...> под знаком “абсолютного” <которое> неминуемо влечет за собой то, что либо Бог будет пониматься как мировой процесс, либо мировой процесс — как Бог...» [1, 241]. Похожие претензии к гегелевской философии религии можно встретить у датского философа С. Кьеркегора. Подчеркнем, мы считаем, что именно концепция Кьеркегора толкает Барта на пересмотр христианской догматики.

В работе «От Гегеля к Ницше» К. Левит пишет: «Наступление <...> Кьеркегора разъединяет то, что соединил Гегель <...> атака Кьеркегора направлена на философское христианство» [15, 268]. Данную характеристику мы прочитываем так: философия религии Кьеркегора неизбежно и постоянно сталкивается с гегелевской. Эту нашу догадку подтверждают работы других исследователей Кьеркегора, например, американский исследователь кьеркегоровского корпуса текстов К.К. Хинксон в диссертации «Теология Кьеркегора: Креста и Милосердия <Блага>...» пишет: «Хорошо видно, что за кьеркегоровской критикой Лютера и лютеранства стоит идеализм <...> То, как влияние Гегеля кардинально изменило кьеркегоровское понимание антропологии, кажется нам невероятным <...> Гегель буквально заставляет Кьеркегора отрицать значимость события сотворения и, следовательно, всю ту догматику взаимоотношений человека и Бога, которая была так важна для Лютера» [19, 40]¹⁴. Подчеркнем, для Хинксона важно, что в философии религии Кьеркегора сталкиваются Лютер и Гегель, важно это будет и для нас, поскольку

¹⁴ Здесь и далее перевод с английского мой. — И.М.

этот принцип столкновения мы попробуем перенести сначала на Кьеркегора и Гегеля, потом на Кьеркегора и Барта, а затем на Барта и Льюиса.

Датский философ Серен Кьеркегор, таким образом, будет рассматриваться нами не только через призму тех его основных, с нашей точки зрения, работ, в которых он затрагивает эту проблему, но и через призму трудов исследователей Кьеркегора таких как К. Левит, К.К. Хинксон, Д.Л. Полсен, А.В. Лызлов и т. д. Работы Кьеркегора, которые таким образом попадают в поле нашего зрения, следующие: «Страх и трепет», «Понятие страха», «Упражнение в христианстве», «Болезнь к смерти», а также будет сказано о его автобиографическом произведении «Или-или». С. Кьеркегор все публиковал под различными псевдонимами, кроме того, в различных своих сочинениях он постоянно оговаривался, утверждая, что его знание касательно различных проблем философии, теологии, этики и много чего еще чрезвычайно малы¹⁵. Однако, несмотря на это, корпус его трудов, чье авторство либо признал сам Кьеркегор, либо приписывается ему исследователями его наследия, насчитывает двадцать (!) томов, написанных на датском языке. К сожалению, из всего этого богатства на русский язык переведена (по самым оптимистическим подсчетам) примерно десятая часть. Тут исследователю на помощь спешат английские переводы наследия Кьеркегора, на английский не переведены только его письма, которые содержатся в последних двух томах полного собрания сочинений на датском. По этим причинам мы стараемся ссылаться как на русские, так и на английские переводы работ Кьеркегора (к примеру, «Упражнение в христианстве» было нами найдено и прочитано на английском), в исследовании же корпуса работ датского мыслителя мы опираемся в основном на английские переводы.

¹⁵ Так, например, в «Понятии страха» Кьеркегор пишет «...более всего мне хотелось бы считаться дилетантом, который конечно же занимается философской спекуляцией, но сам пребывает за пределами этой спекуляции...» [13, 23]. Похожий пассаж замечаем в «Страхе и трепете»: «Создатель данного произведения никоим образом не является философом, он не понял настоящей философской системы, он не знает, есть ли тут какая-нибудь система и завершена ли она; для его слабой головы уже достаточно самой этой мысли...» [14, 22] и т. д.

Конечно, для любого исследователя философских трудов С. Кьеркегора будет проблемой его «нарративный стиль», который вынуждает привлекать филологический подход. Дело в том, что большую часть своих работ Кьеркегор написал не как философские трактаты, содержащие анализ той или иной проблемы, но как переосмысление тех или иных культурных слоев. Любопытно, что это переосмысление Кьеркегор зачастую вкладывает в уста героев его произведений так, что становится сложно отделить позицию самого автора от того нарратива, который предстает перед читателем. По этой причине многие исследователи корпуса его работ (например, Бердяев) зачастую сравнивают их с работами других гениев обращенной к проблемам экзистенции художественной литературы. Среди них Достоевский, Гете, Гельдерлин и много кто еще. Мы же, наоборот, постараемся остаться в рамках «спекулятивного философского исследования», ограниченного проблематикой христианской догматики.

Сущность философского метода С. Кьеркегора

Датский философ С. Кьеркегор является фигурой, на наш взгляд, специфической не только потому, что его трактаты не составляют, казалось бы, никакой системы, но и потому, что саму идею системы и систематизации Кьеркегор всячески отвергает. Уточним, «трансцендентальная философия» Канта, на наш взгляд, задает тот тип философствования, который предполагает четкое разделение всякого явления по принципу его опытного или априорного познания. Популярность этой кантовской «спекуляции» порождает соответствующую реакцию в философии его времени — всякий философский трактат, написанный от Канта до известного лозунга философии начала XX в. «назад к самим вещам», с необходимостью содержал некоторую систематизацию¹⁶. Подчеркнем, для нас важно, что Кьеркегор принципиально отказывается строить системы без

¹⁶ Будь то систематизация истории — как в «Феноменологии духа» или «Рождении трагедии из духа музыки», систематизация логических высказываний — как в «Науке логики», «Некоторых последствиях четырех неспособностей...», «Смысле и значении», систематизация этических воззрений в «Идеях этики» и т. д.

оговорок. То есть, его «Или-или» несомненно содержит систематизацию, Кьеркегор там выделяет типы людей по принципу их отношения к экзистенциальному вопросу, в «Понятии страха» он систематизирует религиозные феномены, рассуждая о том, как наследуется первородный грех, а в «Болезни к смерти» систематизирует саму человеческую экзистенцию, согласно факту осознания «отчаяния». Однако в каждом из этих произведений (кроме «Болезни к смерти») Кьеркегор будет постоянно оговариваться, утверждая, что его систематизация всего лишь отголосок той реальности, которую он пытается описать. Эту попытку ухода от «парадигмы» кантовского проекта мы и возьмем за основу нашего описания так называемой «экзистенциальной диалектики» Кьеркегора¹⁷.

Безусловно, сам Кьеркегор никак не мог назвать свой метод «экзистенциальной диалектикой», тем не менее, многие его исследователи применяют это словосочетание для описания типа философствования Кьеркегора. Так, выражение «экзистенциальная диалектика» можно встретить в предисловиях переводчика к работам Кьеркегора Н. Исаевой и С. Исаева¹⁸: «...поразительна та огромная роль, которую “косвенное сообщение” играет в “экзистенциальной диалек-

¹⁷ Идея попытки ухода от идеализма не является, однако, нашей оригинальной идеей, так в монографии «Теология Кьеркегора...» Хинксон посвящает этому целую главу, которая называется «Романтически-идеалистические корни “экзистенциальной диалектики” Кьеркегора» (см.: [19, 253—301]). Об уходе от идеализма в статье «Переворот веры. Что значит быть самим собой по Кьеркегору?» также пишет А.В. Лызлов, он говорит, что «...с немецким идеализмом <...> Кьеркегор стремится скорее размежеваться» [16, 112]. О кьеркегоровской попытке разрыва с идеализмом, в целом, и с Гегелем в частности пишет и К. Левит. Так, в работе «От Гегеля к Ницше» читаем: «...сквозь сочинения Кьеркегора проходит более или менее развернутая полемика с притязаниями философии на то, чтобы понять действительность посредством разума» [15, 283]. Мы, вслед за Левитом, считаем притязание на понимание действительности посредством кантовского разума одной из характерных черт так называемого «немецкого идеализма». Для нас, следовательно, вывод из приведенной выше характеристики Левита очевиден: Кьеркегор в своей философии пытается избежать тех черт идеализма, которые, как он считает, не могут быть применены к бытию человека в мире.

¹⁸ Здесь же помещена подробная биография датского мыслителя (см.: [7, 5—19; 8, 5—21; 9, 5—24]).

тике” Кьеркегора; оно действует там как мощное средство реализации истины — средство, употребляемое вовсе не для украшения поэтического текста, но прежде всего ради правильной формы “говoreния” о Боге» [9, 9]. Безусловно, этим термином пользуется К.К. Хинксон: «...теологический метод С. Кьеркегора — “экзистенциальная диалектика”, которую он с необходимостью предпосылает обращению в христианство...» [19, 116]. О «диалектическом» методе теологии Кьеркегора пишет другой его американский исследователь, Д.Л. Полсен. В его работе «Что значит быть христианином? Взгляды Д. Смита и С. Кьеркегора» говорится: «Очевидно, что его (Кьеркегора. — *И.М.*) протест против догматики носил диалектический характер, т. е. был построен так, что не мог не вызвать у современников стремления к авторефлексии и, впоследствии, к покаянию...» [21, 61—62]. Словосочетание «диалектический характер» у Полсена относится преимущественно к аргументам Кьеркегора и может быть заменено на «диалектический метод». Следы «экзистенциальной диалектики» встречаем в статье М.С. Робинсон «Экзистенциальная игра Кьеркегора...», где она пишет, что «Кьеркегор — мастер-манипулятор экзистенциального диалога, “кукловод”, который <...> вовлекает читателя в сократическую беседу...» [22, 75]. На наш взгляд, Робинсон понимает метод Кьеркегора как «экзистенциальную диалектику», употребляя понятие диалектики в смысле Сократа, тогда как Хинксон, Полсен и супруги Исаевы настаивают на гегелевском понимании диалектики в творчестве датского мыслителя. Это расхождение порождает несколько важных для нас вопросов. Во-первых, неясно, действительно ли в работах Кьеркегора можно найти метод, который называют «экзистенциальной диалектикой»? Во-вторых, если некая «экзистенциальная диалектика» все же присутствует у Кьеркегора, то чем она отличается от диалектики Гегеля и/или Сократа? В-третьих, как «экзистенциальная диалектика» Кьеркегора влияет на его философию религии? Именно попытка ответа на последний вопрос будет руководить нашим исследованием слоев «экзистенциализма» и «диалектики», которые различные исследователи работ Кьеркегора у него находят.

Проблема определения кьеркегоровского метода как «экзистенциальной диалектики» состоит, главным образом, в том, что сам

Кьеркегор ни разу не употребляет данного словосочетания применительно к своим трудам. Тем не менее, многие исследователи наследия Кьеркегора совершенно верно отмечают, что датский философ является отцом-основателем термина «экзистенциальный»¹⁹, кроме того, как уже было сказано выше, в наследии Кьеркегора прослеживается мощное влияние гегелевской концепции диалектического развития абсолютного духа. Легко увидеть гегелевский метод в «Или-или», там, где Кьеркегор прямо ставит вопрос о возможности синтеза двух диаметрально противоположных типов человеческого отношения к экзистенции — этики и эстетики. «Или-или», на наш взгляд, — та работа Кьеркегора, где наиболее отчетливо прослеживается влияние Гегеля. Как пишет Н. Исаева, Кьеркегор «в трактате “Или-или” <...> намечает три основные стадии человеческого существования <...> эстетическая, этическая и религиозная (курсив авторский. — И.М.)» [6, 15]. Эта характеристика акцентирует для нас момент гегельянства в «Или-или». Кьеркегор, как считает Исаева, дважды проводит тезис эстетика через негацию, так датский философ приходит к синтезу. Однако, учитывая полное неприятие Кьеркегором Гегеля и систематизации, спросим: действительно ли это так? В этой части параграфа мы попытаемся разобрать все три стадии, используя русский перевод «Или-или» с тем, чтобы нагляднее продемонстрировать наш тезис.

Как известно, «Или-или» — полу-автобиографический роман, наполненный переживаниями С. Кьеркегора и примерами из его жизни. В частности, этот факт подчеркивает подзаголовок: «Фрагменты из жизни». Однако, на наш взгляд, не стоит отставлять в сторону этот текст, утверждая, что роману нет места в философском исследовании. Это одна из ранних работ Кьеркегора (первое издание

¹⁹ Например, во вступительном слове Исаевых к «Болезни к смерти» читаем: «Само понятие “экзистенции”, “наличного существования” (“Existents”, “Tilværel”) было введено в философский оборот именно Кьеркегором» [9, 5]. Похожую мысль видим в аннотации к статье А.В. Лызлова: «Вопрос о том, как возможно найти себя, обрести “самое свое умение быть” — один из основных вопросов в Бытии и времени М. Хайдеггера. Однако Хайдеггер работает здесь не на пустом месте. До него этот вопрос ставится С. Кьеркегором — автором, которому М. Хайдеггер обязан очень многим, вплоть до понятия “Dasein”, прототипом которого служит кьеркегоровское “Tilværel”» [16, 109].

датируется 1843 г.), в то же время это один из самых систематизированных его трудов, хотя бы уже потому, что Кьеркегор здесь демонстрирует классическо-гегелевское понимание негации. В целом, данная работа Кьеркегора может быть названа «философским романом», однако, если мы так скажем об «Или-или», нам не избежать ненужных ассоциаций с Ж.-П. Сартром. Н. Исаева подробно описывает специфический стиль кьеркегоровского текста: «Кьеркегор <...> был в числе тех чутких творцов, которым вдруг понадобилось сломать <...> “систематическую” манеру изложения. Вместо равномерного, поступательного движения мысли — сбивчивое дыхание страсти, мрачный пафос, восклицания или дерзкие насмешки или же вдруг пустяшные житейские анекдоты» [6, 22].

Этот фрагмент из предисловия мы прочитываем двояко: во-первых, как подтверждение нашей гипотезы об отказе Кьеркегора от языка понятийной, наукообразной философии Гегеля; во-вторых, как описание совершенно особого, но при том характерного стиля кьеркегоровского текста. Фактически, «Или-или» выражает кьеркегоровское понимание словосочетания «философский трактат».

На первый взгляд, «Или-или» открывается ходом, типичным для романов этой эпохи. В действительности же, этот зачин фундаментально предшествует всему тексту: «Неожиданный счастливый случай отдал мне в руки бумаги, которые я ныне имею честь предложить читающей публике <...> Около семи лет назад я заметил в лавке одного здешнего торговца секретер, который с самого начала привлек к себе мое внимание. Вещь была не новой работы, да и изрядно поцарапана, и все же она меня поразила <...> Я вошел в лавку, справился о чем-то другом и, уже уходя, между делом предложил продавцу некую жалкую сумму за этот секретер. Я подумал: а вдруг он согласится; тогда случай сыграет мне на руку в этом предприятии <...> Секретер был куплен и оплачен <...> открылась тайная дверца, которую я никогда прежде не замечал <...> Здесь, к моему глубокому изумлению, я обнаружил стопку бумаг — тех самых бумаг, что составляют содержание этой книги» [12, 30—32].

Здесь, на наш взгляд, следует обратить внимание не только на чрезмерно детализированную историю получения бумаг, но и на сам факт того, что чистый *fatum* руководил «издателем». Первое Кьеркегор несомненно гиперболизирует, постоянно расширяя историю

получения бумаг другими, сопутствующими историями. Здесь и трепет от дорогой покупки, и упрямство лавочника, и отъезд в деревню, и доброта слуг, и пр. Роль фатума датский философ акцентирует через постоянные упоминания «счастливого случая», «случайности», описание открытия потайного ящичка, все это подчеркивает гипертрофированную судьбоносность бумаг. Таким образом, на наш взгляд, Кьеркегор предваряет основные представления, выраженные в «Или-или», характерным примером: «издатель» в этой истории сначала «эстетик»: «...и все же она меня поразила», затем «этик»: «Почтальон уже трубил в свой рожок и, хотя обычно я не склонен подчиняться настроениям других людей, я всегда делал исключение для почтальона...», затем «верующий», что выражается в трепете «издателя» перед «счастливой судьбой» [12, 31]. Характерно и стремление эстетизировать ситуацию, которое Кьеркегор приписывает «издателю»: для того, чтобы прочесть бумаги, «издатель» находит «в лесу романтическое место». В дальнейшем Кьеркегор уделяет «эстетику» больше половины трактата, если учитывать постоянные сравнения с ним в главах про «этика» и «верующего». Таким образом, уже в «Предисловии» Кьеркегор дает набросок будущей «структуры жизни человека».

Именно эта «структура» является воплощением кьеркегоровской диалектики. Заметим, что в «Или-или» она имеет прямое отношение к экзистенции двух основных субъектов «А» и «Б», спор которых и разворачивается на страницах этого трактата. Однако сам Кьеркегор подчеркивает: «Записки “А” содержат в себе множество попыток сформулировать эстетическое мировоззрение <...> Записки же “Б” предлагают нам этический взгляд на жизнь <...> Тот, что я в конце концов выбрал, выражает все эти сомнения. Читатель не много потеряет от такого заголовка <...> Но прочитав книгу, он, возможно, задумается о названии. Оно поможет ему отбросить всякий пустой, ограниченный вопрос вроде того, действительно ли “А” был перепробован и раскаялся, победил ли тут “Б”, или же он в конце концов присоединился к мнению “А”» [12, 39]. Возникает вопрос: не являются ли эти слова выпадом в сторону гегелевской диалектики?

В начале «Или-или» читаем: «...Истинная вечность вовсе не наступает за противоположностью “или-или”, но сама предваряет ее» [12, 66]. Казалось бы, очевидно, что данная цитата — очередной

выпад в сторону Гегеля, однако, вслед за этим фрагментом Кьеркегор пишет следующее: «Необходимо различать последовательную диалектику, приложимую к “или-или”, — и вечную диалектику, которая здесь изложена» [12, 66]. В этой цитате нам хотелось бы отметить два важных момента. Во-первых, ясно, что Кьеркегор здесь играет с читательскими ожиданиями, что, в частности, могло бы служить подтверждением тезиса М.С. Робинсон; во-вторых, в этой игре сам метод Кьеркегора становится совсем смутным, неразличимым. Само применение дихотомии «или-или» носит в данном отрывке двоякий характер. То есть, Кьеркегор применяет «или-или» как выбор из двух возможностей, где одна исключает другую, когда говорит о методе Гегеля (об этом нам сообщает словосочетание «последовательная диалектика» и отказ от гегелевской эсхатологии в первой цитате), он же применяет «или-или» в каком-то совершенно ином значении, значении «вечной диалектики», о чем пишет «Предисловие» «издатель». Словосочетание «вечная диалектика», однако, тоже не полностью раскрывает то, как Кьеркегор понимает свой метод. Более доступное, на наш взгляд, объяснение он дает далее, когда пишет: «...когда я утверждаю, что не исхожу из собственного принципа, это не следует понимать как нечто, противоречащее его развитию, но скорее как выражение самого этого принципа, благодаря которому сам принцип воспринимается равно противостоящим как возможности исходить, так и возможности не исходить из него» [12, 66]. Здесь Кьеркегор наиболее отчетливо пишет о своем методе: диалектика «или-или» выступает как открытая конфронтация двух противоположных сторон, которые, тем не менее, могут сопридти в одном человеке (как, например, в «издателе»), могут не взаимоисключать друг друга, или же через негацию могут привести к синтезу.

Таким образом, диалектика Кьеркегора никак не может быть целиком унаследована от Гегеля, Сократа или кого-либо еще, это диалектика открытой экзистенции. В «Или-или» Кьеркегор как бы смотрит на самого себя со стороны, однако, там же он постоянно возвращается к тому, что это невозможно. Именно открытость и попытка взгляда со стороны на самого себя будут, на наш взгляд, ключевыми характеристиками другой работы Кьеркегора — «Болезнь к смерти».

Когда мы начинали этот параграф, то утверждали, что разберемся с тем, что исследователи Кьеркегора понимают под «экзистенциальной диалектикой». Мы считаем, что «диалектику» удалось прояснить выше, следовательно, осталось понять, что датский философ понимал под «экзистенцией». Ключевым текстом для понимания «экзистенции» у Кьеркегора мы считаем «Болезнь к смерти», именно в нем философ сформулировал основной принцип своего учения: «“Я” <—> отношение, относящее себя к себе самому, — иначе говоря, оно находится в отношении внутренней ориентации такого отношения, то есть “Я” — это не отношение, но возвращение отношения к себе самому» [11, 29]. Именно эта формулировка будет руководить всеми дальнейшими рассуждениями Кьеркегора в «Болезни к смерти», позволим ей руководить и нами. Для начала попробуем понять, какое *отношение* данный тезис имеет к человеческой «экзистенции». Еще в «Или-или» Кьеркегор писал, что каждый человек говорит о своем бытии, о переживаемых им мгновениях мира от лица «Я». Человеческое бытие, настаивает Кьеркегор, любой субъект этого бытия воспринимает как «собственное». Тезис, который неоднократно повторится в философии после Кьеркегора, кажется более чем наивным, однако, подчеркнем, данный тезис — очередной выпад в сторону Гегеля, который мыслил конкретное человеческое бытие эсхатологически, т. е. исходя из перспективы развития абсолютного духа. И все же Кьеркегор не отказывается от Гегеля. В частности, это выражается в том, как в «Болезни к смерти» Кьеркегор понимает фразу «оно находится в отношении внутренней ориентации такого отношения». Он пишет: «В отношении между двумя членами само отношение выступает как нечто третье <...> в качестве негативной части...» [11, 29]. Этот пассаж напоминает нам о сходной роли «негативности» в «Феноменологии духа» Гегеля.

Итак, «экзистенция» — бесконечное возвращение «Я» в «Себя», осуществляемое в попытке отождествить их друг с другом, а разрыв меж ними — конституирующая черта кьеркегоровской «экзистенции», именно разрыв — несоответствие «Я» и «Selv»: внутреннее и внешнее — порождает, согласно Кьеркегору, «отчаяние». Именно «отчаяние» является выражением разрыва, Кьеркегор пишет об этом так: «... существуют два вида настоящего отчаяния. Если бы

наше “Я” полагало себя само, существовал бы только один вид: нежелание быть собой самим, желание избавиться от своего “Я”, и речь не шла бы о другом виде отчаяния — об отчаянном стремлении быть самим собой» [11, 30]. Разрыв же, согласно Кьеркегору, порождает другую ключевую характеристику человеческой «экзистенции»: «болезнь к смерти». Последнюю Кьеркегор описывает как фундаментальное, эсхатологическое человеческое стремление к отождествлению «Я» с «Selv», стремление ежемоментно реализовать это тождество. Фактически, Кьеркегор утверждает, что человек принципиально «болен к смерти». Мы считаем, что этот — основной — его тезис яснее всего раскрывается, когда он пишет следующие строки: «...всякий раз, когда проявляется несоответствие и пока оно существует, следует обращаться к такому отношению. Скажем, например, некто подцепил болезнь, допустим, по неосторожности. Затем болезнь проявляется, и начиная с этого момента она уже реальность, чей исток все более и более уходит в прошлое. Было бы жестоко и чудовищно все время упрекать больного в том, что он заражается болезнью, как бы растворя в каждое мгновение реальность этого несчастья в его возможности <...> всякий из реальных моментов призван возвращаться к своей возможности, во всякое мгновение, когда человек отчаивается, он подцепляет отчаяние; и всякий раз настоящее исчезает в реальном прошлом, во всякое реальное мгновение отчаяния отчаявшийся несет в себе все возможное прошлое в качестве настоящего. Это происходит так, потому что отчаяние — категория духа, и она применима к человеку в его вечности» [11, 33].

Таким образом, «отчаяние», согласно Кьеркегору, — «смертельная болезнь» в том смысле, что человеческая погоня за самотождественностью бытия (если эта погоня осознается) бесконечна. Подчеркнем, именно трансцендентность собственного бытия понимается Кьеркегором как «экзистенция». Синтез кьеркегоровских понятий «экзистенции» и «диалектики» можно найти во многих его работах. Так, мы говорили о подобных синтезах в «Или-или» (вспомним, что «диалектика» «или-или» рассматривается через призму «болезни к смерти» субъектов «А» и «Б»), также мы о них говорили применительно к «Болезни к смерти» (всякое отношение в этой работе по-

кьеркегоровски «диалектично»). Соответственно, и сам синтетический термин «экзистенциальная диалектика» к кьеркегоровскому методу более чем применим.

Понятие греха в религиозно-философских работах Кьеркегора

Метод «экзистенциальной диалектики» Кьеркегор употребляет, когда говорит о Боге, догматике и вере. Впервые с понятием догматики в философском дискурсе Кьеркегора мы столкнулись в «Понятии страха», еще тогда возник интерес к тому, какие позиции догматика занимает в учении датского мистика. По крайней мере, так Кьеркегора видит довольно широкий круг его исследователей. К примеру, К. Левит в работе «От Гегеля к Ницше» пишет следующее: «...у Кьеркегора этическая действительность открывается страсти внутреннего действия» [15, 273]. Эта цитата из Левита становится для нас яснее, когда во вступительном слове Н. Исаевой к «Или-или» мы читаем: «По сути, Кьеркегор возвращается <...> к изначальному поучению Лютера, который всегда твердил, что Бог не терпит посредников между собою и душой верующего. “Sola fide!” — “только верой”...» [6, 12]. Мы помним, что лютеранская догматическая теология предполагает два основополагающих принципа, и если первый — «Sola fide», то второй (не менее важный) — «Sola scriptura» — «только посредством Священного писания». Отказывается ли Кьеркегор от Писания? На наш взгляд, более чем подробно на этот вопрос отвечает в своей диссертации К.К. Хинксон, он уделяет этому большую часть работы. Здесь мы приведем только ту цитату, которая имеет прямое отношение к ответу на наш вопрос. Итак, Хинксон пишет: «<в “Заключительном ненаучном послесловии”> Кьеркегор критикует лютеранскую ортодоксию, указывая на то, что ее приверженцы совершенно точно лгут о необходимости таинств крещения и причащения. При этом Кьеркегор ссылается на тот фрагмент из Лютера, где последний настаивает на необходимости личной веры» [19, 52].

Таким образом, вопрос о применимости понятия «догматики» к философии религии Кьеркегора остался для нас вопросом открытым. В этом параграфе мы попробуем найти догматическое ядро кьеркегоровской концепции. Заметим, что все три вышеупомянутых исследователя Кьеркегора считают, что его философия религии, так

или иначе, заимствует один из центральных тезисов Лютера. Именно этот тезис использует Шлейермахер в «Речах о религии...», когда пишет: «...если вы сосредоточились лишь на религиозных догматах и мнениях, то вы еще совсем не знаете самой религии, и то, что вы презираете, не есть она сама <она же есть> те благочестивые понятия духа, в которых все иные, известные вам деятельности оттеснены или почти устранены, и вся душа растворяется в непосредственном чувстве бесконечного и вечного и своего общения с ним...» [18, 60]. Нас интересует — действительно ли Кьеркегор следует этим идеям «Речей...» Шлейермахера? Ведь в таком учении действительно нет места «догматике», но есть пространство «личной веры».

Открывая «Понятие страха», читаем: «...вера много теряет, когда ее насильно лишают того, что принадлежит ей по праву, — то есть ее исторической предпосылки; догматика же много теряет, когда ей приходится начинать не там, где лежит ее начало, то есть не внутри более раннего начала» [13, 26]. Уже в этом высказывании можно заметить, что Кьеркегор критикует концепцию мистической веры как «внутреннего чувства», т. е. критикует работу Шлейермахера «Речи о религии...». Эту критику Кьеркегор разворачивает в двух тезисах. Во-первых, Кьеркегор исторически ограничивает веру в целом. В «Понятии страха» историчность веры он рассматривает в двух аспектах, о которых мы попробуем сказать чуть позже. Во-вторых, здесь же полностью разрушается тезис о том, что Кьеркегор заимствует только один из двух генеральных тезисов Лютера — «Sola fide». Когда Кьеркегор говорит о более раннем начале догматики, он фактически говорит об интерпретации «Священного Писания». То есть, согласно Кьеркегору, и вера, и догматика искусственно ограничиваются именно тогда, когда одному предпочитают другое, когда один тезис Лютера абсолютизируют, утверждая, что это и есть «вера», та подчиненность, которой жаждет Бог.

«Настоящее произведение, таким образом, поставило своей задачей рассмотреть понятие “страх” <...> чтобы постоянно иметь in mente (“в сознании” [лат.]) и перед глазами догмат о первородном грехе (Arvesynd)», — пишет Кьеркегор в «Предисловии» к «Понятию страха» [13, 30]. Фактически, именно грех является центральной темой данной работы Кьеркегора. Догматика греха — вот что интере-

сует датского философа, в частности потому, что понятие греха всячески искажается. Это искажение Кьеркегор описывает так: «Грех имеет свое определенное место, или, точнее говоря, он не имеет вообще никакого места, но это и есть его определение. Когда же его рассматривают в другом, ненадлежащем месте, он изменяется, будучи включенным в не соответствующий его сущности разрыв рефлексии. Его понятие также изменяется, и одновременно разрушается настроение, которое правильно отвечает правильному понятию, и вместо постоянства истинного настроения мы получаем мимолетное фиגлярство настроений неистинных» [13, 31].

Несложно догадаться, что под «мимолетным фиглярством настроений» понимаются не только современные Кьеркегору философские осмысления феномена религиозного (как, например, у Гегеля или у Шлейермахера), но и еще те ортодоксально-лютеранские измышления современной ему теологии, которые были упомянуты выше. Возвращение к Лютеру, таким образом, теперь играет совсем иными красками. Кьеркегор заимствует изначальную логику лютеранства с тем, чтобы указать на феномен греха, показать его значимость в экзистенции каждого христианина.

На наш взгляд, представление о догматичности греха особенно очевидно в «Понятии страха» тогда, когда Кьеркегор пишет о «квантитативном» и «квалитативном» грехе: «...как только Адам фантастическим образом оказывается исключенным из истории, все запутывается. Разъяснить грех Адама — значит поэтому разъяснить первородный грех, и тут не может помочь никакое разъяснение, которое стремится разъяснить Адама, не разъясняя первородный грех, или стремится разъяснить первородный грех, не разъясняя Адама. Это имеет свою глубочайшую причину в том — а это существенно в человеческой экзистенции, — что человек является индивидом, и, как таковой, он в одно и то же время является самим собой и целым родом таким образом, что целый род участвует в индивиде, а индивид — в целом роде» [13, 45].

В этой мысли для нас будет важна сама дихотомичность греха, согласно Кьеркегору, первородный грех — это не только грех Адама (который численно наследуется в поколениях), но и «мой грех» как грех Адама (качественно осознанный). Другими словами, снова у

Кьеркегора «Я» и «Адам» участвуют в погоне за самотождественностью. Однако, в отличие от моей личной «экзистенции», в «грехе» самотождественности слишком много. Именно осознание первородного греха как моего греха ставит субъекта греха в позицию вины. Грех в «Понятии страха» является конститутивной чертой субъективности, которая понимает свою «заброшенность» и принадлежность к роду «человек» исходя из этого греха.

«Заброшенность» Кьеркегор описывает через те же метафоры, которые Лютер использует, описывая страдания Христа как ключевые для христианского миропонимания в целом. Это заимствование прекрасно описано в диссертации К.К. Хинксона, где говорится, что теологическая теория избранности христиан у Кьеркегора так же основана на этике страдания и на (невозможном, постоянном) приближении к Богу, как и лютеранская. В этом контексте Хинксон постоянно упоминает ложное, с его точки зрения, противопоставление: *teologia gloria* — *teologia crucis*. Так, он пишет: «...в “*teologia crucis*” <...> нет способа явно распознать Бога или его действие. Только посредством веры доступно Его “действие”/ “трансцендентное действие”, которое имманентно совершается посредством страдания на кресте. Скрыто в распятии и страдании Христа утверждается милосердие Бога по отношению к верующему» [19, 30]. Так Хинксон показывает, что *teologia crucis* предполагает ту же логику распространения «славы Бога» на человечество, что и *teologia gloria* Фомы Аквинского. На наш взгляд, в философии религии Кьеркегора есть попытка преодоления следов *teologia gloria* в *teologia crucis*. По крайней мере, принципиальная греховность человеческой природы и «заброшенность» в мир — те фундаментальные черты человеческой субъективности, которые обуславливают трансцендентность Бога по отношению к человеческой экзистенции. При этом Кьеркегор пишет, что человеческий страх, если хотите — изначальный феномен страха, не есть страх греха, но есть страх Бога, перед которым каждый ощущает себя виновным. Таким образом, Кьеркегор показывает, что спасение человека доступно лишь посредством следования заветам Бога или «догматике».

В целом, догматика в «Понятии страха» раскрывается через историческое восприятие первородного греха и связанного с ним страха, однако, еще раз подчеркнем, что Кьеркегор в этом понимании

отнюдь не мистик, он пытается соблюсти изначальный баланс между двумя сосуществующими понятиями греха, подчеркивая, что первое происходит из историчности *Писания*, тогда как второе — из историчности *личной веры* субъекта. Причем оба понятия греха в своей излишней, диалектической самотождественности имеют прямое отношение к человеческой экзистенции. Это отношение греха и субъекта снова может быть описано как «отношение, которое относится само к себе», для нас это значит, что Кьеркегор, применяет метод «экзистенциальной диалектики» там, где идет речь о философии религии.

Вернемся теперь к нашему тезису: догматика не только существует в работах Кьеркегора, но и, согласно датскому мыслителю, является основной чертой христианского миропонимания. Догматику как «основное требование» проще всего найти в работе Кьеркегора, посвященной проблемам христианства: «Упражнения в христианстве и переинтерпретация дискурса». В этой работе Кьеркегор, фактически, еще больше показывает свое недовольство той интерпретацией христианства, которая присуще лютеранско-ортодоксальной школе теологии. Так, он пишет: «Христианство есть религия абсолютного, оно существует не для утешения, понимаемого по-человечески; напротив, оно снова и снова говорит о страданиях, которые должен претерпеть христианин или которые должен претерпеть человек, чтобы быть христианином. Этих страданий любой вполне может избежать, просто воздерживаясь от того, чтобы стать христианином» [20, 67]. Уже в этих словах видно, с каким трепетом Кьеркегор говорит об «основном требовании» христианства. Здесь Кьеркегор показывает свое неприятие «теологии славы», в которой человек получает прощение посредством жертвы Христа, это прощение датский философ описывает как «утешение» перед лицом греха. Здесь же Кьеркегор трепещет перед «теологией страдания» Лютера, снова указывая на то, что грех, страдание и вина — конститутивные черты христианина. С точки зрения Кьеркегора, всякая христианская позиция находится в одной экзистенциальной плоскости с Христом: «...христиане постоянно находятся в одной временной плоскости с Христом <...> тот, кто не способен поместить свое христианство в сосуществование с Христом или же, кто не способен сдвинуться к

Нему в ситуации сосуществования, никогда не станет истинным христианином» [20, 68]. То есть, Христос Кьеркегора требует экзистенции субъекта для себя, именно подобное требование Х.Р. Нибур назвал «основным». Легко заметить, что Кьеркегор помещает это требование в экзистенциальное «или-или», которое служит внутренним компасом на путях «догматики» датского мыслителя.

Догматика «рыцаря веры»

Мы полагаем, что в своих работах Кьеркегор никогда не был сконцентрирован вокруг одной, постоянно зацикленной в себе идеи. На наш взгляд, эта характеристика применима и к его религиозным воззрениям: мы уже видели как экзистенциальное «или-или» раскрывается через его мистицизм, который, однако, с необходимостью сопровождается догматически понятым грехом. В связи с этим стоит задать вопрос: так ли сильно отличается кьеркегоровская философия религии от гегелевской? Для ответа на него обратимся к работе Кьеркегора «Страх и трепет», которая раскрывает тайну душевных терзаний Авраама в его пути на гору Мориа. И, хотя похожие персонажи и истории были у Кьеркегора еще до «Страх и трепета» (например, Нерона или Иов), мы все же обратимся к вере Авраама, поскольку именно она показывает, где же Гегель ошибся. Подчеркнем, мы считаем «Страх и трепет» той самой работой Кьеркегора, в которой он прибегает к *собственной* философии религии, той, чьим основанием служит «экзистенциальная диалектика». Уточним, осознание болезни к смерти, заброшенности и греховности в философии датского мыслителя предшествуют тому истинному пути, на котором человек выбирать быть с Богом. То есть, мы считаем, что «Страх и трепет» является связующим звеном всех работ Кьеркегора, здесь мы находим его «основное требование», существующее помимо Гегеля и/или Лютера.

Догматический аспект «Страх и трепета», произведения, помещающего веру читателя в рамки экзистенциальной проблематики, был нами рассмотрен ранее — мы уже писали, что у Кьеркегора «...осознание страха, который генетически (в работе “Понятие страха”) возникает из качественно повторяющегося первородного греха, означает возможность приближения к Богу...» [17, 266]. Тогда

мы сделали важный для нас вывод, что «...Кьеркегор не мыслит христиан и христианство как нечто трансцендентное синтезу “или-или”». Как раз наоборот, идеальный христианин — это “рыцарь веры”, Авраам, Христос» [17, 267]. Мы считаем, что основная интенция «Страха и трепета» — обнаружение Авраама как «рыцаря веры», но кто такой «рыцарь веры»? Рассуждение о «рыцаре веры» Кьеркегор предваряет рассуждениями о вере как таковой, к примеру, он пишет: «...я никоим образом не думаю поэтому, что вера — это нечто незначительное; напротив, она есть самое высокое...» [14, 44]. Вера как самое высокое раскрывается в кьеркегоровской метафоре «движения веры», последнее он уподобляет пути Авраама на гору Мориа. Именно потому, что Кьеркегор рассматривает путь Авраама как «движение веры»? он пишет: «...мне прекрасно известно, что <любое> мое мужество — это отнюдь не мужество веры или что-то, что было бы сравнимо с верой. Я не могу довести до конца движение веры, я не способен закрыть глаза и с полным доверием броситься в абсурд (det Absurde), для меня это невозможно» [14, 44]. После чего датский философ вновь возвращается к возвышенности веры: «Обыкновенно полагают, что вера не создает какого-то произведения искусства, разве что некую грубую и топорную работу, пригодную лишь для неотесанных натур; однако все обстоит совершенно иначе. Диалектика веры — самая тонкая и удивительная из всех, в ней есть некий порыв, о котором я могу составить себе какое-то представление, но не более того. Я могу сделать большой прыжок с трамплина, который переносит меня в бесконечность, — спина у меня была специально вывихнута еще в детстве, как это делают с канатоходцами, так что мне это легко, я вполне могу — раз-два-три — стать на голову в наличном существовании, — однако на следующий шаг я не способен; ибо я не могу совершить чудесное, я могу лишь изумляться ему» [14, 47].

Уточним: под «чудесным» Кьеркегор понимает всю ситуацию Авраама, в которую тот был включен. Таким образом, Кьеркегор не только предваряет свое понимание «движения веры» как искусного танца (на что указывает связка фраз «полагают, что вера не создает произведения искусства» и «диалектика веры — самая тонкая из всех»), но и догматически (через священное писание) описывает свое понимание «чуда». «Чудо» — дело веры Авраама, который отдал

этому делу не только всего себя, но и своего сына. Именно потому, что, согласно Кьеркегору, Авраам совершил невозможное, дал «чуду» управлять своей судьбой, он достоин называться «рыцарем веры». «Движение веры должно постоянно осуществляться силой абсурда, причем так, заметьте, чтобы человек не терял при этом конечного, но целиком и полностью обретал его <...> вера <...> осуществив движения бесконечности <...> проделывает затем движения конечного», — подчеркивает Кьеркегор, а затем добавляет: «Легко узнать рыцарей бесконечного самоотречения, поступь их легка, весела. Напротив, те, кто носит в себе драгоценность веры, вполне могут разочаровывать, ибо их внешний вид обладает поразительным сходством с тем, что глубоко презираемо как бесконечной покорностью, так и верой, — сходством с филистерским мещанством» [14, 49]. Именно в связи с этим примером Кьеркегор впервые употребляет словосочетание «рыцарь веры», т. е. «рыцарь веры» — человек, который «носит в себе драгоценность веры», совершает «движение веры», постоянно находится в «танце веры».

Все эти понятия Кьеркегор, на наш взгляд, вводит чтобы скрыть основное — «рыцарь веры» и есть, согласно Кьеркегору, истинный христианин. Тот самый, который, пренебрегая собой, следует основному требованию, тот самый, что в акте веры совершает невозможное, избрав вместо легкой гегелевской негации путь «экзистенциальной диалектики», где ни одна из возможностей не исключает другую. Человек, следующий заветам Христа, для Кьеркегора — «рыцарь веры», который совершает невозможное, находит свою сущность в синтезе того, что имеет совершенно противоположную, трансцендентную природу. Христианин — тот тот, кто свободен в своей неволе, тот, кто осознает свою заброшенность, греховность, страх, но при этом продолжают нести «крест». Это его (христианина) экзистенциальный выбор, и для Кьеркегора оказывается важным не столько сам результат (приближение к Богу), сколько полная осознанность того страха и трепета, которым этот выбор (с необходимостью) сопровождается (см.: [17]).

Итак, вся религиозно-философская концепция Кьеркегора не совершает гегелевского движения «негации», но и не отказывается ни от Гегеля, ни от Лютера, ни от Шлейермахера. Человек Кьеркегора точно так же обретает свою историчность в первородном

грехе, как и гегелевский, и, более того, также как и гегелевский субъект, человек Кьеркегора стремится к трансцендентному «абсолюту». Эти *движения* совершаются по-разному, у Гегеля человек — субъект историчности, а у Кьеркегора человек — историчность субъекта. Именно последняя позволяет в контексте Кьеркегора говорить о кантовской историчности субъекта, «личной вере» Шлейермахера или «заброшенности в мир» Лютера. Однако, повторимся, эта историчность субъекта вовсе не означает, что Кьеркегор отказывается от догматики, как раз наоборот, историчность субъекта оказывается возможной, исходя из того, что человек одновременно и все так же — субъект историчности.

Литература

1. *Барт К.* Церковная догматика: В 4 т. Т. 1. М.: ББИ Св. апостола Андрея, 2007.
2. *Быховский Б.* Метод и система Гегеля. М.: Госполитиздат, 1941.
3. *Валь Ж.* Несчастное сознание в философии Гегеля. СПб.: Владимир Даль, 2006.
4. *Ваттимо Дж.* После Христианства. М.: Три квадрата, 2007.
5. *Декарт Р.* Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Соч.: В 2 т. Т. 2 / Под ред. В. Соколова. М.: Мысль, 1994.
6. *Исаева Н.* Выбор духа — бессмертие на вырост // Кьеркегор С. Или-Или. СПб.: Изд. Русс. Христиан. Гуманитарной Академии Амфора, 2011.
7. *Исаева Н., Исаев С.* Авраамов нож, или Рождение веры // Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Академический проект, 2018.
8. *Исаева Н., Исаев С.* Личины страха и манки эротики // Кьеркегор С. Понятие страха. М.: Академический проект, 2017.
9. *Исаева Н., Исаев С.* Смерть как чертог или смерть как порог: путешествие с верным проводником // Кьеркегор С. Болезнь к смерти. М.: Академический проект, 2014.

10. *Кант И.* Лекции о философском учении о религии (редакция К.Г.Л. Пелица) / Под ред. А. Круглова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2016.
11. *Кьеркегор С.* Болезнь к смерти. М.: Академический проект, 2014.
12. *Кьеркегор С.* Или-Или. СПб.: Изд. Русс. Христиан. Гуманитарной Академии Амфора, 2011.
13. *Кьеркегор С.* Понятие страха. М.: Академический проект, 2017.
14. *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М.: Академический проект, 2018.
15. *Левит К.* От Гегеля к Ницше: Революционный перелом в мышлении XIX века. СПб.: Владимир Даль, 2002.
16. *Лызлов А.В.* Переворот веры. Что значит быть самым собой по Кьеркегору? // HORIZON. 2016. № 2 (5).
17. *Морозов И.Г.* Место догматики в трансцендентальном экзистенциализме. Кьеркегора. Теология «движения веры» // Трансцендентальный поворот в современной философии (4): трансцендентальная метафизика, эпистемология и философия науки, теология и философия сознания. М.: Государственный академический университет гуманитарных наук, 2019. С. 264—268.
18. *Шлейермахер Ф.* Речи о религии к образованным людям, ее презиравшим // Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям, ее презиравшим. Монологи / Под ред. О. Абышко. СПб.: Алетейя, 1994.
19. *Hinkson C.Q.* Kierkegaard's theology: Cross and Grace. The Lutheran and Idealist traditions in his thought. A Dissertation submitted to... Doctor of Philosophy. Chicago, 1993.
20. *Kierkegaard S.* Training in Christianity and the edifying discourse. London: Princeton U. P., 1944.
21. *Paulsen D.L.* What Does It Mean to Be a Christian? The Views of Joseph Smith and Søren Kierkegaard // BYU Studies Quarterly. 2008. № 4 (47).
22. *Robinson M.C.* Kierkegaard's Existential Play: Storytelling and the Development of the Religious Imagination in the Authorship // Kierkegaard, Literature, and the Arts / E. Ziolkowski (ed.). Evanston: Northwestern U. P., 2018.

Reference

1. *Bart K.* Tserkovnaya dogmatika: V 4 t. T. 1. M.: BBI Sv. apostola Andrey, 2007.
2. *Bykhovsky B.* Metod i sistema Gegelya. M.: Gospolitizdat, 1941.
3. *Val ZH.* Neschastnoe soznanie v filosofii Gegelya. SPb.: Vladimir Dal, 2006.
4. *Vattimo Dzh.* Posle Khristianstva. M.: Tri kvadrata, 2007.
5. *Dekart R.* Razmyshleniya o pervoy filosofii, v koikh dokazyvaetsya sushchestvovanie Boga i razlichie mezhdru chelovecheskoy dushoy i telom // Dekart R. Soch.: V 2 t. T. 2 / Pod red. V. Sokolova. M.: Mysl, 1994.
6. *Isaeva N.* Vybor dukha — bessmertie na vyrost // K'ergegor S. Ili-Ili. SPb.: Izd. Russ. Khristian. Gumanitarnoy Akademii Amfora, 2011.
7. *Isaeva N., Isaev S.* Avraamov nozh, ili Rozhdenie very // K'ergegor S. Strakh i trepet. M.: Akademicheskii proekt, 2018.
8. *Isaeva N., Isaev S.* Lichiny strakha i manki erotiki // K'ergegor S. Ponyatie strakha. M.: Akademicheskii proekt, 2017.
9. *Isaeva N., Isaev S.* Smert' kak chertog ili smert' kak porog: puteshestvie s vernym provodnikom // K'ergegor S. Bolezn' k smerti. M.: Akademicheskii proekt, 2014.
10. *Kant I.* Lektsii o filosofskom uchenii o religii (redaktsiya K.G.L. Pelitsa) / Pod red. A. Kruglova. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 2016.
11. *K'ergegor S.* Bolezn' k smerti. M.: Akademicheskii proekt, 2014.
12. *K'ergegor S.* Ili-Ili. SPb.: Izd. Russ. Khristian. Gumanitarnoy Akademii Amfora, 2011.
13. *K'ergegor S.* Ponyatie strakha. M.: Akademicheskii proekt, 2017.
14. *K'ergegor S.* Strakh i trepet. M.: Akademicheskii proekt, 2018.
15. *Levit K.* Ot Gegelya k Nitsshe: Revolyutsionniy perelom v myshlenii XIX veka. SPb.: Vladimir Dal', 2002.
16. *Lyzlov A.V.* Perevorot very. Chto znachit byt' samim soboy po K'ergegoru? // HORIZON. 2016. № 2 (5).

17. *Morozov I.G.* Mesto dogmatiki v transtsendental'nom ekzistentsializme. K'erkegora. Teologiya «dvizheniya very» // Transtsendental'niy povorot v sovremennoy filosofii (4): transtsendental'naya metafizika, epistemologiya i filosofiya nauki, teologiya i filosofiya soznaniya. M.: Gosudarstvenniy akademicheskiy universitet gumanitarnykh nauk, 2019. S. 264—268.

18. *SHleyermakher F.* Rechi o religii k obrazovannym lyudyam, ee prezirayushchim // SHleyermakher F. Rechi o religii k obrazovannym lyudyam, ee prezirayushchim. Monologi / Pod red. O. Abyshko. SPb.: Al-eteyya, 1994.

IV

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

ЮР. МИХАЙЛОВ

Сполошные измышлизмы*

29.12.2021

1. «Все суета сует!» — верно сказано, и никакой технотронный мозг этого не только не одолеет, а, наоборот, еще более засуетит, спотыкаясь о самого себя. Суета — экзистенциальная великая данность, без которой жизнь ведь и не жизнь, а всего лишь сначала не-жизнь (прозябание), а потом и еще проще — сама и смерть! А суета, которая дает жизни жизнь, как раз и есть чудотворная живая не-жизнь, а то и смерть, всего лишь принимаемые за обычную живую жизнь. Вот и живи, чек, каждый миг умирая, а непрерывно умирая — живи!

2. Стиши я начал писать в Париже, в 33 года, от великой, при этом и насыщенной деяниями, эмоциями и переживаниями, личной свободы, которая стала вдруг доступной в роли пусть и не именитого, но гостя Парижа, Парижем принимаемого и окормляемого. Хороши были или плохи мои стиши, не так уж было важно, но зато когда мне стало на родине всамделишно худо от непризнания моих творческих порывов, аккурат в сорокалетнем возрасте, и безысходного карьерного тупика, в который меня тогда загнали, мои стиши, которые я вдруг решил однажды перечитать, буквально меня спасли... нет, не от петли, конечно, а вот от уныния — точно, как и сейчас, уже на склоне лет, когда все мною для себя и для мира сказано, да еще как сказано!, меня выручают, правда, уже не от уныния, а от старостной унылости, мои чуждые тексты — причем на любой наобум открытой странице... бац!.. и получаешь пригожий ответ, — вот она — магия *Слова Своего!*

3. С эпохораздельного для страны, называвшейся СССР и ныне называемой Российской Федерацией, как и для ряда других осколочных от СССР «независимых стран», незабвенного 1991 г.

* Публикуем отрывки из вышедшей в свет книги: Юр. Михайлов. Обнажение (исповедь ученого странника). Сказание вперемешку со сказкой. — М.; Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022 — 376 с. — С. 321—367.

вдруг стало ясно, что значило было жить в *sosедстве* с бездной, адом, преисподней, бытовавших внутри социализма, но все-таки с примерным людством внутри него, среди людей, и что «зазначило» жить, а по сути-то уже и не жить, а так — переживать, а то и просто «нежить», *внутри* бездны, ада, преисподней, еще и с нелюдством и среди нелюдей в приоритете. Две тут больше разницы: жизнь в небезуспешной борьбе с нежизнью и жизнь аки нежизнь под нежизнью, лишь ей небезнадежно, быть может, но явно беспобедно, сопротивляясь!

4. Славные и бесподобные (*бесу-подобные*), они же революционные, вольные, хаосные, лихие, пакостные, гадкие 1990-е оказались годами, сотрясшими до глубины моральное, гражданское и онаученное сознание, как и годами примечательных открытий: стало ясно вдруг, что не только бездна, ад, преисподняя прямо здесь, на Земле, среди людей, в социуме, в цивилизации, что они — эти бездна, ад, преисподняя — не просто всегда вместе с человеком, социумом, цивилизацией, с той же церковью, так еще они могут вдруг возвыситься, объяв собою человека, социум, цивилизацию, ту же церковь, да так объяв, что сама жизнь, тесно сомкнувшись с погибелью, смертью и небытием, перестает быть собственно жизнью, а переходит в разряд нежизни, а приоритетный субъект сей нежизни, ее актер, оказывается не человеком вовсе, а каким-то иным существом, лишь носящим внешне человеческий образ — таким *иносуществом*!

5. Однако самое поразительное открытие состояло благодаря 1990-м гг. в том, что человек *от роду своего* вовсе не то существо, за которое стал себя успешно выдавать посредством мифологии, философии и религий, а в особенности в век просвещения, гуманизма и атеизма, а весьма, если не совсем, *иное существо*: животное, звериное, бесовское, хоть и самим же собою окультуренное, обыскуственное, очеловеченное, да вот очеловеченное не до конца, не на всю глубину, не вполне, — как засели в тайниках людских душ бездна, ад и преисподняя, так там и сидят, а при случае, которого они — бездна, ад, преисподняя — не только терпеливо поджидают, но и неустанно нагнетают (вроде войн, набегов, нашествий, агрессий, революций, бунтов, восстаний, воровства, разбоя, но и хамства, ссор, скандалов, споров, стычек, драк и т. п. вещей и вестей), эти бездна, ад и преисподняя вдруг поднимаются, расширяются, растут,

захватывая витально-экзистенциальное пространство, главенствуют, переводя бытие в небытие, лишая все позитивное человеческое шанса быть и выводя наперед аномальную небыть!

6. Да... бездна, ад, преисподняя — все это в мироздании, в природе, на Земле, но еще и в человеке, в его сознании-бессознании, в разуме-безумии, в ноосфере-инферносфере, в текущих состояниях и вершащихся поведеньях человекообразных существ, — и это бесспорный факт! Иллюзия о человеке и человечестве как носителях божественного, софийного, сакрального начал безнадежно рухнула, а штилевое денежно-материальное благополучие суперновейшего разряда лишь закрыло дорогу к возврату сей лженамеренной иллюзии: неблагополучный человек (как и страна, народ) бывает страшен, но нет ничего омерзительнее благополучного или неистово стремящегося к благополучию человекообраза, народобраза, странобраза!

7. Данте писал об аде как о каком-то внешнем относительно зёмного человеческого мира заведении — вроде приюта для сумасшедших или тюрьмы для арестантов, куда Данте старательно отправлял по адовским округам разного рода грешников, почитая почему-то свой тяжкий судейно-инквизиторский удел за «божественную комедию» (не без, видно, веских на то оснований), однако ад не где-то там за пределами земно-человеческого мира, на каком-нибудь спутнике Марса или Сатурна, а здесь, на Земле, посреди мира человеческого, и находятся в этом аду вовсе не так великие грешники, того заслуживающие, а и самые что ни на есть позитивные особи, а ежели «по чесноку», то великие грешники по преимуществу не в аду, который они сами устраивают и которым управляют, да и какими-то там грешниками себя вовсе не считая, как и не получая по обыкновению за свою адовскую миссию причитающегося им возмездия, а вот настоящие люди, пусть и не без грехов, как раз в земно-мировом аду и бытуют, ибо ад устраивается на Земле и в человеческом мире аккурат для них, а не для дантовского пошиба великих грешников. Коли ты позитивный и настоящий, борись с адским миром и самим собой, тоже ведь адским, зарабатывая себе вовсе не на рай, который как раз где-то там, а не более чем на райский погост!

8. Что ни говори, а вокруг все *иное*, вовсе не такое, кем, чем и как людям кажется. *Иное!* Реальность — не более чем реальная кажимость! Вокруг лишь бескрайнее владение *Великой Неизвестности* и

полный тайны заповедник *Иного*, а это Иное — не более чем *иное*, — вот и все! Вроде бы приличный напогляд человек, а на самом-то деле — бес (бесовек), как и наоборот — будто бы бес, а на поверку чуть ли не приличный человек. Ху тут из ху? Чтобы разглядеть в человеке беса иной раз мгновения достает, а вот чтобы в человеке разглядеть просто достойного человека, и целой жизни частенько не хватает. А потому кругом по преимуществу «как бы» да «как бы»: «как бы человек» и «как бы бес», а кто и что на самом деле, кто ж это знает? Тогда что же выходит: не знать, не думать, не гадать? Совсем нет: и думать, и гадать, хоть при этом и не знать, зато можно догадываться и... ошибаться, но не без того, чтобы кое-что все-таки и знать (Бог, как известно, шельму метит, как и не шельму тоже — лишь по-другому).

9. Почему ныне развелось так много (легионы!) всякого рода знатоков, экспертов, консультантов, советчиков, гадалок, знахарей, ну и, само собой, пророков? А все потому, что все они, кроме разве удачливых гадалок, ничего о реальности достоверно не зная и ни за что из ими проговариваемого головой своей не отвечая, несут все, что им угодно, ибо реальность одновременно и такая, и этакая, и разэтакая, а главное — всегда *иная*, отчего и нести о ней можно все, что ни попадя, — все равно будет не так, как сказано, а иной раз вдруг и так, отчего тогда и гешефт! Попробуй-ка, разоблачи таких вот говорунов, не попав под суд за клевету и не получив тебе вдруг запричитавшегося, ибо там — в судах — такие же! А потому мы уж без имен, без адресатов, ну и, само собой, без разоблачений!

10. Гуманитарная реальность вроде бы вокруг есть, но ее как будто и нет, поскольку она — реальность — *ина*, да так *ина*, что не раз, не два и не три *ина*, а бесконечно ина — *инои́на́!*, отчего вокруг пресловутое зазеркалье со своей «теорией заговора» не за реальностью, не вне реальности, а прямо в ней самой: реальность как раз и есть *зазеркалье!*

11. Гуманитарная реальность — игра *Иного* под началом, оперой и приглядом *Великого Неизвестного*, отчего ни схватить сию реальность за ейный вертлявый хвост, ни усадить в догматическую клетку, ни покорить ее раз и навсегда, — с реальностью можно только *играть*: операционально-фактологически, ментально-рассужденчески, безумно-откровенчески, причем не рассчитывая на прочный и

долгий выигрыш: за мимолетным и нестойким, как правило, выигрышем непременно стоит или же назойливо следует неминуемый проигрыш. Интересно все это, занято, даже забавно, но при этом и весьма рискованно, да так, что и костей иной раз не соберешь, не то что мыслей, суждений, оценок, картинок. Всякий взявшийся за истинное-де познание гуманитарной реальности — дурак, простак и безумец!

12. Что есть истина? Да все, что угодно: обывателю, эксперту, правителю, суду, церкви, лишь бы работало, принося удовлетворение, пользу, вред или даже ничего не принося, кроме видимости и суеты, что, надо заметить, всего более и истинно!

13. Вот говорят, что революции делаются *бесами* (это по Достоевскому), и правильно говорят, да вот не только бесами, да и по большей части не бесами вовсе, даже и не безумцами всех мастей, хоть и не без этого, а совершенно, знаете ли, благонамеренными, вполне и позитивными людьми: правителями, сановниками, жандармами, генералами, не говоря уж о философах, поэтах, писателях, театральщиках, журналюгах, бардах, скоморохах и любых иных гражданах, да вот мало кто из них готовит и творит революцию осознанно, по большей же части совсем и нет, однако есть категория вполне сознательных революционеров, вовсе не обязательно и бесов с безумцами, хоть и не без кое-какого бесовского безумства, — речь тут о тех представителях рода человеческого, которых обычно называют если не *праведниками*, то уж правдолюбцами, борцами за справедливость, пусть никому толком и неизвестную, а также речь идет о тех персонажах, которых можно обобщенно называть *бастардами*, разумеется, социальными, а не по рождению, хоть и не без этого тоже, как раз тех, кто *не имеет*, но претендует на то, чтобы *иметь*, а именно — свободу, возможности, положение, авторитет, власть, деньги, богатство, которых отличают помимо амбиций и агрессивности, эгоцентрической страстности, так же и незаурядный ум, нестандартная изобретательность, заметная творческая жилка, немалая хитрость и рисковость, которых не сильно гложет совесть и не сильно пугает страх, в общем — не просто куда-то и к чему-то слепо стремящихся, а осознанно и расчетливо желающих того, что не дает им существующее социальное устройство, которое следует либо радикально изменить, либо под корень вырубить и насадить на его месте

что-то совсем уж другое, как раз им — бастардам — potřebное. Из этих вот бастардов и выходят главные революционеры — главари революций!

14. Революции подталкиваются и делаются агентурой из-за рубежа с участием своих (отечественных) ставленников иных стран и сил, секретных служб, генштабов, в революциях участвуют в момент их разгара массы населения из недовольных существующим строем бытия, им — этим строем — униженные и оскорбленные, как и не проходит мимо революционных безумий разнообразный уголовный, включая и бандитский, элемент, однако самым главным, менее всего замечаемым и понимаемым свойством революций является то обстоятельство, что революции во многом, если не в решающей степени, вызревают, вспыхивают и катятся по своей дорожке... *сами по себе*, оказываясь по сути и в целом *самими-себе-революциями*.

15. Тут виновато прежде всего бытующее подспудно в глубинах реальности *Иное*, которое, не давая покоя никакой, даже и самой напогляд устойчивой реальности, все время заряжено на *иное*, не на то, что есть, а что будет, а что будет-то, само это Иное не знает... и знать не должно, ибо это прерогатива самой реальности, которая и решает, что будет и не будет никогда, и что интересно в случае с революциями: да, они совершаются — невероятно и внезапно, — имеют какие-то свои ближние цели и решая текущие задачи, но никогда не достигают того, ради чего они на перспективу затеваются и происходят. Сначала вырыв свободы, стихии, хаоса и безобразия, а затем неизбежный тупик, из которого ищет выхода если не прямо *контрреволюция*, то уж *антиреволюция* — точно! И тут виновато оно — Иное, которое не может ничем удовлетвориться и все время тянет к переменам, побуждая в итоге сначала к революции, а затем к ее преодолению, однако уже в ином — не в прошлом дореволюционном и не в собственно революционном варианте бытия, а как раз в постреволюционном, не исключено, что и в худшем, чем то было до революции.

16. *Парадоксы революции!* Сначала вдруг случается, чтобы под приемлемо-прельстительным лозунгом (даже и программкой, даже и поддержанной какой-нибудь «вечно живой» теорией) перевернуть ситуацию, захватить власть, разрушить бытующее, перетрясти «людской материал», двинуться вперед по намеченной или желаемой

дорожке, чтобы убедившись в несостоятельности движения по той дорожке, лишь заведшей в тупик, выйти затем, изрядно передравшись, поуничтожившись, вновь окропившись кровью, приступить к воссозданию жизнеспособного бытия, зачерпывая что-то из прошлого, вводя что-то новое, а в итоге получив ни то ни другое, даже и не третье, а... *иное*, — вот тогда-то и достигает революция реальной цели, да вот не своей заповедной, а совсем иной, которую уже достигает не революция, а сама текущая бытийно-историческая реальность, пусть и достигает прерывно, колебательно, вариативно, импульсивно, даже и конвульсивно.

17. *Парадоксы революции!* Но не только: тут и парадоксы самого Бытия-Истории, и существа под шифром «ЧЕЛОВЕК», и даже самого мироздания, в общем — парадоксы тут от самого Его Величества Парадокса, а потому и *сами-себе-парадоксы*, которые вольготно бытуют посреди бесконечной и безраздельной Неизвестности!

18. *Сами-себе-революции*, как и, заметим, *сами-себе-войны*, вообще много еще чего, что происходит в бытии-истории при участии людей, по их вроде бы желанию и под их водительством, да вот происходит мало что не так, не совсем так, а то и вовсе не так, но происходит, что в общем-то нетрудно заметить, как-то *само собой*, но это не все — происходит вообще не столько по воле (волям) людей, как по воле *самого Бытия-Истории*, но и это не все — по воле и какой-то совершенно *неведомой силы*, прямо восходящей к неизвестности — как раз *Великой Неизвестности!* Так было раньше, так есть и сейчас!

Аки эпидемии: *сами* возникают, *сами* идут, *сами* исчезают, хотя все это и не без участия людей и не без влияния каких-то известных людям обстоятельств.

19. Это-то «САМО», как раз *са́мо* и *самó* — важнейший момент-принцип бытия-истории, да не только земно-человеческого, но и космо-мирозданческого, а все почему? — да потому, что иначе и быть не может! Ну и ответ! Да-да, именно такой ответ, в котором или через который все и сказано: работают энергии-информации, бродят по пространству-времени, сходятся, расходятся, сталкиваются, накапливаются, образуют в бытийно-исторической или той же космо-мирозданческой ткани узлы, холмы, горы, впадины, воронки, дыры, где-то вдруг взрываются — как раз войнами и революциями,

что означает, что эти последние есть не что иное, как те или иные *состояния* всего сразу *сущего* вперемешку со всем сразу *несущим* (не существующим-де, но примыкающим ко всему существующему, участвующим в нем, а иной раз и определяющим).

20. Вот поди-ка и пойми, что в реалиях реально есть, почему есть, отчего *самó* есть, а человек, — что человек?! — он всего лишь в потоке всего сущего, хоть и сам он сущий и влияет на внешний сущий поток, им даже до некоторых пределов и пор управляет, да вот и сам он сим «сущим» потоком управляется, отчего те же революции и войны хоть и готовятся, и разжигаются, и ведутся человеком, да вот на основе, по интенциям и в пределах этого самодвижущегося всеобщего сущего, а у кого тут бывает приоритет — у всеобщего сущего или особенного человеческого — решается всеми сразу конкретно в каждом конкретном случае.

21. *Сущее* — хорошо сказано, ибо это не только все существующее, но, скажем нейтрально, и *экзистенцирующее*, то бишь о себе конкретном как-то заботящееся: сохраняясь, изменяясь, передвигаясь, приспосабливаясь, отступая, наступая, дробясь, соединяясь в целое, то бишь вообще-то говоря по-нашему... *хозяйствуя* — вплоть до угасания и исчезновения, уже в другом — подобном или нет — сущем.

22. Хорошо сказать, что все сущее есть *энергия-информация*, да вот не все при этом сказать, причем не сказать главного, как раз того, что все сущее еще и... *ум* — УМ!, — да-да, именно так: УМ! Нет, конечно, не Божий и не человеческий ум, у каждого сущего, заметим особо, свой ум, свой аттрактор (замысел), своя бытийная программа, ну и свой механизм себя поддержания (гомеостаз), включая и механизм каких-то потребных сущему перемен (строенческой, качественной, поведенческой динамики).

23. Об уме камня, понятное дело, говорить как бы неумно, а вот о тех же горах вполне уже допустимо, не говоря уже о живой природе, да еще и не вегетативной, а анимальной: кто откажет в уме ладно бы волкам, собакам и лошадям, ладно бы уж воронам, гусям и воробьям, даже и пчелам, а то ведь и тараканам с мухами не откажешь. Ум, он и есть УМ, куда от него? Что, разве болота, реки, моря не ум-ные, а сама планета Земля, а Солнце с Луной, а весь Космос, а

все Мироздание? Да, можно запретить говорить об уме (умах) всего сущего, но разве от этого оно перестанет быть ум-ным?

24. Лучше всего говорить о человеке: чего-чего, а ум у него есть, да вот каков он — сам-то человек — в аспекте реализации своего ума: умный или не очень, а то вдруг и попросту... безумный?! Не будем говорить об уме-безумии какого-нибудь вулкана или того же слона, как, впрочем, и самой Земли-матушки вкупе с угнездившейся на ней Природой, а лучше уж о человеке: не то «венце творения», не то «венце природы», не то «сыне Божиим», не то... э-э... «продукте Мироздания», в общем — владельце и носителе *ума*, хотя никто из умных сам по себе ум никогда не видел и что это такое на самом деле нисколько не знает, а все потому, что это — *ничто*, лишь кажущееся «нечтом», или же нечто, исходящее из *ничта*, — это уж кому как нравится.

25. Однако УМ в понимании человека это как раз то, что... *решает*, прибегая к *разуму* и не избегая *безумия*. Сойдемся на этом, хотя опять... ничего досконально не знаем, несмотря на наличие *сознания*, то бишь отвлеченного ото всего сущего обо всем сущем сущего знания, выраженного в абстрактных смысловых символах — словах и речи, цифрах и числах, однако непременно сочетающегося с *бессознанием* (прерыванием сознания, его временным отсутствием).

26. Если учесть, что не только человек как особь, как индивид, как субъект имеет УМ, но и человечество как целое (неважно какого размера и конкретной выраженности — семьи, рода, общины, общества, всего зёмного населения), то бытие-история мало что тоже располагает своим УМ'ом, но и тоже им всю пользуется, принимая решения, будучи как раз аналогом того, что принято в науке принимать за так называемые стихийно-объективные процессы, и хотя это по видимости так и есть, но что при этом вовсе не исключает возможности трактовать это как именно решения, пусть вроде бы и не субъектные, да что из того?

27. *Войны и революции* — вполне себе сущие, а потому и *умственные*, события, со своим умом, своим разумом и своим же безумием, ну пусть квазиумом и квазиразумом, но зато уж безумием, так уж безумием, без всякого «квази», как и теми же квазисознанием и вполне себе уже не «квази» бессознанием. Что, разве не так? А

приглядишься, гражданин, господин, товарищ, повнимательнее к такого рода событиям и вдруг увидишь, точнее, незримо обнаружишь... э-э... УМ, да-да, тот самый УМ, который повсюду, а еще, уже и не вдруг, осознаешь, что в этих событиях и умах участвуют и другие умы, да мало что человеческие, что понятно (вояки, боевики, революционеры, герои, мыслители, художники, репортеры, проходимцы, мошенники, спекулянты, ворюги, бандиты, беспризорные... надо ли продолжать?), а то ведь еще и такие таинственные умы, они же и квазиумы, они же и неумы, как ум-неум Бытия-Истории при соучастии «ума» Иного и даже «ума» Великой Неизвестности тоже (о Боге Творце с Его Софией мы уж тут лучше помолчим, как, собственно, и о сатане, дьяволе, шайтане, — с нас вполне хватает и выше, до скобок, упомянутого).

28. Какой же из умов («умов», неумов) более всего решает быть или не быть войне или революции, какими им быть, к чему привести? Вроде бы тут все решает ум человеческий, без которого как будто бы ничего не обходится: ни начала события, ни его хода, ни его завершения, ни даже от него последствий, хотя тут — в последствиях — куда как в меньшей степени, чем во всем предыдущем, — да, это все так, но, по размышлении, и не совсем так, а то и вовсе не так, что тоже ведь бывает. Говорят же, по тому же Чижевскому, что волнения, бунты, революции и войны зависят-де от активности Солнца, а у астрологов — от положения и межсоотношений планет, от движения и пролетов комет, от взрывов в Космосе, хоть дело тут вовсе не в этом, или не так уж в этом, однако говорят, ибо чувствуют, что дело тут не в одних человеческих головах, а кое в чем еще, что как раз за пределами человеческих голов, а ежели что и в пределах, то не слишком носителями голов осознаваемо. А все почему? Да из-за включенности ума человеческого в другие умы, вовсе не или не такие уж человеческие: Бытия-Истории, Иного, Великой Неизвестности, отчего и вопросная неизвестность, почти что и безответная: «Какой же из умов («умов», неумов) более всего и решает в войно-революционных событиях?».

29. Чтобы не запутаться, ответим так: «Все тут решают и каждый по своей мере, а вот кто по какой мере, так кто ж из смертных это знает?». Ясно, что та же Великая российская революция 1917 г. с мощным антироссийским (дважды прозападным: сначала

либерально-буржуазным, а затем диктатуро-... э-э... вовсе и не пролетарским, а так... якобы мирово-социалистическим) мотивом готовилась долго, даже и предпринималась в 1905 г., а случилась она внезапно после знаменитого демарша генералов, отказавших действовавшему царю в доверии и желавших всего лишь перехода престола к его брату — боевому комдиву, а все пошло не так, брат от престола отказался, в дело вошли тогдашние политики-думцы, принявшие на себя власть, ну а дальше пошло-поехало, когда революция сама стала за себя думать, доведя дело до оголтелых большевиков, их переворота, а потом и всего остального — ужасного и неостановимого, включая конфискации, экспроприации, террор, братоубийственную — а вовсе и не какую-то там «гражданскую» — войну!

30. Да, Великая российская революция долго готовилась, аж с рубежа XVIII — XIX вв., и готовилась не только «людьми», но и самим Бытием-Историей (не только собственно российскими, а и той же Европой с ее Просвещением, Великой французской революцией, Наполеоном Бонапартом, капитализмом и промышленной революцией, плутократическим либерализмом в сочетании с колониальным империализмом тоже; готовилась сия революция и Иным, то глухо, то громко призывавшим Российскую империю, родившуюся от Петра I, к фундаментальным переменам, на которые она хоть и пошла, да вот непоследовательно, не вполне, лишь разжигая уже давно тлевшую в стране и поджидавшую сполоха революционную страсть; сию революцию поджидала и Великая Неизвестность, как раз и шандалахнувшая вдруг генеральской дланью по несчастному престолодержателю, от которого тогда отпрянула вся или почти вся, ну пусть лишь многая, Россия: всякая власть ведь ради постоянного управленческого дела, своевременных и нужных перемен, а не ради просто власти, ее удержания, а ежели чего-то такого нет или просто не хватает, то приходит она — революция, причем приходит при всем ее всеми ожидании для всех же внезапно, а главное — в самом невероятном образе и исполнении, а еще круче — в невообразимом *безобразии*!

31. Поначалу в революции участвуют помимо заранее заточенных на нее профессиональных революционеров — бесов, бастардов и правдолюбцев, по большей части «честняки» и наивняки, пусть даже и малость бесноватые и немало на тот момент обезумленные,

вовсе и не все непременно лично обездоленные, но по мере развертывания рокового события, как обычно весьма неоднозначного, в него втягиваются массами все чем-либо недовольные — устройством ли жизни, правящим ли режимом, реализующейся ли у каждого экзистенцией, как и приходит туда же и уголовно-деклассированный элемент, а в итоге плодами революции пользуются... а кто в самом деле пользуется плодами революции?.. нет, вовсе не только и не столько отпетые негодяи, сколько публика особого — очень даже деловитого, так сказать, — рода, вовсе не обязательно, повторяем, и негодяйского, а умеющего как рыбку в мутной воде словить, так и синичку в туманной атмосфере поймать. не говоря уже о крупных рыбаках и ширококрылых журавлях. О совести и ее угрызениях тут особо не помышляют, как и не сильно стенают по жертвам пертурбационных процессов, хоть потом и вирши слагают пламенные о благородстве, мужестве и бескорыстии что сгинувших революционеров, что революционных бенефициаров, и песни бодрые о революции и ее героях и жертвах хорами распевают. Всякие особи и особы оказываются в составе конечных победителей по итогам революции, разные — по всей гуманитарно-экзистентной шкале, но в чем им не откажешь, так это в деловой хватке, ловкости и упорстве, ну и, само собой, в нюхе, что похлеще и собачьего будет: пройти через горнило революции, в ней вовсю участвуя, уцелеть, да еще и победить — не хухры-мухры, прямо скажем!

32. Все так тогда и было, начиная с 1917 г. и длясь, как минимум, до... э-э... чуть ли не до энского года: добрая революция ведь не сводится к государственному перевороту, народному восстанию, захвату власти, даже и к фронтальной гражданской войне, она может длиться долго, очень долго, изобилуя хаосом, борьбой, туда-сюда де-яниями, насилием, героизмом, подлостью, ложью, преследованиями, репрессиями, приговорами, обильным кровопусканием. А как же иначе: революция на то и революция, чтобы, разрушив бывшее (может, еще и не дряхлое, даже не устаревшее), создать что-то новое — *иное*, а при его — этого нового — создании уже передрались между самими революционерами — за власть, за путь, за жизнь, за добро (в смысле владения), а также подавить сопротивленцев, закабалить по-новому работное население, расправиться с любым чуждым элементом, отбиться и от внешнего врага как тоже ведь претендента на

добро. Вот и наша Великая революция, когда же она все-таки завершилась: в 1922 г. (нэп, СССР), в 1929 г. («Великий перелом»), в 1936 г. («строительство социализма в основном», новая конституция СССР), в 1940 г. (конец массовым репрессиям, индустриализация, коллективизация, культурная революция), в 1953 г. (смерть вождя народов И.В. Сталина и конец политическим репрессиям), в 1964 г. (избавление страны от последнего революционера Н.С. Хрущева), в общем никто не знает и когда? — там, где-то там — в песочных часах исторического времени!

33. Да, именно так и было, а что же было? А все что угодно, кроме того, что жаждала увидеть революция. А что она жаждала увидеть? Сначала (по итогам Февраля) либеральную в России Европу, потом же (по итогам Октября и великой гражданской бойни) Европу социалистическую, правда, лишь в Европе придуманную, но там не осуществленную, где были реально осуществлены лишь мягкий *социал-демократизм* и жесткий *социал-фашизм*. Жажда-то жаждала, да вот что реально получила Великая российская (вовсе не русская!) революция 1917 г.? Известно что — *сталинизм*, то бишь не то что либерализм с капиталом, но даже и не собственно (как он был в Европе придуман) социализм, а ежели и социализм, то лишь как *социал-сталинизм* (не социал-демократизм с его союзом с капиталом и не социал-фашизм как некий корпоративизм в союзе с тем же капиталом, тем более уж не национал-фашизм, а некий социал-интер-этатизм, где «интер» означало единение российских народов в рамках единого, как оказалось вполне и имперского, государства).

34. Вот и вышло, что революция революцией, а реальность реальностью, причем там и там след от Иного, сначала в виде взрыва текущей реальности, ее обезумления, а потом в виде ее — реальности — восстановления, но при успехе революции в плане невозврата к прошлому (предотвращение контрреволюции), восстановления реальности в новом виде, причем в таком новом виде, к чему сама революция в содержательном плане уже имела мало отношения, а то и вообще не имела, зато к нему имело отношение возрождавшееся, пусть и частично, прошлое. Иное тут на Иное, отчего выходило сначала выворачивание реальности, а затем новое выворачивание уже вывернутой реальности с частичным возвратом к прошлому.

35. Тогда в чем же истинная, а не надуманная, цель революции? А вот в чем: перетрясти существующее, вывернув его наизнанку, вытрясти затем из потрясенного полусуществующего какое-то новое существующее, проделав выворачивание вывернутого и обретя какой-то синтез нового со старым, а в итоге получить что-то *иное*, не то, что было, это понятно, но и не то, что чаялось революцией, что не столь, быть может, понятно, но как раз и реально. Вот и выходит, что революция всегда *ина*, она не такая, какой ее представляют ее провозвестники, а ее итог и вовсе не такой, каким мог сим глашатаям представляться. Так надо или не надо учитывать Иное?

36. Большие войны вроде больших долгоиграющих революций, как, собственно, и глубокие затяжные кризисы, все равно какие — социальные, политические, экономические: везде хаос, потрясения, анархия, неразбериха, жертвы, как и насилия, чрезвычайки и диктатуры, скорые расправы и суды, козни и казни. Не ровно, совсем не ровно течет бытие-история, а как-то коряво, прерывисто, дискретно, импульсивно, конвульсивно, волнообразно, чересполосно, турбулентно, возвратно, в общем — *нелинейно*, мало того — «дуже погано»! Да ладно бы от одной тряски и терки с трудностями и потерями к другой тряске и терке с трудностями и потерями через стабильность и процветание, а то ведь через ту или иную схватку не на жизнь, а на смерть меж «людьми» с массовыми людскими и материальными потерями, с «миллионными» жертвами, с обильным, так сказать, кровопусканием. Человек (особь, семья, сообщество, общество, народ, государство, цивилизация) никак не удовлетворится либо своим бытием, либо бытием других (обычно соседей, но не только), либо попросту самим собою, и выпускает свое фундаментальное неудовлетворение, будучи вполне себе умным животным, осознанным зверем, изобретательным хищником, на других, громя их, грабя, насилая, убивая, подчиняя себе, эксплуатируя, как и устраивая вдруг разность своего собственного бытия, стремясь избавиться от одного его образа (устройства), чтобы перейти к другому — как бы и к лучшему (до следующего разностного захода), но не преминув подражаться и поуничтожаться уже по итогам бурных коллизий, уже и среди своих же; но что особенно интересно: и *само бытие* оказывается вдруг недовольным как самим собою, так и реализующим его человеком (человечеством), и... уже оно само восстает против самого

себя и своего же хомо-исполнителя, либо просто саморазрушаясь, либо ища при этом выход в *ином* образе (устройстве) себя и в обретении *иного* для себя хомо-исполнителя, что тоже сопровождается немалыми разрушениями и бедами. *Бес*-покоен он — человек, *бес*-покойно оно — бытие, *без(с)*-образна она — история!

37. Да, конечно, мораль-де виновата, не та-де религия, не та культура, не та цивилизация, ну и, само собой, экономизм с его деньгами и капиталами, как и чуть ли не врожденные алчность, корысть, захребетничество, паразитство, опять же животность, звериность, хищность, в общем — *нелюдство*, сидящее в человеке всему виною, а может, и сам человек, прочно засевающий в нелюдстве, однако кто и что не были бы тут виноваты, факт остается фактом: *жизнь*, *нежизнь* и *смерть* вместе, скопом, в единении, выдавая на гора все отмеченные выше бытийно-исторические безобразия, да не просто выдавая, а без сей выдачи *никак* (!) и не обходясь! Сожалеть о давно де минувшем легендарном «Золотом веке» или же мечтать о будущем — тоже в общем-то легендарном — «Золотом веке», конечно, можно, но человек со своим бытием-историей, или же бытие-история со своим человеком, демонстрируют пока более всего не «Золотой век», а непрестанную «Золотую лихорадку», проявляемую и так и этак, как и невообразимо как: не «нравится» человеку быть *человеком* — ЧЕЛОВЕКОМ!, ох, как не «нравится», а нравится почему-то... э-э... не быть человеком... впрочем, может, как раз *человеком* — ЧЕЛОВЕКОМ!-то и быть! «Человек — это звучит гордо!», разумеется, в устах самого же человека, да и перед самим же собой — аки перед зеркалом!

38. Удивляться бытийно-историческим безобразиям вроде войн, революций и кризисов вообще-то не приходится, — и ежели тут чему-то удивляться, то не столько интенционным деяниям великого безобразника — человека (чуть ли не сосланного на Землю откуда-то из космоса неисправимого каторжника, наделенного сознанием, разумом, когнитивом, как и их вполне себе действенными противоположностями), сколько безобразиям самой бытийно-исторической реальности, непременно лояльной к Иному и услужливо считающейся с Великой Неизвестностью.

39. Да-а... Великая Неизвестность, Иное, «Мета», «Транс» (трансцендентность), ну и «Са́мо» (или «Авто»), то бишь что-то,

отчего-то, зачем-то вдруг *самó*, хоть и при участии человека, в бытии-истории и происходит: среди и под влиянием Неизвестности, в столкновении Этого и Иного, не слишком угадываемое и слишком неотвратимое, весьма невероятное и очень внезапное, а главное — с совершенно непрогнозируемым результатом. Объективное умное тут непременно переигрывает умное субъективное, хотя умному субъективному и кажется, что оно чуть ли не владеет объективным умным, хотя это последнее весьма владеет субъективным умным и без всякого «чуть ли». Это Ленин ли делал революцию или революция сделала Ленина, да и кто тут кем владел: Ленин революцией или революция Лениным? А тот же Гитлер, который вроде бы развязал войну в Европе, поперев сначала на Францию с Англией, а потом и на СССР, или же война, порожденная, надо заметить, всем, что называется, миром — дружно, хором, слаженно, сделала Гитлера, им владела, его вела от Франции до СССР, не считая разных иных, уже не столь значимых геосубъектов?

40. Опять же, что более всего сказалось в подготовке этой воистину великой войны: объективное бытийное, субъективное событийное или же неведомое неизвестное? О-о, какая же тут велась геостратегическая, она же и роко-экзистенциальная, игра, причем всех сразу достойных ее умов и волей, не исключая и воли и безволия обстоятельств, ситуаций, случайностей, пустот! Готовили и развязывали сию войну *все* ее доброхоты и *все* бытийное сразу, иное дело, что в ней, как водится, кто-то со временем потерпел сокрушительное поражение, а кто-то одержал несомненную победу, хотя и не факт, что сложившие знамена навсегда проиграли, а водрузившие победные знамена столь же навсегда выиграли, а что касается самого Бытия-Истории, которое тоже поучаствовало в подготовке, ведении и завершении войны, то оно, как водится, оказалось в нейтральном положении, когда главной ставкой и главным призом оказывается не что-нибудь из текущего, а... Иное! — *иной заход* (мотив) и *иной исход* (результат), а в итоге — *иной на Земле мир*!

41. Кто-то вроде бы готовит большие события типа войн и революций, как и тех же кризисов, кто-то их провоцирует, кто-то реализует, кто-то проигрывает, терпя поражения, убытки, крахи, попадая в разряд виновников происшествия, оказываясь, не без оснований, политическим и уголовным перед миром преступником, кто-то

же, наоборот, выигрывает, одерживая победы, обогащаясь, уже не без обоснования, усиливаясь, надевая на себя тогу благородных судей и отпетых моральных авторитетов, а кто-то и насовсем исчезает, среди которых и миллионы ни в чем не повинных, но невольно попавших в беспощадные жернова коварных событий землян. Однако повторимся: все это происходит на фоне и по причине имманентных человеческому миру глубинных интенций, по воле и при участии самого Этого, пусть и подверженного влиянию Иного, мира: хотя у всех такого рода больших событий есть свои субъекты-верховоды, но сии события в главном обусловлены все-таки миром, его движением, они творятся в мире и миром, хотя и творятся в решающей степени и *сами по себе*, что всего труднее понять, однако без учета чего все происходящее выглядит не то что неясным, а и попросту неправдоподобным.

42. *Сталинская цивилизация* — победительница в Революции (по ее — революции — итогам), в строительстве самой себя, в Великой войне, в отстаивании самой себя (первоклассная армия, классная оборонка, высококласное ядерное оружие), в развитии самой себя (первосортные образование, наука, техника, инфраструктура, транспорт, строительство, здравоохранение, искусство, спорт), в уникальной для того времени социабельности, в вырыве первой в мире в Космос, наконец, в международном авторитете с распространением своего влияния, включая и идейно-проективное, на полмира, в общем — крутая по всем параметрам победительница, однако, увы, не могшая долго продолжаться без существенных себя перемен, способных перевести ее с армейского типа государственно-бытийного бытия в гражданский соборный, и не получив под нудной сенью фактически противного ей геронтоправления необходимых перемен, стала хиреть, разлагаться, терять историческую перспективу, даже и блуждать вдруг в возникших перед ней экзистенциальных потемках, а потому, попав в руки уже настоящих своих противников, как-то легко, почти и не сопротивляясь, обреченно рухнула вместе с КПСС, СССР, соцлагерем, международным коммунистическим движением, ну и с бытийно-исторической парадигмальной альтернативой, которую чуть ли не реально представляла собой на потребу всему земному миру по итогам сталинского разворота от «мировой революции» к мирового значения *иной*, чем прежде, бытийности.

43. Да, то была победа — ПОБЕДА!, но, увы, во-первых, слишком тяжкая то была победа, затратная, кровавая; во-вторых, не увенчавшаяся возникновением достаточно жизнеспособного строя и не столь уж принудительного бытия; в-третьих, изрядно подавившая, скажем так, обывательско-животно-хищнические инстинкты, свойственные человеку от природы и неустанно в нем воспроизводящиеся, но их вчистую не одолевшая, обеспечив тем самым вызревание противного себе внутреннего фронта; в-четвертых, не на шутку испугавшая своего отрицательного прародителя — Запад (в лице прежде всего англосаксов), вольно и невольно сделав те же США с Великобританией горячими своими противниками, развязавшими против сталинского СССР беспримерную и беспрекословную «холодную войну» — войну на медленное уничтожение!; в-пятых, несмотря на обращение к коренной России и на нее опору, победный сталинизм, страшая этой же самой России, не стал ей — коренной — органичным, оказавшись всего лишь неорганичным (пусть полу-органичным), а потому и не слишком жизнеспособным, навершим; в-шестых, коварно головокружительной в международном плане оказалась сия победа, бросившая СССР в утопическое перестроение по сталинскому (пусть и квази- или даже псевдосталинскому) образцу весь зёмный мир, обеспечив возможность надрыва и истощения материальных, духовных и вообще экзистенциальных сил, причем не так СССР, как закрепощенной им России.

44. Победа сталинская была великой, но и заплатить за нее пришлось великим... нет, пожалуй, не поражением, тут было что-то все-таки другое, скорее... **великим ниспровержением**, пусть и коварным, и предательским, даже по-своему и легкомысленным: мало что отказались от победоносного сталинизма, его не перестроив и не превратив во что-то более реалистичное и жизнеспособное, обеспечив ему погибель, так ведь еще и кинулись напрямик... э-э... на Запад (!) («Дранг нах Вестен!») с вассально-подобострастным приглашением Запада к себе в бывший СССР, в Российскую-де Федерацию, на Евровосток, то бишь с оживлением уже было навсегда загнившего «Дранг нах Остен!»! Каково, а-а?! Вот уж *переворот с выворотом* так уж *переворот с выворотом* — великий такой ПЕРЕВОРОТ!, мало что антисталинский, что более или менее понятно, так ведь еще и антидержавный, антисубъектный, антироссийский, в общем — сам

черт даже не знает какой! Одно ясно: прозападный, проглобалический, проколониально-экономизменный, прокапитало-финансовый! Но почему же произошло именно ЭТО?!

45. В том-то и дело, что в Бытии-Истории, которое вовсе не просто человеческое бытие-история, а включенное в Мироздание Нечто, ведущее себя не только и не столько в соответствии с человеческим умом, как и не только и не столько со своим собственным бытийно-историческим умом, как с неизвестно каким — *иным!* — умом, что не означает, что никто из фигурантов ПЕРЕВОРОТА за него не ответствен (что натворили творцы, то уж натворили!), но что означает, что сей ПЕРЕВОРОТ *не мог не произойти (!)*, но не по этим — этих фигурантов — соображениям, а по соображениям, уж извините за настырность, *Иного!*

46. Одно дело — победоносная сталинская цивилизация, совсем другое — ее продолжение, вот тут-то и выявилось, что продолжать-то ее без насилия практически невозможно, когда и само насилие, исчерпавшись, уже стало невозможным, и переделать в ненасильственное бытие оказалось невозможным, в общем — образовался сталинский, ну пусть постсталинский, тупик, и тогда последовал... *срыв* — СРЫВ!, причем прямо туда — к бездне, в преисподнюю, во ад, скрашенные, правда, улыбчивым Западом и услужливым западнизмом: Иное, само того, быть может, не желая, сработало именно так — наотмашь по сталинизму, уже по его остаткам, если не по останкам, и — чтобы, надо полагать, не провалиться стране России навсегда в Небытие — сработало на сцепку с Западом, пусть и на унижительную для России сцепку, однако, как вообще ни странно и как это было ни вопреки отчаянным трансформаторщикам, обеспечившую России, пусть и подспудное, но уцелевание, однако при сохранении, может, и невольном, кое-каких важных резервов, нетленно заложенных сталинизмом и бескорыстно выручивших павшую-де страну в сей потрясающе невообразимый для страны и даже всего мира критический, да что критический — *катастрофический!* — момент. Вот такая тут заспиралилась бытийно-историческая загогулина: падение сталинизма с опорой на... сталинское наследие (та же ядерная бомба), как и его — этого наследия — жадное, разорительное, подлейшее и пошлейшее присвоение и проедание, а также с опорой на зацеп за сталинского врага — за Запад, причем с явной

изменой Сталину и с не менее явной сдачей уже бывшей сталинской страны Западу! Поди-ка, всезнающий интеллеktуал, разберись!

47. Почему же все случилось так, а не иначе? Сталинские безжалостные, во многом не обоснованные и уж вовсе не сильно справедливые, репрессии сделали, помимо как бы «святого дела» подъема, обновления и укрепления страны, еще и вполне себе черное дело, нагнав органического страха, причем не только тогда, в период разгульных репрессий, но, что еще страшнее, и на вроде бы уже нерепрессивное будущее тоже: ни сталинское поколение, признавшее главенство вождя и вытянувшее на себе победный сталинизм, ни тем более идущее на смену сталинцам новое поколение не решились вовремя и всерьез тронуть сталинизм, как принимая его тогдашние достоинства (в Космос ведь вырвались!), так и обоснованно опасаясь новых массовых (венгерское восстание 1954 г., новочеркасский расстрел 1961 г., чехословацкие события 1968 г.) репрессий, а для своих вполне и беспощадных (привычка, знаете ли, хотя бы с 9 января 1905 г.), отчего и весьма деликатная попытка что-то изменить, — после увода от власти ярого сталинского разоблачителя и последнего его политического и идейного невольника, еще и троцкистского толка, — что-то изменить посредством «косыгинской реформы» быстро сошла на нет, а потому и пошло — осознаваемо или нет, скорее, все-таки нет — выжидание... э-э... откуда-то вдруг могущих взяться радикальных перемен, ну и перемены эти вдруг пришли, однако уже на геронтогенном спаде, породившем только одно: отрицание со смехом бывшего тогда бытия, то бишь самое страшное из отрицаний, не требовавшее ни восстаний, ни борьбы, ни жертв, ни подвига, но зато какое в итоге эффективное! Сталинизм оттого просто сам и сошел на нет!

48. Вот тогда-то перед политически оцепенелым поколением вдруг явился во всей красе воистину великолепный Запад (который уже раз перед Отчизной!), причем не как дальний и недостижимый призрак, а как близкий и вполне себе достигаемый блестящий образец, как вполне уже воспринимаемая данность, ну а субъективный движок на Запад уже был подготовлен (разумеется, никак не по «теории заговора», а так, «сам собой» — это для дураков!), более того, этот движок уже был наверху, во власти — еще ведь по сути-то сталинской, то бишь безоговорочной, и пошло-поехало: так вот страна и

ринулась с надеждой на Запад, так вот Запад и въехал триумфатором в страну, так вот жестокий и беспощадный, хоть и временно конструктивно-победоносный, сталинизм сам себя и похоронил, дав при этом возможность не только похоронить КПСС, КГБ (НКВД), СССР, МРД (международной рабочее движение), МСС (мировую социалистическую систему), ДНС (движение неприсоединившихся стран), ДН (дружбу народов), как и «вечно живое» учение тоже, но еще и чуть ли не похоронить самую Россию, немедленно по итогам прозападного переворота 1991 – 1993 гг. укрывшуюся в Нави (не в нави, черт возьми, а именно в Нави) и, надо заметить, из нее вполне до сих пор до конца и не выбравшуюся... нет, даже не высунувшуюся... а лишь оттуда выглянувшую — словно девица-красавица из теремного (если не тюремного, кто его знает?!) зарешеченного оконца.

49. На Запад-то на Запад, да еще и с наглейшим «Западом» у себя внутри, но да вот вряд ли кто из «отечественников» думал, что окажется под одной крышей с западными и своими-де прозападными-де господами, да не просто с господами, а с владетелями земли... э-э... российской, уж и не русской! Вот-те на! Ни бурной тебе революции, ни буйной гражданской бойни, ни лавинообразного вражеского нашествия, ни грубой военной оккупации, а... **революция**-то вдруг налицо, а жалкое ей сопротивление не то что подавлено, а так... выдавлено аки чирий, а страна-то скоропостижно расколота, а ее осколок, называемый ныне РФ, поспешно прихвачен и уродливо вестернизирован, а диктатура и рабство никуда не делись, а брошенное на произвол судьбы население, лукаво превращенное в электорат, бросилось приспосабливаться к новому для него беспорядку, ища себе удачи, не исключая ни торговой («челночество», торговлишка на вдруг возникших повсюду улично-площадных рынках), ни воровской, ни бандитской, ни «мошенской» (ОПГ — «организованные преступные группы», — додуматься же было надо!), ни бегловской (за границу), а что было делать честному народу, коли на сакральном-де верху было куда как веселее — там уж воровали, грабили, прихватывали по-крупному, по-акульки, аж и не проглатывая схваченное, давились, да и друг друга охотно давили. Не война вроде бы, а ведь не хуже войны всех против всех получилось, куда даже и страшнее! Падение! Вполне и тотальное, всестороннее! Выворот! Без правил, эффектно и эффективно! И жертвы были обильные, почти

как в ту войну — отечественную — миллионные, — что прямо на тот свет, что на свету — ограбленные и униженные, да не в наказание никакое, а в долгожданное торжество-де долгожданной свободы! Есть он, как выяснилось, есть, причем в изобилии — бес, злодей, враг, супостат, подлец, пошляк, в общем — *нелюдь*, — да не вообще нелюдь, чего всегда хватает в звании отродья, что не так уж и интересно, а как герой, причем прямо-таки в образе *героя нашего времени* (какового ни Пушкину с Лермонтовым, ни Гоголю с Салтыковым и Чеховым даже не снилось!).

50. Свой у нас получился «Запад», *свой*, как раз близкий к тому — вестерновому, захватническому, пиратскому, колониальному, только вот *свой* и *у себя*, близкий, кстати, к раннему рюриковскому, как и к лихорадочному петровскому, да и к ажиотажному большевистскому тоже — это по части захватов, разорений, расправ, репрессий, жертв. И все-таки почему же такой вдруг случился свал вниз, в бездну, в преисподнюю, во ад, откуда вроде бы Сталин уже вытащил было страну за волосы... э-эх... да вот то ли не дотащил, то ли, вытащив, сразу же придавил выжимным камнем, как квашенную капусту, то ли вкупе с тяжелой войной, великой победой в ней и другими великими победами силовó и экзистенциально истощил, не дав шанса долгой жизни всему тому, что созидал, к чему стремился, чего добивался, чему столько жертв принес, не минуя и самого себя, как и посмертных ему похоронных жертв на Трубной, да и последующих, пусть уже и не массовых, но все-таки жертв. *Жертвы, жертвы, жертвы!* Ну и непременно за них воздаяние, однако мало что тоже жертвенное, а прямо-таки... *в наоборот* — с чем боролся, не очень-то тщаься о справедливости, на то и напоролся — через невообразимо причудливое сальто-мортале, прямо в угоду, как уж давненько повелось на Руси, да и вокруг в человечестве, чудищу окаянному — *алчности человеческой!*

51. АЛЧНОСТЬ! О-о, величайшее достояние человеческое — животное, звериное, плоское! Сколь ни осуждай его, сколь ни борись с ним, а оно всегда, как только возникает или же создается возможность, тут как тут, даже и прикрытое образованностью, «культуркой», манерами, той же стильностью. Уже азартные игры с казино о многом говорят, как и разделы потомками оставшихся от мертвецов имуществ, то же мошенничество, хоть это и сущие мелочи в

сравнении с алчностью завоевателей, колонизаторов, предпринимателей, банкиров, прихватизаторов, ну и властителей тож, не исключая и ныне пребывающих в моде и на взлете «эффективных менеджеров». Чем не страдал товарищ Сталин, так это алчностью, он ее ненавидел и с ней боролся, да вот не доборолся, мало того, ужаснулся, увидев в 1945-м размеры тех же генеральско-маршальских трофеев, осознав, наверное, неистребимость сего замечательного людского свойства, это во-первых, а во-вторых, убедившись в тщетности своей попытки создать трудо-творческую цивилизацию, лишенную этой самой алчности. Судя по последнему, немало уже и больному, Сталину, его раздраженной не то реплике, не то возгласу: «Чему аплодируете?!» (на последнем для вождя партийном съезде), как и по нежеланию ежегодно широко праздновать День Победы, непременно проводя и проводя Парад Победы, вождь народов и креатор новой цивилизации вряд ли был уверен в долгой жизнеспособности всего им содеянного и предложенного человечеству, — как, наверное, по причине пролитой за все это то ли винной, что возможно, а попросту и невинной, что вполне себе явно, но обильной крови, так и из-за неисправимой природы человека, вовсе и не грехопадеиной, как любят в утешение греховедам говаривать те же греховоды, а попросту вот такой и все, о чем товарищу Сталину, вовсе не агнцу, а скорее... э-э... *тому самому*, о ком принято помалкивать, было очень даже хорошо известно: чего-чего, но вот тут Сталин никаких иллюзий не питал, хоть на инквизицию иллюзорно и надеялся, да вот, выходит, зря, точнее, в короткую, может, и не зря, а вот в долгую, увы, не то что зря, а так — вхолостую!

52. Ослабление и истощение сталинизма как идеи и как строя трудо-коллективистского бытия, его фактически уже клиническая смерть с момента ухода звездного старца-генсека, не только создали условия для окончательного демонтажа сталинского детища руками его завязых врагов (частично оправданными, скажем так, необоснованными репрессиями со стороны сталинского режима, а в основном-то нет, попросту противников всего, что мешало эгоизму, алчности, обогащению, присвоению, паразитизму, антигражданской безответственности, непатриотизму, безразличию к общественной жизни, поведенческой разнузданности, как и тому же уродскому антиискусству, ну и, разумеется, разнообразному мошенству, не

исключая законное-де экономо-финансовое), а враги эти, пусть, может, и не сразу, но оказались-таки у власти, наверху, у руля, у штурвала, и воспользовавшись возникшим аки космическая дыра строевым и идейным *безвременьем* — БЕЗВРЕМЕНЬЕМ! (строй и идеи по факту вроде бы еще были, но по присущему им сакральному делу их уже фактически не было, отчего и *безвременье* — аки дыра в мозгах, когнитиве, сознании, ноосфере), эти-то враги проделали большую противосталински разрушительную, но при этом и новую антисталински поделочную работу, опираясь, как было выше замечено, на сталинское наследие, причем вовсе не только на материально-индустриально-инфраструктурное, но и на идейно-гражданское в аспекте неукоснительного признания со стороны населения любой действующей в стране власти и к ней достаточного для власти гражданского, пусть и псевдогражданского, доверия, а также зацепившись за как бы помогавший сему перестроению и бывший сему перестроению образчиком на перспективу, даже и с возможностью с ним полного слияния, Запад.

53. Примем во внимание и совокупим воедино, как в магическом кристалле, ряд исходных и крайне судьбоносных на тот момент факторов, обстоятельств, ситуаций: 1) тягостное оцепенение позднего сталинизма, пусть либерально подправленного, но животворно не переделанного, его клиническую смерть, неумолимо подкрадывающуюся к нему кому; 2) привод в еще попахивавшую позднесталинским духом верховную власть сначала скрытых, а затем и открытых врагов сталинизма во всех его идейно-строевых проявлениях, однако врагов по преимуществу с «того берега»... да ладно бы лишь с реально западного или Западу симпатизантного... а то ведь... э-э... алчно-присвоительно-грабительского, точнее даже, не с «берега», а из собственной для страны «мусорной ямы», откуда и повыскакивали на свет особого рода людишки, которые оказались, как метко заметил где-то в 1992 г. один из бывших высокопоставленных спецслужбистов, «хуже бандитов — с бандитами хоть договориться можно!»; 3) сцепку новых властей предержащих с Западом как с образчиком, прикрытием и споспешником хаотизменного (в хаосе), но целеустремленного переделывания страны; 4) уже утвердившееся в умах правящих элит неприятие СССР как имперского, угрожавшего тому же вожделенному Западу геополитического образования с его

анахроническим-де постулатом «дружбы народов», а на самом-то деле созревшее за поздний сталинизм стремление правящих элит и поднявших голову «алчников» к ликвидации СССР как СССР; 5) обязанную жесткому, диктатному, репрессивному еще и гарантировавшему сносное — безопасное, трудо-творческое, товарищеское — бытие сталинизму политическая инертность и индифферентность не только масс, но и элит (испуг и страх как несмываемые с людских душ невидимые, но очень чувствительные, родимые пятна); 6) экзистенциальную усталость населения, в особенности элит, от геронтократического правления, дефицитократического потребления и лимитократического (полукрепостнического) существования; 7) усталость и истощенность СССР в его роли лидера, опекуна и защитника альтернативного Западу «прогрессивного»-де полумира — утопического, искусственного, призрачного, для СССР во многом изживенческого, нагрузочного, затратного, хотя и казавшегося реальным и даже действенным, однако мгновенно с уходом СССР и соцпроекта развалившегося и исчезнувшего; 8) неоднозначную роль в реализации и судьбе постсталинской страны действовавших в СССР высших парторганов и спецслужб («Pro et Contra»), как и отстраненность от внутренней жизни страны армейских структур, изрядно к тому же деморализованных поспешным уходом, хоть и не бегством, из Афганистана и ГДР; 9) шаг за шагом усиливавшееся не без скрытой поддержки «структур» протестное (молодежное, интеллигентское, культурабельное) движение, получившее именование диссидентского, как и протестно-трансформационные политические движения и эксцессы в странах-сателлитах (Венгрия, Чехословакия, Польша), разедавшие все сталинское наследие, а вместе с этим и готовившие прыжок в сторону Запада; 10) упорную подрывную работу против всего сталинского наследия со стороны Запада, ведшего «холодную войну» с СССР и его сателлитами, как сейчас бы сказали — гибридно-гуманитарную, столь же, кстати, настырную и последовательную, что и сейчас, заимевшую место уже в XXI в.; 11) выведение на высшие руководящие позиции — в лидеры страны — персонажей, соответствовавших задаче ликвидации не только самого по себе сталинизма (строя, идеологии, практики), но и вообще социализма-советизма-коммунизма вместе с существовавшим тогда СССР, а затем, если повезет, и задаче дерусификации с перекодированием страны,

с забвением ее исторических истоков, перетрактованием ее истории, стиранием этно-экзистенциальных печатей, вестернизацией бытия и «культурной (антикультурной) революцией», что и было при участии своих и западных спецслужб, тайных организаций и зарубежных правительств проделано, — во главе страны таки оказались потребные для сих деяний акторы; 12) активное участие Запада, включая и папский Рим, в заговоре (именно в *заговоре!*) против не только антизападного образа бытия страны, но и против самой страны, как и участие Запада непосредственно в перестроечно-ликвидационных и новостроечных процессах в СССР и в Российской Федерации.

54. Внимательно, не без волнительного трепета и толики невольного ужаса всмотревшись в полученный нами магический кристалл, не сильно трудно осознать, что стране нашей было тогда не миновать *катастрофы* — КАТАСТРОФЫ!, и эта, как оказалось, весьма желанная многими внутри и вне страны катастрофа таки разразилась: страна нырнула-таки в Бездну, в Хаос, в Преисподнюю, во Ад! Преувеличение? Нисколько! Обманутая, растерянная, помраченная, прельщенная, плененная, но при этом и оболганная, обгаженная, униженная, оскорбленная, с брошенным на произвол судьбы народом, воровски обчищенная, бесподобно разграбленная, лукаво прихваченная и алчно присвоенная! Что, разве не так? И глядя на все это, разве не бездна, не хаос, не преисподняя, не ад, — а-а, господа хорошие и товарищи дорогие? И то была, пусть на тот момент, и кризисная, и больная, и ослабленная, даже и заблудшая, но великая страна с великой историей, великими победами и великими достижениями, с великим еще, пусть уже и отходившим на задний план, поколением людей-созидателей, и однако ловко самозабвенно пущенная жестокосердно, трусливо и глупо ее же «вождями» в расход — коварный, пошлый, жалкий!

55. Но что же воистину волнует любого порядочного, патриотично и человеколюбиво настроенного обозревателя (и даже свидетеля!) того потрясающего любое воображение бытийно-исторического происшествия-события-деяния, а в общем-то — *преступления*, да-да — ПРЕСТУПЛЕНИЯ!? Неужели нельзя было сделать как-нибудь по-другому, по-людски, по-благому? Смешной вопрос, но он вольно или невольно приходит на ум и тревожит, тревожит, тревожит, а еще более тревожит, точнее... *убивает*... на него ответ: иначе,

чем произошло, могло произойти, но не намного иначе, ибо у страны, не говоря о ее «вождях», была уже утрачена *воля* — ВОЛЯ! — к своему бытию и своей истории, — и наступившее иное — ИНОЕ! — не могло не стать *таким*, или примерно таким, каким и стало. Неутешительный вывод, но что делать: чего было не миновать, того и не миновалось! С победных высот, да в *яму* — ЯМУ! — полную грязной, отвратительной, мертвящей жижи, однако Россия на то и Россия, чтобы, нырнув в зловонную яму, в ней не утонуть, а, как бы это было ни чудовищно тяжело, вынырнуть, уже, разумеется, *иной Россией*, может, и на погляд, и не Россией даже, но тем не менее... все-таки Россией, пусть и помятой, поруганной и истерзанной, однако кем или чем же еще?

56. Невероятно, гнусно, подло! И страшно обидно! За что, за какие прегрешения, за какие преступления? В чем был виноват народ-труженик, народ-герой, в чем провинилась страна-чудесница, страна-страдалица, почему же *такое* (!) над ней издевательство? Недаром же известная диссидентка, жена еще более известного диссидента, отсидевшая свой срок на нарах не то в Коми, не то на Колыме, хорошо знакомая с выразительной тюремной лексикой, выкрикнула по ТВ прямо из Парижа: «Суки, суки, козлы вонючие!», — это о, казалось бы, близких ей по отрицанию сталинизма тогдашних «преобразователях» страны — «борцах» с СССР, социализмом-коммунизмом-советизмом, а на деле всего лишь алчных прихватизаторах-мошенниках, которые даже «хуже бандитов». Да-а, Провидение бросило под давлением Иного на страну грифоподобных стервятников, ее жадно клевавших и рвавших на куски, да не только ее сочное тело, но и ее благодатную душу, мало что разрывая страну на куски и жадно присваивая задарма доставшиеся им богатства, но и понося страну «идейно», да ладно уж за сталинизм с КПСС и КГБ, а то ведь и за Россию с русским и другими ее народами, за то, что она, видите ли, дика со своими столь же дикими сыновьями и дочерьми, нецивилизованный, неевропейский, неамериканист. И кто судил, кто приговаривал, кто казнил: человеки или всего лишь человекообразы? А ведь, знаете ли, образованные, эрудированные, речистые! Вот уж насмешка так насмешка над сакральным проектом «Человек», над Просвещением, над Гуманизмом и над знаменитым «Любите ближнего!» (церкви наши, кстати, оказались, извлекая для себя

блага, как-то незаметно на стороне... э-э... подлого режима, им — церквам — заметим, активно и потворствовавшего, — любопытно, не правда ли?!).

57. Нет, не в обличении кого-либо из антигероев того, а в мере и нынешнего, времени, наша задача, тем более людей воспитанных, что называется, культурных, даже по-своему и приятных (нет, не троглодиты вовсе занимались «реформой» и «прихватизацией», разорением и покорением страны, присвоением понаделанного трудовым народом богатства, безмерным и беспримерным личным обогащением, выделяванием из себя олигархов, магнатов, богачей, в общем — стоящих дорого и крепко-де стоящих на не столь уж крепких ногах «агнцев», которые совсем, совсем не троглодиты, — что их вообще обличать!), тут дело в другом: почему же все произошло именно так, как произошло, почему. помимо, конечно, вполне понятного исходного от природы безудержного стремления людей к благополучию, включая и безмерное, ну и к высшему положению, к материальной, духовной и политической власти, к господству? Да, всех *этих* «людей» понять можно, труднее понять, почему это вдруг *им* стало *это* позволено, причем не только по общечеловеческому присвоительному рефлексу, даже и круто рваческому, как и не только по причине несопротивления народа всему, что обычно творит в стране деспотическая по обыкновению власть, а сие перестроечно-перепрограммивочное безобразие творила тогда именно обернувшаяся сизым оборотнем власть, как и не только по причине великого обмана с той же ваучеризацией, сотворенного все той же властью, как и не из-за блаженных ожиданий населения от проводимого благого-де переустройства бытия, нет, конечно, тут дело круче, загадочнее и острее, а для порядочных людей, верящих в Бога, Христа, человечность, порядочность, еще и больнее!

58. Каждый «чел» сам вроде бы выбирает свой путь, вершит свою судьбу, идя или не идя на ту же сделку с совестью, а то и с самим дьяволом, наша задача — разумеется, совершенно добровольно на себя взятая, — разобраться в происшедшем со страной на рубеже 1980 – 1990-х и далее годов странным и страшным превращением, вмонтировав сие безобразное происшествие в общий и душный бытийно-исторический контекст, использовав не малые, а большие верификационные метры, отчего и потребно обратить свое внимание

на истоки, да и не самого этого безобразного происшествия, а на истоки его *вообще возможности*. Где они — эти истоки? Не заглядывая слишком далеко вглубь истории, воздадим должное для начала Петру Великому с его ломкой через колено матушки России, тогда более Руси, чем России, а потом вершителям Великой революции 1917 г.: что, разве, петровская ломка не должна была отозваться другой ломкой, уже в 1917 г., и тоже через колено, предназначенной уже не для переделки России, как было у Петра, а для ее полного уничтожения, да вот Сталин со своим тоже ломообразным сталинизмом вдруг помешал насовсем и навсегда отменить Россию, хоть и оседлал ее, творя на месте, да и вместо, России, ее при этом нещадно эксплуатируя, свой СССР, — и что, разве все эти ломки не могли привести к новой очередной ломке — вроде бы антисталинской, что, конечно, и так, но ведь более всего-то опять же *антироссийской!*, причем, что самое неприятное, да и попросту отвратное, как очередное *возмездие*, да вот не за грехи вовсе, не за победы, да не за угрозу кому-то и чему-то, а... Sic!.. *за предшествовавшие ломки!*

59. Любопытнейшая получается вещь, она же и весть: тысячелетняя борьба России (протоРуси, Руси, России) с не покидающей ее и никак насовсем ею не одолеваемой *антиРоссией*: то ли Россия из России никак не вылупится, то ли у России миссия «така» (она же и бремя, и беда, и тщета) — быть и не быть Россией, а ежели стать-таки самою собою, то уж, видно, в конце времен, чуть ли не по итогам Страшного Суда, что как раз и подтверждает неотмирность Руси-России, не вполне полное приятие ею этого мира и острейшую неприязнь этого мира к России, конечно же, как к сокрытой экстраординарной (альтернативной этому миру) идее, уникальному экзистенциальному проекту, телеолого-эсхатологическому замыслу, а может, и замысленному где-то там орудию того же Страшного Суда, — кто знает? Подправляет же Россия, немало жертвуя собой, терпя те же издевательские над собой ломки и при этом одерживая победы, мировое бытие (и не только в евроатлантической, а еще и в азиатской интерпретации, включая и мировые войны, среди которых не только паневропейские, но и, к примеру, та же паназиатская чингисхановская), разве не так? Выходит, что не так для себя бытует Россия, как для всего планетарного мира, будучи ему невнятным противовесом, хоть и находясь в нем, но ему всецело не принадлежа, отчего и

острый у мира зуд на Россию, и страх от нее великий, и ненависть большая к ней, сочетаемая всегда с последней на нее надеждой, а во все не только с жадной зарью на ее пространства и ресурсы. Любопытно, что любая победа России не выгодна никому, даже самой России, зато поражение России выгодно всем, кроме, конечно, самой России.

60. АнтиРоссия — что внешняя, что внутренняя — это, заметим, постоянная претензия этого — зёмного — мира на переделывание иномирной России, столь же несбывающаяся, как и внутреннее из глубины веков стремление (или просто потенция) России стать собственно Россией, да не как-то наполовину, а то и того меньше, всего лишь поверхностно-феноменально, нет, вполне себе глубинно-ноуменально. Россия всегда ведь полу-Россия, а то и недо-Россия, — вот что надо бы всем нам уразуметь! И где ж она более всего? Как раз там — в исходе, в изначалье, в ином мире, а здесь она менее всего, и то более всего в преданиях да в душах людских, чем в государственной феноменальности. Мало кого из русских вполне удовлетворяет Россия, но мало кто из русских с ней расстается, зато много кто из русских встает за Россию, ее обороняя и идя вместе с нею, коли надо, в поход на супостата, врываясь в его не только окоемы, но и в столицы, а победив супостата, уходя обратно, к себе, в странную российскую иномирь. Россия сопротивляется антиРоссии, время от времени ее от себя отбрасывая или под себя подминая (русифицируя), но, не терпя ворога-захватчика, терпит почему-то, немало и вынужденно, внутреннего противника-отвергателя-переделщика, может, не давая себе морфического покоя, бдя себя, а бдя, изменяясь, как и приспособливая себя к этому — вовсю меняющемуся — миру. И вот в силу тяжелой двойственности: быть сразу Россией *этой* (этого мира) и Россией *иной* (иного мира), отчего и быть Россией и антиРоссией, да мало что в двух противоречащих друг другу ипостасях, так еще и в противоборствующих, что совсем для страны не редкость, не на жизнь, а на смерть!

61. Отсюда и внутренние, перемешивающиеся с внешними вкраплениями, выпадами и вторжениями, терки — как раз между антиРоссией и Россией, да что терки — самые что ни на есть войны, пусть и представлявшиеся обычно в официальных историях смутами, бунтами, восстаниями, реформами, обновлениями,

преобразованиями, но зато какими же эти происшествия бывали разломными, затратными, утратными, жертвенными, кровососными. Аж жуть! И что в те же 1990-е: случилась ли тогда очередная война меж антиРоссией и Россией аль нет? Ответ: случилась, конечно же, не такая как при Петре I или по итогам 1917 г., а более, так сказать, деликатная, хотя атака на Россию со стороны антиРоссии была не менее содержательно отменной, чем прежде — от разрушения соборно-государственнических начал, характерных для российского жизне-строения, до гнусно-гадкой русофобии. И что тут по-своему интересно: сия война, приняв, быть может, более завуалированные и эластичные формы, и по сей день на ходу! Российская сторонка усиленно вестернизируется на американский манер, а цепкая русскость хоть открыто и не отвергается, но на деле и не очень-то приветствуется. Тут вообще примечательно, что за борьбой де со сталинизмом скрывается куда более значимая для нынешних хозяев страны борьба — борьба с Россией как идеей, замыслом, проектом, как образом бытия, как животворным духом, даже и когнитивом, образом мыслей, мировоззрением.

62. Хошь не хошь, а приходится сие прискорбие не без скорби констатировать. И дело тут не так даже в прямом преследовании русскости, как это имеет место в тех же латвиях с украинцами, и не в тишайшем вытеснении русских из бывших «братских республик», а ныне «независимых государств», как и не в глухом непринимании вытесняемых (гонимых!) русских в самой Российской-де Федерации, как дело тут попросту в тотальном замещении русского мира на мир нерусский — вот, собственно, и все! И не тут ли таится главный коварный смысл так называемых «социальных реформ», проведенных и удерживаемых нынешней властью: реформ образования, здравоохранения, науки (гуманитарной, прежде всего), нарушивших характерный как раз для русскости, с чем считался и сам товарищ Сталин, образ реализации и ведущий к потрясающе вредным результатам — формализации, выхолащиванию, умиранию?! Что уж говорить о разворачивающейся электронизации-цифровизации гуманитарного бытия и упорно подступающем замещении уже денационализированного и почти уже обыскуственного людского разума вполне уже искусственным техническим разумом — какая уж тут коренная русскость?!

63. Ясно, что осуществить в мгновение ока внезапный на 180 градусов социохозяйственный переворот можно было лишь бросив огромную развитую страну с ее ничего такого не подозревающим населением в затхлую бездну, в перемалывающую все и вся преисподнюю, в аморально-криминальный ад, что как раз и было ловко проделано (насколько субъективно осознанно или нет, значения не имеет — камешек злой был брошен на краю обрыва, и лавина каменного зла пошла, поехала, понеслась вниз, как раз туда — в бездну, в преисподнюю, во ад — ничего тут такого уж удивительного!), однако было проделано и другое — созидание из разбросанных камней «Иного Храма», причем не менее деспотического, чем сталинский, только по-другому деспотического — в пользу не государства, не народа, не развития даже, а в угоду захватившего и оккупировавшего страну ловкого — как раз того самого, с которым «не договориться» — алчного, безудержного, беспардонного — меньшинства, охотно сдавшегося примерному для себя западному опекуну, а заодно и сдавшего сему доброму-де злодею и великую страну с Россией в сердцевине.

64. И опять, и опять, и опять: Россия будто бы пала, но не исчезла; погрузилась вроде бы в Навь, но там не сгинула; накрылась мертвящей тенью, но в ней не растворилась — и что, как всегда, поразительно: мало что осталась в Яви, что выжила, не покидая преданных ей русских душ, а стала вновь, как и прежде, подниматься — как вопреки новому «сооружению» на российской земле, так и в кое-каком согласии с ним, точнее, в его — этого сооружения — с ней — Россией — согласии, ибо скоренько «преобразователям» стало ясно, что без России им и их «Новому Храму» ни хода, ни жизни нет, разве лишь полностью покориться двуличному зверю-опекуну, служа ему вассальной подпоркой, имея, конечно, в руках своих немалые богатства, однако и делясь ими униженно со зверем-хозяином, не только не будучи при этом с ним «на одной ноге», но даже не будучи допущенным далее его «Кощеевой прихожей», отчего пришлось новому режиму с его новым правлением сначала не очень гласно, а потом все более заметно разворачиваться к России, разумеется, в меру, ровно настолько, чтобы на Россию, как когда-то Сталин, лишь опереться, но не дать России превосходства над охватившей ее антиРоссией. И вновь Россия, как это бывало испокон веков, никуда насовсем не делась, она вновь в действии, но в действии,

как обычно, вспомоществовательном, оставаясь в противоположении с антиРоссией, сопротивляясь ей, даже с нею и борясь, но, увы, и обеспечивая ей — антиРоссии — немало и паразитарное выживание. Парадокс, конечно, но что на свете не парадокс, — да, может, здесь и парадокс, да вот все-таки необходимый, ибо кто знает, что более потребно сейчас России — она сама или ее борьба с антиРоссией, за которой ведь не что иное, а мирового масштаба кощеевский *антимир* — АНТИМИР!, с которым нынче судьбоносная тяжба не одной лишь глубинной и функциональной России, но и всего всееще-человеческого мира — вот как!

65. Обретение Россией самой себя — дело, видно, будущего, если, конечно, будущее будет что у России, что у антиРоссии, что у всего человеческого мира, ибо общемировое дело идет, все более убыстряясь, словно санки на спуске с ледяной горы, уже к ***большой трансгрессивной перемене***, за которой все, что угодно, кроме мира человеческого, на крайний случай — уже лишь *пост*человеческого, который настолько утратит людские, не говоря о божественных, качества, что вряд ли вообще вспомнит о своем человеческом прошлом. Это, разумеется, большая, хотя и не такая уж долгая, перспектива, ежели учесть, как быстро и мощно надвигается на планету *антимир* — АНТИМИР!, сводящий человечество с ума, или же как быстро и мощно сходит с ума человечество, допуская и насаждая на планете *антимир* — АНТИМИР!, который непременно обрадует человечество любезной взаимностью — если не ***Армагеддоном***, то уж ***постчеловеческой трансгрессией*** — точно! А что же Россия? А что Россия, плененная антиРоссией с адекватным ей на сегодня антимиром, их — антиРоссию и засевший в ней антимир — на себе выносящая, обеспечивая возможность пока лишь квазисуверенного выживания перед хищным рылом западного партнера-врага бытующего в стране пореформенного социохозяйственного строя. Эта самая Россия, выстояв, выжив и окрепнув, обозначает сегодня, в 2022 г., не противодействие сему строю с его антиРоссией и антимиром, а самый что ни на есть со всем этим *конфликт* — КОНФЛИКТ!, пока лишь требуя существенных *перемен* — ПЕРЕМЕН!, еще возможных сверху и без очередной «гражданки», как в те же 1990-е, а в случае оставления ее под вестерно-азиатическим экономо-административным гнетом, столь сладостно реализуемым действующим в стране режимом, инициатива вдруг может перейти... нет, пожалуй, не к

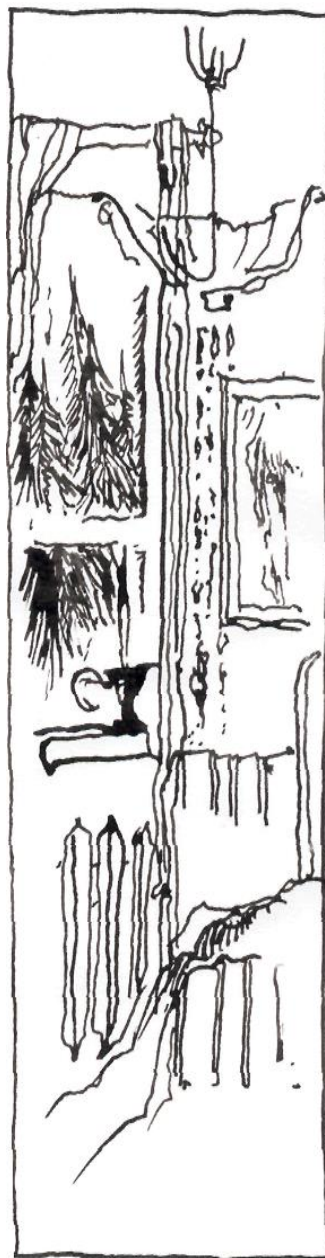
низу... а к Иному, а вот какой же выйдет в реальности из «инойных» вариантов, это уж покажет реальная история — какая де для последней России разница — сокровищница выйдет или сукровинница?!

Итог:

Или Россия, или Ничто! Причем мало что здесь, в стране, но и в мире тоже, причем Россия как Россия, так ведь еще и Россия имперская, соборная, единая... чуть было не вырвалось... сталинская!.. нет, вовсе не сталинская, а... *российская*, однако субъектная, великодержавная, деятельная, вовсе не толерантно-инертная, не покойно-теплая, не сонно-распростертая, а соборная, бодрая, занозистая, горячая! Сбудется ли? Кто ж знает? Но почему же нет, коли время и бремя у нас такие: крайние, колючие, тяжкие?! Вот и Украина подоспела в роли тревожащего Россию пропитанного ядом и разогретого докрасна трезубого наконечника западного(евро-американского) копья. Факт, да еще какой!

25.01.2022

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Агеевский юбилей

Александру Ивановичу Агееву, доктору экономических наук, профессору, не более, не менее как 60! Кто поверит? Никто!

Молодой, дюжий, отважный, прозорливый, разноталанный, талантливый, неподражаемый, а главное — НАШ!, а это в не очень-то наше каверзное время значит многое, очень многое, и прежде всего, что он с Родиной, с добром, с истиной и, что немаловажно, с нами, — его коллегами, соратниками, друзьями!

Века Вам, дорогой Александр Иванович, века — выдающемуся ученому, успешному руководителю, крупному общественному деятелю, еще и оригинальному композитору, музыканту, поэту, литератору, а главное — ЧЕЛОВЕКУ!

* * *

12 июля 2022 г. *Александр Иванович Агеев* за выдающийся вклад в гуманитарную мысль и большую просветительскую деятельность награжден серебряной медалью С.Н. Булгакова «Свет Невечерний».

* * *

29 июня 2022 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Межрегиональная научно-практическая конференция (VIII Всероссийский научно-практический симпозиум из цикла «Россия: земля и люди») на тему: «Россия в разверзшейся реальности — отечественной и мировой», совместно с Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина и администрацией Мучкапского района Тамбовской области (в онлайн-формате). На конференции выступили доктора наук Ю.М. Осипов (ведущий), В.В. Смагина (Тамбов), С.П. Юхачев

(Тамбов), Е.Ю. Меркулова (Тамбов), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), В.В. Чекмарев (Кострома), М.М. Гузев (Волжский), С.В. Киселев, К.В. Молчанов; кандидаты наук О.В. Доброчеев, Е.С. Зотова, В.В.Кашицын (Новороссийск), С.С. Мерзляков, Н.П. Недзвецкая, Е.А. Починкова (Новороссийск), И.П. Смирнов, Г.В. Фадейчева, Е.В. Шелкопляс (Иваново), научный сотрудник Т.С. Сухина, соискатель степени к.э.н. А.И. Сироткина, координатор МОД «Народный институт развития» Э.В. Фомин (Омск).

* * *

Т.С. СУХИНА

Россия в разверзшейся реальности*

Аннотация. Представлен обзор Межрегиональной научно-практической конференции «Россия в разверзшейся реальности — отечественной и мировой», состоявшейся 29 июня 2022 г. на платформе Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина в онлайн-формате, организованной ТГУ совместно с Научным советом «Центр общественных наук МГУ» и администрацией Мучкапского района Тамбовской области.

Ключевые слова: экономика, хозяйство, реальность, новая реальность, человек, кризис, Россия.

Abstract. The review of the Interregional Scientific and Practical Conference «Russia in the broken reality — national and global», held on June 29, 2022 on the platform of the Tambov State University named after G.R. Derzhavin in an online format, organized by TSU in conjunction with the Scientific Council «Center for Social Sciences of Moscow State University» and the administration of the Muchkap district of the Tambov region.

Keywords: economy, economy, reality, new reality, man, crisis, Russia.

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Сухина Т.С. Россия в разверзшейся реальности // Философия хозяйства. 2022. № 4. С. 268—280.

УДК 332
ББК 65.04

29 июня 2022 г. на платформе Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина состоялась Межрегиональная научно-практическая конференция (VIII Всероссийский научно-практический симпозиум из цикла «Россия: земля и люди») на тему: «Россия в разверзшейся реальности — отечественной и мировой» (в онлайн-формате), организованная ТГУ совместно с Научным советом «Центр общественных наук МГУ» и администрацией Мучкапского района Тамбовской области.

Заседание открыл председатель оргкомитета конференции и ее ведущий д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов**: «Сегодня мы проводим последнее в первом трудовом полугодии 2022 г. ученое собрание на актуальную тему, касающуюся текущей мировой и отечественной остросюжетной реальности, ее обусловленности конфронтационными событиями. Конференция проводится в онлайн-режиме на базе и с участием Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, с которым нас связывают многолетние творческие, деловые и дружеские отношения» и предоставил слово для приветствия проректору ТГУ профессору В.В. Смагиной.

Приветствуя участников конференции, д.э.н., профессор, проректор Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина **В.В. Смагина** отметила, что «наша первая встреча на Тамбовщине состоялась в 2014 г., ее случайно назвали первым симпозиумом «Россия — земля и люди», и это стало основой наших последующих встреч в Державинском университете. Конечно, последние два года мы встречаемся онлайн, но очень надеемся, что в следующем году уже сможем встретиться очно — здесь, на Тамбовской земле». Валентина Викторовна поблагодарила всех участников конференции, Юрия Михайловича Осипова и его коллег за огромный труд и вклад в формирование научной мысли о России и ее роли в мирохозяйственных отношениях и пожелала плодотворной интересной работы.

С вступительным словом выступил д.э.н., профессор, председатель Научного совета «Центр общественных наук МГУ»

Ю.М. Осипов: «Ключевое слово для нашего обмена мнениями: “Разверзие!”. Речь идет о разверзшейся пред нашим взором актуальной реальности, когда вдруг происходит ее феноменально-смысловой разрыв, или слом, обнажающий многое из обычно либо скрытого за информационно-словесной вуалью, включая и ее научно-мировоззренческую составляющую — не только идеологически-пропагандную, либо попросту не слишком обычно улавливаемую из скрыто-смыслового внутреннего, эзотерического, ноуменального.

Сие “разверзие” — вроде бы как следствие военного конфликта, развернувшегося на Украине, этой на сей момент мировой “критической точке” с признаками “черной дыры”, но это лишь на внешний взгляд, а по сути-то это не что иное, как *война миров*, да не только западного с российским, под наблюдением и не без участия других “геомиров”, а, что особенно важно, война имеющего исход по преимуществу от Запада античеловеческого антимира, немало забытовавшего и в вестернизированной за полвека России (бывшей в СССР, а теперь представленной как Российская Федерация). Так что это война не только меж странами и разными мирами, и но и война, пусть как собственно война и не выглядящая, мировой России с антимировской — война преобразовательная и по-своему освободительная.

Обращает на себя внимание возбуждение всего планетарного мира по случаю украино-российской войны, а что касается западно-натовского мира, и так и попросту его крутое взбаламучивание, чего, заметим, не происходило в земном мире по поводу ни одной за последние 80 лет локальной войны, что означает, во-первых, именно *разверзие* — РАЗВЕРЗИЕ! — мировой реальности, во-вторых, ее обнажение, включая как негатив, так и позитив, а, главное — вдруг образовавшуюся дыру, подлежащую какому-то заполнению, а в-третьих, явно уже начавшееся и идущее внеглобальческое перестроение земного мира, включая закатывающийся Запад, те же усиливающиеся Китай и Индию, как и вновь восходящую Россию».

По мнению д.э.н., профессора **М.М. Гузева** (Волжский филиал Волгоградского государственного университета), «Россия вступила в эпоху “разверзшейся реальности” с грузом нерешенных проблем, и главная из них — затянувшийся поиск национальной модели хозяйственного развития страны. Поэтому главная победа долж-

на состояться не в успешном противостоянии внешней агрессии, а это должна быть победа над собой. Освобождение от рыночного фундаментализма, от господства неолиберальной идеологии — это и будет поднятие России с колен, которое неизбежно будет связано с авторитарной моделью. Навсегда!».

В выступлении на тему: «Сельское хозяйство в условиях геополитического разлома мира» д.э.н., профессор, заведующий кафедрой агроэкономики **С.В. Киселев** (экономический факультет МГУ) представил свое понимание того, «что сейчас происходит — расхождение геоэкономических политических плит. Расходятся Запад и Восток. Это уже четко проявилось, и мы действительно находимся посередине, но ближе к Востоку, ближе к Китаю как главной массе, которая определяет противостояние Запада и Востока. Наше место посередине, так как у нас есть собственная зона сильного влияния — бывший СССР (Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Армения, в меньшей степени Азербайджан). Сейчас руководству страны необходимо решать текущие задачи, нужно обеспечить, чтобы при том спаде производства, инфляции, потере доходов, которые происходят, наименьшим образом пострадали население и экономика. А стратегия будет несколько позже.

Непосредственно о сельском хозяйстве в связи с геополитическим разломом: важно выделить три вопроса — наука, технология, продукция.

В науке мы очень отстали еще со времен СССР, еще тогда мы закупали импортное оборудование, но наука была в большем почете, больше финансировалась. Сейчас наука в гораздо худшем состоянии, в том числе негативно на развитии науки сказалось появившееся с начала 1990-х гг. понимание, что все можно купить. В итоге в стране отсутствует собственное оборудование, и теперь нужны десятилетия, чтобы что-то изменить. Сейчас талантливые люди в науку идти не хотят, это неперспективно. В технологиях тоже отставание, в том числе в селекции, даже в селекции пшеницы. Этим надо заниматься, это стратегический вопрос. А если говорить о продукции, то матушка-природа нас выручает, чернозема у нас много, продукция будет.

Выводы: нужно исходить из долгосрочной стратегии развития науки и технологий, а спрос на нашу продукцию был и будет,

торговать будем, торговля постепенно будет сдвигаться на восток», — заключил С.В. Киселев.

Е.Ю. Меркулова, д.э.н., профессор, директор Института экономики, управления и сервиса Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина в выступлении на тему «Основные индикаторы экономической безопасности России» подробно остановилась на основных индикаторах экономической безопасности России, на которые нужно обратить внимание. Показатели инновационной активности составляют не более 10% при желаемых 30%, государством деньги на науку в достаточной мере не выделяются, у промышленных предприятий не хватает оборотных средств. Важно отметить неравномерное развитие транспорта, развитие которого способствует активизации процессов. Невысокий уровень жизни и недостаток магистралей обуславливают низкий индекс мобильности населения, так как только 2,3% ВВП мы вкладываем в развитие транспорта (Китай, например — 8%). В отношении энергетической безопасности дела обстоят лучше: зеленая энергетика пока конкуренции не составляет, у нас есть резервы для развития промышленного производства. Экономически у нас огромный потенциал, так как на нашей территории есть все основные полезные ископаемые. Но комплексному развитию регионов уделяется недостаточное внимание. Динамика ВВП в последние годы сдвинулась в сторону развития реального сектора.

Уровень продовольственной безопасности за последние годы заметно улучшился, это же можно сказать и о финансовой безопасности, серьезных угроз для развития экономики здесь не намечается, хотя важно отметить недостаток финансирования образования и здравоохранения.

По мнению Е.Ю. Меркуловой, сегодня необходимо обратить внимание на российские регионы — их уровень социально-экономического развития оставляет желать лучшего, и в ближайшее время региональных перспектив не намечается. Нужно макроэкономически развивать регионы, для этого необходимо перераспределение доходов.

В своем выступлении «Россия и мотивы непостижимости ее исторического, современного и перспективного бытия» профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск) отметил, что «хотя Россия исто-

рически и логически всегда являлась европейской державой, в ценностном целеполагающем формате она всегда принципиально отличалась от Запада, ибо исповедовала примат общенародно-коллективного начала к частному, самодостаточности к стяжанию, справедливости к господству, мира к войне, гуманизма к человеконенавистничеству, развития к доходности, эволюции к революции и т. д. Объективно являясь самостоятельной цивилизацией, обладающей всей критически значимой массой богатствообразующих факторов, Россия всегда была объектом нападков, нападений и войн, что вынуждало ее быть сильной и независимой. Учитывая то обстоятельство, что Запад за последние века фактически исчерпал не только свои доступные факторы богатства, но и существенную часть мировых, он неизбежно будет и дальше стремиться к уничтожению России, поэтому Россия в хорошем смысле слова обречена на превосходство, выражающееся в стремлении к сбалансированной социально-экономической системе, базирующейся на обратной связи и равновесии, генетически воспроизводящей особенности ее цивилизационного кода».

Д.э.н., профессор, и.о. заместителя главы администрации Тамбовской области по экономике **С.П. Юхачев** в докладе «Экономические новины Тамбовщины» отметил, что «для нашей страны и для Тамбовской области в частности макроэкономическая ситуация способствует нестабильности рынков, нарушению логистики, разрыву производственных цепочек, осложняет работу с контрагентами — как в плане закупок сырья, комплектующих, так и в плане сбыта готовой продукции. Повестка экономического блока сейчас нацелена на максимально возможное содействие инвесторам и предпринимателям, помощь в решении трудностей, которые стали следствием действий недружественных стран. В регионе разработан план первоочередных действий (мер) регионального уровня по обеспечению устойчивого развития экономики Тамбовской области в условиях внешнего санкционного давления:

- *ограничение контрольных (надзорных) мероприятий*: более 50 IT-компаний Тамбовской области попали под действие моратория в сфере контроля, в их отношении нельзя будет проводить проверки в принципе, как плановые, так и внеплановые, региональ-

ные и муниципальные органы контроля переориентируют свою работу на профилактику;

- *льготные микрозаймы для субъектов малого и среднего предпринимательства;*

- *уменьшение налоговой нагрузки для владельцев коммерческой недвижимости;*

- *льготные налоговые ставки по УСН для отдельных категорий налогоплательщиков — 2% для научных отраслей и IT-сферы, ставка для резидентов технопарка — 1%; 4% для аптечной отрасли, чтобы поддержать малый бизнес, находящийся, прежде всего, в сельской местности;*

- *поддержка IT-отрасли: наша задача сделать так, чтобы они не уезжали из региона;*

- *специальные льготные займы для промышленных предприятий (ставка от 1% до 3%, в зависимости от продукта):* в регионе создан Фонд развития промышленности Тамбовской области, на проекты по развитию и модернизации региональной промышленности в 2022 г. выделяется более 100 млн р. из федерального бюджета, еще 50 млн р. на эти же цели предоставит область;

- *мораторий на повышение стоимости аренды областной собственности;*

- *работает штаб по защите прав и законных интересов субъектов инвестиционной и предпринимательской деятельности Тамбовской области, цель которого создание благоприятных условий для ведения инвестиционной и предпринимательской деятельности, развития и защиты конкуренции, обеспечения гарантий государственной защиты прав и законных интересов субъектов инвестиционной и предпринимательской деятельности Тамбовской области;*

- *информационная поддержка».*

В заключение С.П. Юхачев подчеркнул, что «мы нацелены на то, чтобы помочь гражданам и бизнесу пройти через этот непростой для нашей страны период, обеспечить финансовую устойчивость, бесперебойное функционирование экономики в изменившихся условиях и выйти на новый виток развития».

В выступлении на тему: «Время перемен или перемена времен?» д.ф.н., к.э.н., к.соц.н. **К.В. Молчанова** (экономический факультет МГУ) было отмечено, что «в современных условиях как никогда стали необходимы новые исследования общества и его развития, причем имеющие не традиционные, а именно новые подходы и концепции для осмысления современных перемен, состояния и развития общества, особенно в условиях глобализации, политического и экономического дирижизма. Однако современные науки не готовы к решению насущных проблем: ситуация изменилась слишком быстро, и соответствующие исследовательские инструменты попросту не разработаны. При этом, к сожалению, отсутствуют и варианты развития наук и их отдельных направлений, соответствующих современным реалиям и вызовам.

Проанализировав экономическую науку, социологию, политологию и социальную философию, мы пришли к выводу, что решение проблемы поиска новой парадигмы можно искать, основываясь на опыте социологии. Известны социологические парадигмы, в том числе Марксистская парадигма, которая, во-первых, наиболее подходит для осмысления политико-социально-экономических проблем, во-вторых, органична перечисленным выше наукам, и, в-третьих, признана практически всеми учеными, хотя, порой, и с большими претензиями к ней».

По мнению К.В. Молчанова, «необходимы переосмысление и развитие политэкономического учения Маркса, что позволит получить качественно новые основоположения для изучения общества. Нужно исходить из создания современной базы, на основе которой можно выдвигать какие-то предложения. Важно рассматривать все научные взгляды, теории и предложения, исходя из нашей, российской, реальности».

По мнению к.т.н. **О.В. Доброчеева** (НИЦ «Курчатовский институт»), «Россия — удивительная страна с 80-летним циклом, сейчас время пассионарности — время непредсказуемых поступков, которые она вынуждена совершать, потому что ей надо прожить минимум 80 лет. Россия все делает по расписанию жизни, исходя из потребностей жизни исторического тела по В.О. Ключевскому. Мы наконец встали на природную естественную почву. Для России это

рывок в неизвестное, так как мы еще не вполне готовы к своей роли. Но страна обязательно справится!»).

В сообщении к.и.н. **И.П. Смирнова** (экономический факультет МГУ) «"Новая реальность" как вызов для России» было отмечено, что «мы действительно столкнулись с новой реальностью, которая лавинообразно обрушилась на нас. Изменения затронули и подвинули к окончательному разрешению извечный вопрос русской культуры о соотношении России и Европы. Новизна реальности заключается в том, что Россия и Запад теперь оказались живущими в двух разных реальностях, и они кардинально отличаются друг от друга».

«Обращаясь к истории русской мысли, важно отметить интересное течение в ней, которое оспаривает европейскую культуру у Европы. Углубляясь в истоки европейской культуры и видя их в античности, эта культура утверждала, что Россия и Европа покоятся на двух разных культурных основаниях — соответственно греческой и римской культуре, и представители этой линии, говоря словами Достоевского, предлагали "искать Европу не вне, а внутри себя"». И сейчас, по мнению И.П. Смирнова, «нам следует не отдавать европейскость Западу, она настолько же наша, сколько их: наша культура настолько же наследует европейским культурным ценностям. Ситуация непростая и непонятная, но следует настаивать на том, что европейскость есть внутри русского исторического цивилизационного типа, и за это бороться».

В выступлении на тему: «Рожденная реальность сегодняшней России» к.э.н., доцент **Е.А. Починкова** (филиал МГЭУ в г. Новороссийске) отметила, что «мы стали свидетелями рождения новой реальности. События, послужившие толчком к этому, планировались давно, но были скрыты от широких масс, а причины были на поверхности, накапливались и достигли предела. Специальная военная операция стала толчком к разрушению сложившихся правил, принципов и связей. Рождение — это качественный переход из одного состояния в другое. С Россией случилось именно это. У нас нет проекта будущего России. Но элементы этого будущего сейчас рождаются на передовой. В тылу каждому пришлось сделать свой выбор и теперь придется сражаться за него. Сегодня каждый творит будущее, и ключевой вопрос — принципы экономического устрой-

ства нового общества. Аспекты, требующие осмысления уже сейчас: 1) баланс суверенитета и экономической эффективности; 2) критерии принятия экономических решений; 3) способ производства и критерий распределения общественного богатства; 4) соотношение общественных и частных интересов; 5) формулирование содержания понятий “деньги”, “богатство”, “собственность”. Мы нуждаемся в новой экономической теории», — заключила Е.А. Починкова.

Директор Института развития человека (г. Иваново) к.мед.н. **Е.В. Шелкопляс** в докладе «Россия в эпоху перемен. Конструктивная социальная самоорганизация как свойство будущего» подчеркнул, что тема конференции «обозначает такую глубину и опасность встающих перед обществом проблем, которые исключают неспешные рассуждения о сути происходящего, где ответственность за неотложные и нестандартные решения перекладывается на представительные органы власти, предназначенные для действий в стандартных ситуациях. Радикальное изменение условий бытия на сломе эпох требует их неперемного осмысления людьми науки (современными “брахманами”). Смена эпох исторического развития всегда сопровождается повышением народной активности, компенсирующей растерянность элит, нацеленных на сохранение прежних устоев. Подобные перемены имели место во времена Ивана Грозного и последующей “Смуты”, в эпоху Петра Первого, социалистической революции. Суть сегодняшних перемен во многом обусловлена окончательным истощением мотивирующих принципов развития, свойственных западной цивилизации — социально-экономического эгоизма (А. Смит, концепция “постмодернизма”) и коротких смыслов бытия (простые влечения и материальные потребности, концепция “трансгуманизма”)).».

Координатор Международного общественного движения «Народный институт развития» **Э.В. Фомин** (г. Омск) в выступлении на тему: «Тектология как возможная основа для холизма современной науки» представил «тектологический подход, который в 1917 г. предложил русский ученый, практик, философ А.А. Богданов: исследовать наиболее общие законы природы, которые применимы к разнообразным явлениям различной природы, на основании которых понять, как организована, функционирует и

развивается природа. И это понимание приложить к обществу. Такой общенаучный подход предполагает появление собственного понятийного аппарата и методов работы».

С точки зрения Э.В. Фомина, «целостное научное знание о Природе может выступить или быть частью фундамента нового холистического научного подхода, если на этой теоретической фундаментальной основе развернуть современные достижения философии».

В выступлении д.э.н., профессора, руководителя Костромского регионального отделения Петровской академии наук и искусств **В.В. Чекмарева** были изложены тезисы доклада, подготовленного им совместно с к.э.н. В.В. Чекмаревым на тему: «Инсектициды, фунгициды и родентициды публикаций “экономистов”». Докладчик дал пояснение нестандартных терминов в формулировке темы доклада в контексте определения законов природы как фундаментальной основы для определения цели человечества.

В.В. Чекмарев обратил внимание на инверсное хроноцелостное определение устойчивого развития общества в качестве цели исторического развития. Он солидаризировался с позицией О.В. Доброчеева, который привел доказательство того, что хроноцелостность процесса есть естественно-историческая закономерность процесса, где прошлое, настоящее и будущее связаны единой цепью, сохраняющей процесс развития в пространстве-времени.

Соискатель Финансового университета при Правительстве РФ **А.И. Сироткина** в выступлении на тему: «Новая нормальность и технологический суверенитет» подчеркнула, что «новая нормальность представляет собой терминальную стадию кризиса капиталистической системы. Концентрация власти-собственности, в частности, в сфере информационных технологий, у ограниченного числа крупнейших частных структур (IT-гигантов), обладающих подавляющими объемами экономических, политических и научных ресурсов, в частности, прав на интеллектуальную собственность, вносит значительные ограничения в возможности производства высокотехнологичной продукции и технологий как локально, так и в глобальном масштабе, которые создают жесткие пороги для развития, что и проявилось на примере России под воздействием санкций. В рамках глобального структурного кризиса остаются актуаль-

ными два подхода к развитию: отказ от развития / догоняющее развитие (копирование зарубежных, порой устаревших, решений) или развитие собственных технологий, основывающихся на достижениях суверенных науки и техники».

А.И. Сироткиной проиллюстрированы реализация и последствия двух указанных подходов в России на примере наиболее наукоемкого, технологичного и дорогостоящего процесса производства микроэлектроники, а также выявлено «отсутствие перспективы реализации технологического суверенитета в условиях инкорпорированности в глобальную либеральную социально-экономическую систему в качестве объекта эксплуатации при отказе от проведения реиндустриализации и развития суверенных науки и техники».

К.ф.н. **С.С. Мерзляков** (экономический факультет МГУ) в своем выступлении отметил, что «государственность является эффективным инструментом развития, которым нужно научиться пользоваться, однако государственность не является целью социального развития сама по себе. Это условие достижения цели или условие формирования культуры. Последние события демонстрируют, что российское общество обладает важным инструментом развития, с которым должна будет считаться любая политическая сила в будущем. Но без цели развития этот инструмент теряет свой смысл; равно как теряет смысл и демонстрация его наличия. В комбинациях двух этих необходимых элементов — инструмента развития и возможных целей развития — можно увидеть потенциал для позитивных социальных компромиссов в будущем».

Подводя итоги конференции, **Ю.М. Осипов** поблагодарил участников и заключил, что плодотворный обмен мнениями состоялся, сегодняшняя конференция должна дать мощный толчок к размышлениям о происходящем и о грядущем. «Можно вполне определенно утверждать, что мир земный колется, образуя новые суверенные части и их новую взаимообусловленную мировую конфигурацию (тут особенно интересен БРИКС!). Что будет в итоге, мы, конечно, не знаем, хоть и знаем, что возврата к США-глобализму уже не будет, как не будет и вбирающего в себя жизненные силы со всего мира пресловутого “золотого миллиарда”. Да, “золотые” верхи, весьма и обескураженные, пытаются спасти ситуацию, накачивая Украину оружием и ведя на ее территории и ее

людьми войну с Россией, но... история уже сказала свое веское слово, разверзнув мировую реальность, и история, хоть и как-то повторяется и даже иной раз кружится на месте, обратного хода таки не имеет.

Судьбоносная роль России в сем разверзии (хотела она того или нет) очевидна: Россия явилась в функции того самого архимедова рычага, с помощью которого Архимед собирался при наличии нужной ему опоры перевернуть весь земный мир. Что только всего лишь казалось Архимеду, в реальности выполнила Россия, желая, повторяю, того или нет — тут особый вопрос, — однако выполнила, уткнувшись в чаемую Архимедом опору — Украину.

Итак: разверзие — переустройство мира — преображение России — новый планетарный мир — Новая Россия!»

АНОНСЫ — 2022

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2022

Всероссийский научный симпозиум

на тему:

«Государство и хозяйство: неразлучность и мера»

Цивилизованного хозяйства нет без государства (права, денег, инвестиций, пособий, вмешательств, контроля, да мало ли еще чего), но и государства нет без хозяйства вообще и собственно государственного хозяйства. Иное дело — степень огосударствления хозяйства, как и степень охозяйствования государства, тут могут быть разные решения. А вот отделять одно от другого — не более чем постмодернистское безумие! Особенно для (в) России. Безумству безумных не поем мы песню! Обсудим!

Сентябрь-октябрь 2022 г.

(Краснодарский край, пос. Новомихайловский, ВДЦ «Орленок»)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

на тему:

«Суверенная Россия: экономика, технология, культура»

Хозяйственно (экономически) суверенная и цивилизационно культурно самобытная Россия: мечты и реальность. Либо Россия во всех отношениях суверенная и самобытная страна, еще и по устройству своему имперская, либо никакой России! «Псевдороссийский симулякр» — в действии! Самое главное, ответственное и тяжкое состоит в том, что России таки придется существенно и полномасштабно измениться — перейти от неполноценного пореформенного образа к полноценному постреформенному! Оставшемуся в России органично российскому интеллекту (не искусственному, боже упаси!) ничего не остается как твердить и твердить об этом пренебрежительнейшем для многих российских-де интеллектуалов моменте — почти с ленинской страстью! Соберемся, поговорим, может, наконец, чего-нибудь и добьемся!

7—9 декабря 2022 г.

(МГУ, экономический факультет)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

РАЗУМОВСКИЙ АЛЕКСЕЙ ИГОРЕВИЧ,

кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем управления имени В.А. Трапезникова РАН, Москва, Россия (*razumowsky@yandex.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shylevsk@mail.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

ПШЕНИЦЫН ИВАН ВИКТОРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, Москва, Россия (*piv3@yandex.ru*).

ДОБРОЧЕЕВ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ,

кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Россия (*olegdobro@list.ru*).

ТУТОВ ЛЕОНИД АНРОЛЬДОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*l.tutov@yandex.ru*).

ИЗМАЙЛОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

ассистент, кафедра философии и методологии экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*izmaylov571@gmail.com*).

УШАНКОВ ВЯЧЕСЛАВ АНАТОЛЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (*slawusha@gmail.com*).

ЖУЛИКОВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ,

кандидат технических наук, доцент, профессор, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия (*peter-julikov@yandex.ru*).

БАЛАНОВ АНТОН НИКОЛАЕВИЧ,

руководитель продукта «ГосУслуги», РТ Лабс, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, Москва, Россия (*balanovanton@bk.ru*).

ЗОЛОТУХИН АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ,

финансист, Ставрополь, Россия (*zol-alsky@yandex.ru*).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*girenok@list.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*nnrostova@yandex.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор философских наук, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

МОРОЗОВ ИВАН ГЕРМАНОВИЧ,

ведущий инженер, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*ivansmail@list.ru*).

ЮР. МИХАЙЛОВ,

пс-м.

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tssmsu@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

RAZUMOVSKY ALEXEY IGOREVICH,

Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher, V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of RAS, Moscow, Russia (*razumovsky@yandex.ru*).

SHULEVSKI NIKOLAY BORISOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*shylevsk@mail.ru*).

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

PSHENITSIN IVAN VIKTOROVICH,

Doctor of Economics, Professor, Moscow, Russia (*piv3@yandex.ru*).

DOBROCHEEV OLEG VIKTOROVICH,

Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher, National Research Center «Kurchatov Institute», Moscow, Russia (*olegдобро@list.ru*).

TUTOV LEONID ARNOLDOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and Economical Methodology, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*l.tutov@yandex.ru*).

IZMAILOV ALEXANDER ALEXANDROVICH,

Assistant, Department of Philosophy and Economical Methodology, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*izmaylov571@gmail.com*).

USHANKOV VYACHESLAV ANATOLIEVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Faculty of Economics, St Petersburg University, Saint Petersburg, Russia (*slawusha@gmail.com*).

ZHULIKOV PYOTR PETROVICH,

Candidate of Technical Sciences, Professor, Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia (*peter-julikov@yandex.ru*).

BALANOV ANTON NIKOLAEVICH.

Manager of Product «GosUslugi», RT Labs, Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation, Moscow, Russia (*balanovanton@bk.ru*).

ZOLOTUKHIN ALEXEY ANDREEVICH,

Financier, Stavropol, Russia (*zol-alsky@yandex.ru*).

GIRENOK FYODOR IVANOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*girenok@list.ru*).

ROSTOVA NATALYA NIKOLAEVNA,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*nnrostova@yandex.ru*).

MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Economics, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

MOROZOV IVAN GERMANOVICH,

Leading Engineer, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*ivansmail@list.ru*).

YUR. MIKHAILOV,

Ps-m.

SUKHINA TATIANA SERGEEVNA,

Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tssmsu@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 35000 знаков (с пробелами), включая метаданные и библиографию.

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) на русском и английском языках должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы), без сокращений; адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком **References** должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумера-

ция формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word.

Рисунки и схемы группируются внутри единого объекта, допуская возможность редактирования, перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Подписи не должны быть частью рисунков или таблиц. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** не должен превышать 11 см по ширине и 14 см по высоте. **Цвет рисунков — черно-белый.** Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word. Количество графического материала должно быть не более 5 рисунков.

Количество таблиц и рисунков в статье должно быть не более 8 в совокупности.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все выпшедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.